

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

МИРОНОВА Анна Алексеевна

**ЧАСТНЫЕ МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ТРАНСФЕРТЫ В РАЗЛИЧНЫХ
ТИПАХ ДОМОХОЗЯЙСТВ**

Специальность 22.00.03 – Экономическая социология и демография

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Научный руководитель:
кандидат экономических наук, доцент
Денисенко Михаил Борисович

Москва – 2016

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1 Теоретические основания исследования частных межпоколенных трансфертов	18
1.1 Частные межпоколенные трансферты: сущность, виды, функции	18
1.2 Частные межпоколенные трансферты в теоретических и эмпирических исследованиях	31
Глава 2 Демографическая структура российских домохозяйств как фактор частных межпоколенных трансфертов	54
2.1 Демографические детерминанты частных межпоколенных трансфертов	56
2.2 Особенности демографической структуры российских домохозяйств	75
Глава 3 Стратегии участия домохозяйств разного демографического типа в системе частных межпоколенных трансфертов	108
3.1 Методы анализа и источники статистических данных о частных межпоколенных трансфертах	108
3.2 Трансфертное поведение домохозяйств в России	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
Список литературы:	173
ПРИЛОЖЕНИЯ	192

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

Демографический переход, начавшийся в России в конце XIX века, изменил размер и состав домохозяйств и, тем самым, обстоятельства межпоколенных взаимодействий. Еще сравнительно в недавнем прошлом взрослые родственники из нескольких поколений, как правило, жили вместе, объединившись в сложном домохозяйстве. В настоящее время взрослые дети, их родители и прародители, чаще всего живут раздельно. Одни исследователи [Parsons, 1955] позиционируют проживание родственников в отдельных домохозяйствах как важнейшую причину отмирания традиционных механизмов родственной межпоколенной поддержки. Другие, напротив, отмечают, что в действительности итогом демографической модернизации является не формирование системы обособленных нуклеарных семей, проживающих в отдельных домохозяйствах, а появление модифицированной расширенной семьи, члены которой хоть и живут в разных домохозяйствах, но тесно связаны между собой взаимными обменами и помощью [Litwak, 1960; Albertini, Kohli, 2012; Pickard, 2015]. Вопрос о том, в какой степени и каким образом, поддерживают между собой связь живущие в разных домохозяйствах родственники остаётся до сих пор открытым.

Ответ на этот вопрос может быть неоднозначным и зависит помимо всего прочего от демографического типа домохозяйств – участников обменов. Демографический тип домохозяйств объединяет те из них, которые отличаются общей родственной структурой и демографическими характеристиками их членов. Состав домохозяйств, входящих в родственную группу, дает представление о потенциальных направлениях и объемах межпоколенных обменов.

Эпохальные изменения, которые происходят в процессе демографического перехода: значительное снижение рождаемости и

смертности, повышение уровня разводимости и частоты повторных браков, распространение незарегистрированных союзов и старение населения – находят своё отражение в трансформации состава родственной группы, и входящих в нее домохозяйств. Из-за снижения рождаемости и, как следствие, числа детей потенциал поддержки родителей со стороны молодого поколения сокращается. Одновременно из-за уменьшения числа братьев и сестер сокращается потенциал горизонтальных трансфертов или родственных обменов внутри одного поколения, которые были распространены еще в недавнем прошлом. В то же время в связи с ростом ожидаемой продолжительности жизни удлиняется период совместного проживания разных поколений в одном историческом пространстве, что расширяет возможности межпоколенных или вертикальных родственных обменов. Распространение разводов и повторных браков ведёт к усложнению системы родственных связей и каналов межпоколенных обменов.

Процесс демографического старения на уровне родственных групп проявляется в увеличении иждивенческой нагрузки на представителей поколений, находящихся в старших трудоспособных возрастах. Именно эти «сэндвич» поколения оказывают помощь, как своим пожилым родителям, так и взрослым детям и их семьям. В связи с этим именно поддержка за счёт родственников, принадлежащих к разным домохозяйствам, приобретает особую значимость. В чём специфика участия домохозяйств различного демографического типа в системе частных межпоколенных трансфертов – основной вопрос, которому посвящено данное исследование.

Степень научной разработанности проблемы

За рубежом исследования частных межпоколенных трансфертов имеют более, чем полувековую историю, которая отражается в многочисленных публикациях, освящающих эту тему с различных ракурсов. В социально-экономических исследованиях частных межпоколенных

трансфертов большое внимание уделяется направлениям трансфертных потоков, (Модильяни Ф., Рилей М., Чил Д. и др.), а также мотивам, побуждающим людей передавать трансферты (Бекер Г., Кокс Д., Слоан Ф., Занг Х, Ванг Дж., Силверстейн М.). Большое число исследований посвящено межстрановым различиям в режиме частных межпоколенных обменов, а также взаимосвязям между интенсивностью частных обменов и типом системы социального обеспечения (Албертини М., Кохли М., Вогел С., Леопольд Т., Рааб М.).

В демографических исследованиях основной акцент делается на том, как частные межпоколенные трансферты связаны с демографическими изменениями. Одним из первых в мире проблему частных межпоколенных трансфертов затронул российский (советский) экономист А.В.Чаянов в своей работе «Организация крестьянского хозяйства» [1925], посвящённой экономико-демографическому циклу крестьянской семьи. Чаянов отметил, что на разных этапах жизни сельской семьи (создание семьи, рождение первых детей, рождение последующих детей, выделение взрослых детей) наблюдается различное соотношение между числом едоков и числом работников, что определяется возрастно-половой структурой семьи. Экономическая устойчивость семьи обеспечивается балансом между производством и потреблением представителей разных поколений в семье. А.Сови (1960-1970-е гг.) проанализировал роль частных межпоколенных трансфертов как одного из источников поддержки пожилых людей в условиях старения населения, предположив, что частные трансферты играют важную роль в поддержке пожилых только на этапе семейной формы содержания пожилых, характерной для патриархальных обществ. Дж. Колдуэлл на рубеже 1970-х–1980-х гг. разработал теорию потоков благ, которая отражает взаимосвязь изменений во внутрисемейных межпоколенных обменах с процессом демографического перехода. Дж. Колдуэлл объяснил переход от высокой к низкой рождаемости изменением направления межпоколенного потока благ. В традиционных обществах этот

поток направлен от детей к родителям, поэтому для родителей «экономически целесообразно» заводить много детей, в современных – от родителей к детям, поэтому иметь много детей для родителей невыгодно. Р.Ли и Э. Мэйсон Э. (с начала 1990-х – гг.), разрабатывают методологию анализа агрегированного потока межпоколенных трансфертов, который включает в себя как частные так и социальные трансферты. в условиях демографического старения. Авторы приходят к выводу, что направление агрегированного межпоколенного потока определяется возрастной структурой общества: в молодых общества межпоколенный поток направлен от родительских к детским поколениям, так как наибольшая нагрузка обеспечивается за счёт дефицита жизненного цикла в детских возрастах, а в зрелых обществах поток направлен вверх.

В эмпирических социально-демографических исследованиях частных межпоколенных трансфертов исследователи затрагивают такие вопросы, как роль пожилых людей в экономике семьи (Эгри Э., Биддлком А., Валенте Т.); влияние развода родителей на вероятность получения поддержки от детей в старости (Пеззин Л., Счоне Б.); влияние возраста, в котором дети покидают родительские дом, на последующую близость отношений между родителями и детьми (Леопольд Т.); социально-демографические факторы (возраст, пол, размер домохозяйства, семейное положение и др.) частных межпоколенных обменов (Кхан Х.); влияние структуры домохозяйства-реципиента на вероятность получения им частных трансфертов (Хао Л., Коуч К., Дайли М., Вульф Д.) При этом частные межпоколенные трансферты изучаются как финансовая помощь и помощи услугами, как факт совместного проживания, моральной поддержки с точки зрения частоты контактов и затрат времени отдельно проживающих родителей и детей (Леопольд Т., Франкенберг Э., Лиллард Л., Уилс Р., Шуй К.).

В России частные трансферты выделяются в отдельную исследовательскую область с конца 1990-х гг. До этого проблема частных трансфертов затрагивалась в отдельных исследованиях (например, Ружже В.,

Кадибур Т. и Елисеева И. «Структура и функции семейных групп» (1976)), посвящённых семейной проблематике. Проблеме частных трансфертов были посвящены работы Римашевской Н. (1997), Кокса Д. с коллегами (1998), Денисенко М. (1999), Кабалиной В. и Кларка С. (1999), Якубовича В. (1999), Шанина Т. (1999), Овчаровой Л. и Прокофьевой Л. (2000). Общей чертой перечисленных исследований является то, что частные трансферты рассматриваются в первую очередь как механизм преодоления бедности, что обусловлено актуальными на тот момент проблемами социально-экономических трансформаций в России. В дальнейшем в разработке проблемы частных межпоколенных трансфертов можно выделить такие направления как общие социальные исследования частных трансфертов (Барсукова С., Белокрылова О., Гладникова Е., Градосельская Г., Калабихина И., Корчагина И., Лефевр С., Прокофьева Л., Синявская О., Филоненко С., Фурса Е.), направленные на выяснение общих закономерностей частных обменов как социального процесса; роль пожилых людей в системе частных трансфертов (Денисенко М., Иванова Е., Краснова О.); историко-демографические и этнографические исследования, затрагивающие проблему частных межпоколенных обменов (Вишневский А., Миронов Б.); исследования трансформации демографической структуры семьи и её общего демографического развития (Волков А., Герасимова И., Прокофьева Л., Щербакова Е.).

Таким образом, до сих пор в России проблеме частных межпоколенных трансфертов с точки зрения демографического ракурса уделялось мало внимания. Данное исследование ставит своей задачей восполнить данный пробел.

Цель исследования - определить основные стратегии участия домохозяйств разного демографического типа в частных межпоколенных трансфертах.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие **задачи**, определившие логику и структуру исследования:

- проследить изменения в составе российских домохозяйств с точки зрения предложенной автором типологии домохозяйств;
- оценить качество данных о частных межпоколенных трансфертах в России и разработать рекомендации по совершенствованию системы их сбора;
- выявить особенности участия домохозяйств различного типа в межпоколенных частных обменах (объемы и направления потоков, частота их передачи);
- проанализировать субъективные оценки роли частных трансфертов, их мотивы.

Объект исследования – домохозяйства различного демографического типа в России.

Предмет исследования – частные межпоколенные трансферты между домохозяйствами различного демографического типа в России.

Теоретическая основа исследования.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные проблеме частных межпоколенных трансфертов. В эмпирической части диссертации сочетаются количественные (методы дескриптивной статистики, методы демографического анализа) и качественные методы (слабоформализованное интервью) анализа.

Эмпирической базой исследования послужили:

- 1) Всероссийские переписи населения 2002 и 2010 гг., микроперепись 1994 г., Всесоюзные переписи населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг., перепись населения Российской империи 1897 г.
- 2) «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ - НИУ ВШЭ, 2013 г.) - негосударственный мониторинг социально-экономического положения и состояния здоровья населения Российской Федерации, реализуемый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. В 2013 году в обследовании было учтено 8150 домохозяйств и 21753 индивида.
- 3) «Комплексное наблюдение условий жизни населения» (КОУЖ-2011, 2014) - выборочное наблюдение условий жизни населения, организуемое Росстатом во всех субъектах Российской Федерации. В рамках данного обследования в 2011 году было учтено 10000 домохозяйства, 19905 индивидов; в 2014 г. - 60000 домохозяйств, 113138 индивидов.
- 4) «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН-2012)», проведёно Росстатом в 2012 году во всех субъектах РФ. Данным обследованием было охвачено 10000 домохозяйств, 24943 индивидов.
- 5) «Исследование ценностей в двух федеральных округах РФ (2012 г.)», проведёно Центром сравнительных социальных исследований (ЦССИ) летом 2012 года, инициировано Международной лабораторией социокультурных исследований Высшей школы экономики. В рамках данного исследовательского проекта осуществлялся сбор информации о взглядах и ценностях россиян в двух федеральных округах России – Центральном и Северо-Кавказском. Размер выборки составил 2061 чел.: 1026 чел. в Центральном Федеральном округе и 1035 чел. в Северо-Кавказском Федеральном округе..

б) «Исследование о взаимодействии городских «дачников» творческих и интеллектуальных профессий с местным сельским сообществом (на примере Угорского проекта в Костромской области)» проводилось в августе 2014 года методом глубинного биографического интервью с дачниками творческих и интеллектуальных профессий и местными жителями. В рамках исследования было проведено 44 интервью: 20 интервью с дачниками и 24 – с местными жителями. Среди опрошенных 27 женщин и 17 мужчин, 24 человека трудоспособного возраста, 20 человек старше трудоспособного возраста. Вопросы, касающиеся частных межпоколенных трансфертов, являлись одним из направлений этого исследования.

7) База данных The Human Mortality Database (HMD) Университета Калифорнии (Беркли, США) и Института демографических исследований Макса Планка (Росток, Германия), содержащая информацию о смертности и ожидаемой продолжительности жизни в разных возрастах..

8) База данных статистической службы Европейского союза (Eurostat), содержащая в том числе данные о размере и составе домохозяйств в европейских странах.

Научная новизна диссертации:

– проанализирован демографический состав российских домохозяйств и его изменения за последние 40 лет с точки зрения выделяемых автором демографических типов домохозяйств в контексте последующего анализа трансфертов;

– предложена типология стратегий участия домохозяйств различного демографического типа в частных межпоколенных трансфертах;

– проанализированы субъективные оценки роли частных трансфертов, а также мотивы частных трансфертов методами качественного исследования с участием автора;

– дана оценка качества данных о частных межпоколенных трансфертах в России, а также предложены методологические рекомендации по совершенствованию статистического наблюдения за ними.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что полученные результаты способствует формированию комплексного представления о роли частных межпоколенных обменов в жизни российских домохозяйств, имеющих разную демографическую структуру.

Практические результаты данного диссертационного исследования были использованы при подготовке итоговых отчетов Центра анализа доходов и уровня жизни НИУ ВШЭ по проектам «Научно-методологическое обеспечение мониторинга социально-экономического положения семей с детьми» (2014 г.), «Влияние изменений в экономической и социальной политике на потребительское поведение основных групп населения и формирование условий для активного долголетия» (2015 г.) Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Результаты диссертационной работы могут быть использованы в академических учебных курсах по экономической демографии, а также при разработке социальной политики.

Положения, выносимые на защиту:

1) Среди долговременных тенденций в изменении составе российских домохозяйств (семей) отмечается увеличение доли домохозяйств-одиночек, домохозяйств, состоящих из неполных семей, а также прочих домохозяйств и сокращение доли домохозяйств, состоящих из супружеской пары с детьми и без детей. По данным переписи 2010 года наиболее распространённым типом домохозяйства в России являются супруги с детьми (34,9%), далее идут одиночки (25,7%), супруги без детей (16,6%), неполные семьи (15,6%) и прочие домохозяйства (7,2%). К отличительным особенностям семейных домохозяйств в России по сравнению с другими странами (в частности США

и странами Европы) относится сравнительно низкая доля супружеских пар без детей, высокая доля неполных и сложных семейных домохозяйств.

2) Частные материальные трансферты выступают важным элементом экономики домохозяйств в России. Согласно расчётам по данным РМЭЗ, в обменах материальными трансфертами (деньгами или товарами) участвует 45% домохозяйств. Доля частных материальных трансфертов составляет в среднем около 22% от общего бюджета домохозяйств-получателей. Частные материальные трансферты вносят наибольший вклад в бюджет домохозяйств-одиночек, состоящих из лиц в трудоспособном возрасте и неполных семей; наименьший – для сложных домохозяйств. При этом поддержка от родственников и друзей является одним из трёх основных источников средств к существованию для 18% неполных семей и 14% супругов с детьми. Для всех выделяемых типов домохозяйств материальная поддержка от родственников вносит более весомый вклад в бюджет домохозяйства, чем социальные трансферты (под социальными трансфертами понимаются пособия, субсидии, доплаты и стипендии для студентов).

3) Предложена типология стратегий участия домохозяйств в частных обменах: 1) акцептор материальных и инструментальных трансфертов, 2) донор материальных и акцептор инструментальных трансфертов, 3) активный участник материальных обменов, инструментальные трансферты получает редко, 4) участник, слабо вовлечённый в частные обмены. Первый тип стратегии реализуют домохозяйства супругов с детьми и домохозяйства, состоящие из неполных семей; второй тип стратегии - пожилые супруги, пожилые одиночки; третий тип стратегии - супруги трудоспособного возраста, одиночки трудоспособного возраста; четвёртый тип стратегии – прочие и сложные домохозяйства.

4) Структура восходящего (от младшего поколения к старшему) и нисходящего (от старшего поколения к младшему) частных межпоколенных потоков различна. В структуре нисходящего потока преобладают

материальные трансферты, а в структуре восходящего – инструментальные. Оказание денежной помощи является прерогативой родителей практически во всех возрастах - лишь в возрастной группе 70+ доля тех родителей, кто получает от детей денежную помощь (32,2%), начинает превышать долю родителей, поддерживающих своих детей деньгами (31,6%). Вторым по популярности видом помощи от родителей к детям является помощь в воспитании внуков. В наибольшей степени в воспитание внуков вовлечены бабушки/дедушки в возрасте от 60 до 64 лет. Возраст 60-64 года является переломным с точки зрения участия в воспитании внуков: до этого возраста доля неуклонно растёт, а после начинается стремительное снижение. Дети чаще всего помогают родителям по хозяйству и ухаживают за ними во время болезни. Из тех пожилых, кто, прибегает к чьей-либо помощи для самообслуживания и другой ежедневной деятельности, 58,3% получают эту помощь от детей. Доля родителей, за которыми дети ухаживают во время болезни, растёт по мере перехода к более старшим возрастным группам и для родителей в возрасте от 70 лет и старше составляет 44,7%.

5) Как показали результаты качественного исследования, одним из основных мотивов оказания помощи родственникам является исполнение морального долга, в связи с тем, что обмены между родственниками наделяются сакральным смыслом. При этом не только взрослые дети «должны» помогать своим престарелым родителям, но и родители «должны» помогать своим взрослым детям - в воспитании внуков, в материальном обеспечении в случае финансовых трудностей и т.д. К особенностям восприятия частных трансфертов относится то, что люди склонны преуменьшать важность родственной поддержки, оказываемой им, и преувеличивать важность поддержки, которую оказывали они. Это во многом связано с тем, что помощь со стороны родственников чаще всего воспринимается как обыденное и естественное явление. В то же время родственное окружение расценивается как первый источник помощи в сложной жизненной ситуации, более надёжный, чем государство. На

родственников рассчитывают как на безусловную опору: семья (в значении семейная группа) поможет, даже если сама находится в трудном положении.

б) Одним из недостатков государственных обследований, касающихся доходов населения, в России, является то, что в них слабо учитываются частные межпоколенные трансферты. В результате отсутствует чёткое представление о вкладе частных межпоколенных трансфертов в благосостояние россиян. Блок вопросов о частных межпоколенных трансфертах должен выявлять: факт участия домохозяйства в частных обменах (отдельно для материальных, инструментальных и функциональных трансфертов); направление трансфертного потока: кому помогали и от кого получали помощь (отдельно для материальных, инструментальных и функциональных трансфертов); для материальных трансфертов - размер получаемой и оказываемой помощи, частота оказания и получения помощи, субъективная оценка значимости получаемой и оказываемой помощи; для инструментальных трансфертов: тип помощи (помощь в ведении хозяйства, помощь в воспитании внуков и т. д.), частота оказания/получения, субъективная оценка важности данной помощи. Единицей наблюдения должно выступать домохозяйство, что обусловлено общностью бюджета его членов. За период наблюдения следует выбирать календарный год, чтобы избежать сезонных колебаний трансфертных потоков, связанных с праздниками

Апробация исследования

Результаты, полученные в рамках исследования, были представлены на следующих научных мероприятиях:

– Рабочая конференция ЛССИ в рамках второй летней школы "Моделирование структурными уравнениями", 1.07.2012 - 14.07.2012, Российская Федерация, Санкт-Петербург, доклад "Sociodemographic Factors and the Structure of Family Intergenerational Transfers"

– IV Всероссийский социологический конгресс Российского общества социологов «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие», 23.10.2012 - 25.10.2012, Российская Федерация, Уфа, доклад "Социально-демографические факторы внутрисемейных межпоколенных трансфертов в России"

– Conference: '37th annual conference of the Irish Association for Russian, Central and Eastern European Studies(IARCESS)' (15-16 March 2013), Paper title: "Intergenerational reallocations of resources: directions and motives", Dublin, Ireland

– «XIV Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества» (3-5 апреля, 2013 г.), тема доклада: «Особенности организации родственной жизни в контексте влияния на систему частных межпоколенных трансфертов»

– 4-я международная конференция сообщества профессиональных социологов (9-11 мая 2013 года), Костромская обл., деревня Медведево, тема доклада: «Особенности межпоколенных обменов в сельской местности»

– Common Finnish-Russian seminar for doctoral and postdoctoral researchers at the University of Tampere in the frame of the conference "Finnish Work Research Conference 2013", 6th-7th of November 2013, Tampere, Finland, paper "Private intergenerational transfers in face of population aging in Russia"

– "AGENTA - Ageing Europe: An application of National transfer accounts (NTA) for explaining and projecting trends in public finances" Vienna (Austria), January, 17-18.

– Школа для молодых ученых «Маркеры неравенства в советских и постсоветских биографиях» в рамках конференции 7-е Голофастовские чтения "Формы неравенства и сопротивление исключению: динамика социальных изменений в современном обществе", доклад "Частные межпоколенные трансферты как инструмент снижения неравенства в обществе", Санкт-Петербург, 27-29 марта, 2014 г.

– XV Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества» (1-4 апреля, 2014 г.), тема доклада: «Доверие как фактор субъективного благополучия индивида», Москва, НИУ ВШЭ.

– Доклад на тему "Частные межпоколенные трансферты в условиях старения населения в России" на семинаре ЛИРТ НИУ ВШЭ, 15 апреля, 2014 г.

– Седьмая международная научная конференция «Инновационное развитие экономики России: междисциплинарное взаимодействие», тема доклада: "Частные межпоколенные трансферты: демографический аспект", Москва (МГУ), 16-18 апреля, 2014 г.

– 5-я международная научная конференция "Социальная география, социобиология, и социальные науки: моделирование и прогностика процессов развития регионов Ближнего Севера России: Материалы 5 Международной научной конференции", тема доклада: «Закономерности частных межпоколенных обменов в различных типах домохозяйств», д. Медведево, Мантуровский район, Костромская обл., 2-4 мая, 2014 год.

– Демографическая секция Дома ученых РАН, тема: "Молодые ученые о демографических проблемах", доклад: "Солидарность поколений в семье", 22 мая 2014 г.

– Научная конференция СОПСО "Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности", доклад "Частные трансферты «дачников» и местных жителей: сравнительный анализ", 12-13 декабря 2014 г., Москва, НИУ ВШЭ.

– Валентеевские чтения 2015 "Междисциплинарные исследования населения: 50 лет университетской демографической школе", доклад "Неформальные обмены между поколениями", 23-25 апреля 2015 г., Москва, МГУ.

- Culture in society, between groups, and across generations, June 8-9, 2015, paper "Trust as a factor of subjective life satisfaction"
- The 5 th Summer School “Analyzing and reporting cross-cultural data, June 11-14, 2015, paper "The correlation between trust as the element of social capital and subjective life satisfaction"
- The 6th Conference of the European Survey Research Association (ESRA), 13th-17th July 2015 in Reykjavik, Iceland, paper "Trust as a factor of subjective life satisfaction in Russia"

Глава 1 Теоретические основания исследования частных межпоколенных трансфертов

1.1 Частные межпоколенные трансферты: сущность, виды, функции

1.1.1 Сущность частных межпоколенных трансфертов

Термин «трансферты» используется в различных науках: в экономике, в социологии, в психологии, в теории права, в демографии. Слово «трансферт» происходит от латинского «*transfero*», что означает «перемещаю», «переношу». В психологии трансферт обозначает перенос на психотерапевта эмоционального отношения пациента к значимым для него людям (отцу, матери и др.) [Критический словарь психоанализа...]. В экономике – трансфертом называют операцию, при которой институциональная единица, предоставляющая товар, услугу или актив (финансовый или нефинансовый) другой единице, не получает взамен никаких возмещений (в виде товара, услуги или актива [Экономический глоссарий...]. В теории права трансферт - это перевод нормы из одного закона (кодекса) в другой в процессе систематизации и кодификации законодательства [Толковый словарь обществоведческих терминов..]. Употребление термина «трансферты» в разных науках объединяет то, что всегда подразумевается передача каких-либо благ на безвозмездной основе. В контексте социальных исследований трансферты, как правило, трактуются как безвозмездная помощь, оказываемая членами одного домохозяйства членам другого домохозяйства. В данном исследовании трансферты анализируются с ракурса межпоколенных отношений.

В зависимости от каналов распределения межпоколенных обменов различают частные и социальные межпоколенные трансферты (Рисунок 1).

Рисунок 1 – Частные и социальные межпоколенные трансферты

Социальные трансферты перераспределяются по формальным каналам государственными и негосударственными организациями (среди негосударственных – профессиональные, религиозные, благотворительные и другие организации), и зачастую направляются от одних возрастных групп к другим – например, перераспределение ресурсов в рамках солидарной пенсионной системы от работающего населения, по большей части состоящего из лиц трудоспособного возраста, к лицам пенсионного возраста.

Частные трансферты совершаются по неформальным каналам, которые в основном не контролируются государством, за исключением случаев передачи особо крупных сумм или имущества [Градосельская, 2004]. К неформальным каналам можно отнести как родственные каналы, так и каналы, основанные на дружеских или соседских отношениях.

Однако, несмотря на существующее разнообразие возможных каналов передачи частных трансфертов, основные потоки перераспределяются между родственниками и именно в межпоколенной плоскости, что подтверждается имеющимися исследованиями [Барсукова, 2004; Денисенко, 1999; Иванова,

2003 и др.]. Данные РМЭЗ – НИУ ВШЭ (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения – НИУ ВШЭ) подтверждают, что подавляющее большинство частных обменов (более 75%) перераспределяется между родственниками, принадлежащими к разным поколениям (Рисунок 2). Это обусловлено тем, что, как будет показано в главе 2, в результате демографических изменений в составе родственной группы увеличивается число одновременно живущих поколений и сокращается число представителей одного поколения (братьев и сестёр). Согласно имеющимся оценкам [Hagestad, Herlofson, 2007], на фоне снижения потенциала горизонтальных связей между родственниками одного поколения, вертикальные межпоколенные связи стали более сложными и долгосрочными чем когда бы то ни было в истории, что определило ключевой вклад межпоколенных трансфертов в общую совокупность частных трансфертов. Основываясь на том, что частные межпоколенные трансферты являются основной компонентой частных трансфертов, в случаях, когда эмпирические данные не позволяют нам выявить донора и реципиента трансфертов, мы будем интерпретировать частные трансферты как межпоколенные трансферты.

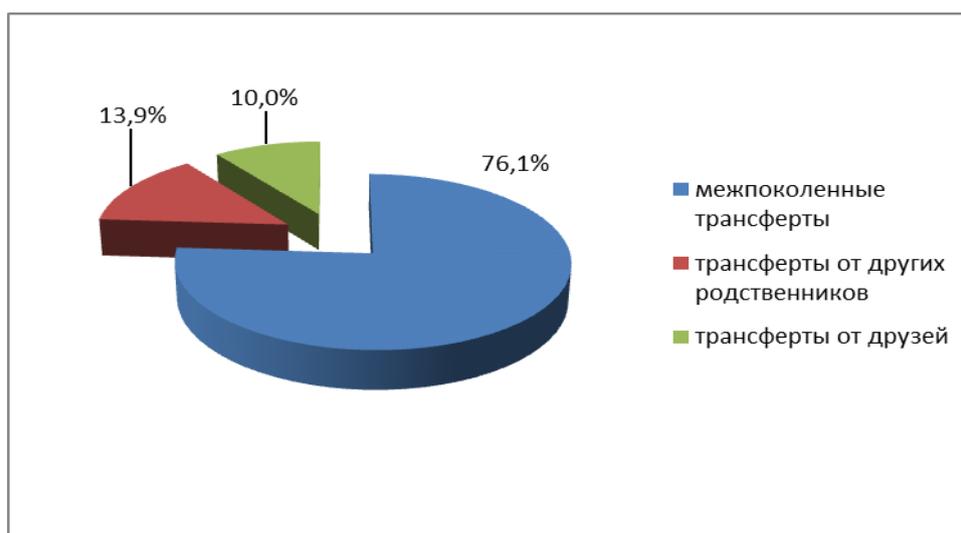

Рисунок 2 – Распределение получаемых частных трансфертов на межпоколенные и другие

Примечание – К межпоколенным были отнесены трансферты от родителей, детей, прауродителей и внуков. При этом трансферты от других родственников и от друзей не исключают межпоколенного измерения.

Источник: РМЭЗ – НИУ ВШЭ, 2013 г.

Помимо того, что частные и социальные межпоколенные трансферты имеют отличающиеся каналы распределения, в основе понятия социальных и частных межпоколенных трансфертов также лежит различный подход к определению «поколений».

В демографии под поколением понимают совокупность людей, родившихся в одно и то же время. С точки зрения социологии, поколение можно определить как «нормативную рамку воображаемого соотнесения с другими «по горизонтали» — такими же, как «ты»» [Дубин, 2002]. С одной стороны, принадлежность к одному поколению основывается на биологическом ритме в человеческом существовании. А с другой стороны, представителей одного поколения объединяет одинаковое месторасположение в историческом измерении социального процесса [Мангейм, 1998]. В случае социальных межпоколенных трансфертов под поколением понимается когорта, т.е. группа лиц, которые родились в одно и то же время и пережили одни и те же исторические события. В случае частных трансфертов поколения рассматриваются в генеалогическом контексте, т.е. каждое из поколений представляет собой подсистему в иерархической системе родства. Принадлежность индивида к конкретному поколению определяется степенью родства по отношению к другим родственникам. При этом возрастные характеристики не имеют первостепенного значения: так к одному поколению с генеалогической точки зрения могут принадлежать индивиды совершенно разных возрастов.

С методологической точки зрения важно уточнить, что частные межпоколенные трансферты в явном виде возможно анализировать только лишь при условии раздельного проживания донора и акцептора, т.е. в том

случае, когда донор и акцептор принадлежат к разным домохозяйствам. Это связано с тем, что в условиях совместного проживания и потребления сложно фиксировать отдельные акты передачи той или иной помощи. Процесс трансфертного обмена в этом случае носит перманентный характер. Поэтому в данном исследовании будут анализироваться частные межпоколенные трансферты между различными домохозяйствами, объединёнными в одну семейную (родственную) группу. В.Л. Ружже с коллегами понимали под семейной группой группу семей, находящихся между собой в кровном родстве или в родстве, опосредованном супружескими отношениями, и имеющих общие материальные интересы, объединённые морально-психологическими и эмоциональными отношениями, заинтересованы во взаимной помощи и общении [Ружже, Кадибур, Елисеева, 1976]. Чтобы выявить сущность семейной группы, следует установить её отличие от семьи в узком смысле. К определяющим критериям семьи в узком смысле В.Л. Ружже с коллегами относили общность бюджета, домашнего хозяйства и жилой площади. В такой трактовке понятие семьи в узком смысле практически полностью соответствует современному понятию домохозяйства. Например, авторы пособия «Домохозяйство, семья и семейная политика» [1997, с.11] понимают под домохозяйством лицо или группу лиц, совместно проживающих и ведущих хозяйство. Таким образом, основными критериями, лежащими в основе определения домохозяйств, являются совместное проживание и совместная реализация хозяйственных функций (общий бюджет) [Рощина, 2015].

Родственные домохозяйства, объединённые взаимной помощью и общением, формируют семейную (родственную) группу. Таким образом, используя исходное понятие «семейной группы» и учитывая современное понятие домохозяйства, под *родственной (семейной) группой* в данном исследовании мы будем понимать совокупность домохозяйств, члены которых находятся в родстве или свойстве и имеют общие материальные

интересы, объединены морально-психологическими и эмоциональными отношениями, заинтересованы во взаимной помощи и общении.

Важнейшая функция семейной группы состоит в содействии взаимодействию членов родственной группы, проживающих в разных домохозяйствах. При этом данное взаимодействие может быть связано не только с бытовой кооперацией, но и носить характер эмоциональной и моральной поддержки. Однако всё же зачастую основным мотивом непосредственных контактов между родственниками выступает оказание разного рода помощи: уход за детьми и их воспитание, уход за больными, помощь в домашнем хозяйстве.

Таким образом, в данном исследовании под *частными межпоколенными трансфертами* мы будем понимать материальные ресурсы или услуги, передаваемые безвозмездно в рамках родственных групп от старшего поколения младшему поколению (нисходящие трансферты) и от младшего поколения старшему поколению (восходящие трансферты).

Совокупность отдельных актов передачи трансфертов образует трансфертные потоки, которые имеют направления и интенсивность. Среди направлений потоков частных межпоколенных трансфертов выделяют нисходящее направление - от представителей старшего поколения к представителям младшего поколения, и восходящее направление – от представителей младшего поколения к представителям старшего поколения. Интенсивность обменов характеризуется частотой актов помощи в единицу времени.

1.1.2 Виды частных межпоколенных трансфертов

В зависимости от типа передаваемой помощи выделяют различные виды частных межпоколенных трансфертов (Рисунок 3).

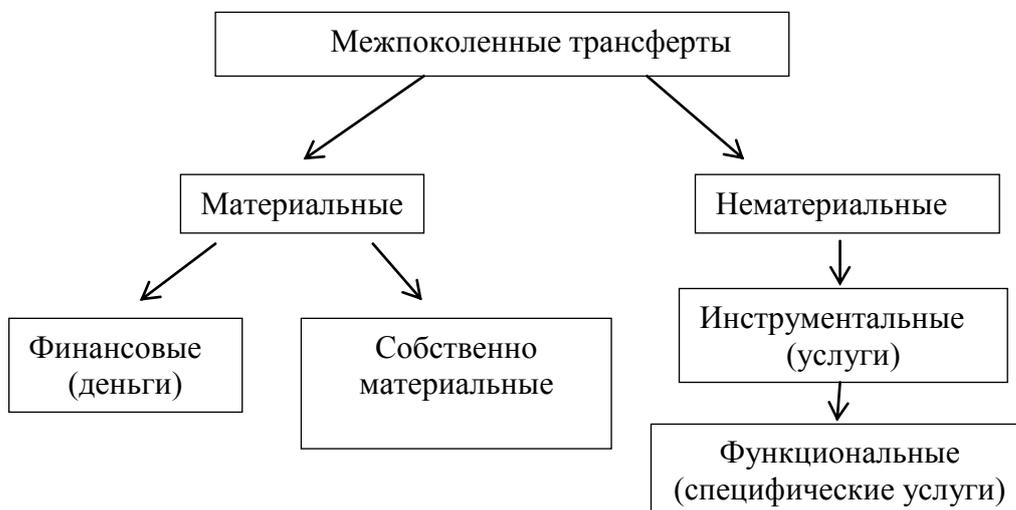

Рисунок 3 - Виды межпоколенных трансфертов по типу передаваемой помощи¹

Если помощь между поколениями носит материальный характер, то говорят о материальных трансфертах. Материальные трансферты представляют собой совокупность финансовых и собственно материальных трансфертов.

Финансовые трансферты – это безвозмездная передача денег и других финансовых активов.

Собственно материальные трансферты – безвозмездный обмен различного рода предметами повседневного спроса, в том числе обмен натуральной помощью, предметами длительного пользования, недвижимостью, и т.д.

¹ Разработано автором на основе работы Денисенко М.Б. Межпоколенные трансферты. // В кн.: Экономика народонаселения. Под ред. Ионцева В.А., Саградова А.А. М., Инфра -М, 2007.

Если помощь передаётся в форме услуг, то говорят об инструментальных трансфертах. Инструментальные трансферты – это перераспределение времени между поколениями, выражающееся в потоках различных услуг. Сюда можно отнести помощь в ведении хозяйства, помощь в уходе за детьми, совместный отдых лиц, не являющихся членами одного домохозяйства. Важно подчеркнуть, что в качестве трансфертов учитывается помощь, оказанная исключительно на безвозмездной основе.

В рамках инструментальных трансфертов зачастую в качестве отдельного подвида выделяют функциональную помощь. Функциональные трансферты - это безвозмездная помощь людям, утратившим способность самостоятельно ухаживать за собой в результате болезни.

В качестве отдельного вида частных межпоколенных трансфертов выделяется совместное проживание представителей разных поколений [Albuquerque, 2014; Lee, Parish, Willis, 1994]. В данном случае объектом обмена выступает «пространство». Выгоды совместного проживания связаны с тем, что члены домохозяйства объединяют бюджеты и вместе несут расходы, совместно ведут хозяйство и обеспечивают друг другу моральную поддержку. Аккумуляция полностью или частично средств всех поколений, живущих в одном домохозяйстве, позволяет наиболее слабым его звеньям преодолевать сложности. Кроме того, члены одного домохозяйства наиболее плотно обмениваются друг с другом услугами и обеспечивают моральную поддержку.

Й. Ли с соавторами [Lee, Parish, Willis, 1994] провели исследование межпоколенных трансфертов на Тайване и пришли к выводу, что совместное проживание как особый вид трансфертов имеет большое значение для детей. Как показывают исследования О.В. Синявской и Е.В. Гладниковой [Синявская, Гладникова, 2007], эта же особенность характерна и для России. Например, в России среди основных причин совместного проживания взрослых ещё не отделившихся детей с родителями выделяют: отсутствие материальной возможности для начала отдельного проживания;

нецелесообразность трат на съемное жилье; удобство совместного проживания в бытовом плане; отсутствие партнера; желание респондента жить вместе с родителями [Ламзина, Чеченева, 2012]. Выбор между совместным проживанием с родителями и получением материальных трансфертов при раздельном проживании зависит, как правило, от дохода младшего поколения и культурных особенностей общества. Чем ниже доход детей, тем выше вероятность совместного проживания с родителями [Гладникова, 2009]. Конечно, совместное проживание также сопряжено с определёнными трудностями, обусловленными столкновением разных образов жизни, ограничением личного пространства и т.д. Однако, несмотря на отмеченные сложности, вероятность совместного проживания взрослых детей с родителями высока даже в Западных странах [Grundy, 2000].

Совместное проживание детей с родителями может выступать не только как разновидность нисходящих трансфертов, но и как особый случай восходящих трансфертов. Это связано с тем, что пожилые родители зачастую нуждаются в помощи, поэтому совместное проживание с детьми представляет для них большую ценность. В развивающихся странах очень распространено совместное проживание пожилых людей с родственниками [Uhlenberg, 2009]. В целом в условиях совместного проживания трудно однозначно определить направление трансфертного потока. Например, если взрослые дети переехали к своим престарелым родителям, чтобы ухаживать за ними, то донорами «пространства» выступают родители, а дети – донорами инструментальной и функциональной поддержки.

С учётом *временного критерия* передачи трансфертов выделяют трансферты при жизни донора, и трансферты после смерти донора в форме наследства. В отличие от трансфертов при жизни трансферты в форме наследства в большей степени регулируются формальными институтами, в частности законодательством. Исследования в других странах показывают [Szydlik, 2004], что основную часть наследства люди получают от своих родителей, при этом трансферты от родителей при жизни являются не столь

значимыми по объёму перераспределяемого благосостояния, как трансферты после смерти в виде наследства.

С точки зрения типа межпоколенных взаимодействий выделяют также различные типы межпоколенной солидарности:

– функциональная солидарность – обмен деньгами, временем и пространством;

– аффективная солидарность – эмоциональная близость, моральная поддержка;

– ассоциативная солидарность – совместное времяпрепровождение [Szydlik, 2004].

«Специфика благ, передаваемых в процессе трансфертного обмена, состоит в том, что они с одной стороны могут выступать субститутами рыночных благ, а с другой, имеют уникальную природу. Например, услугам, таким как уход за детьми или займы между поколениями, можно легко найти рыночный субститут. Однако родственный обмен качественно отличается от рыночного. В отличие от рыночного обмена, родственный обмен не предполагает строго определённого и незамедлительного возмездного расчёта. Например, когда один из членов семьи получает подарок или какую-бы то ни было помощь от других членов семьи, то это не обязывает его незамедлительно расплатиться за предоставленные блага. Эта «расплата» обычно носит необязательный характер и может проявляться косвенно через неопределённо долгое время. Ответная реакция со стороны реципиента трансфертов может и совсем отсутствовать. Например, родители, заботясь о своих детях, обеспечивают им хорошее образование. При этом родители зачастую надеются на то, что дети, выучившись, станут самостоятельными и будут помогать им. Однако родители не берут со своих детей таких обязательств и не оформляют с ними официального договора, предполагающего определённые санкции за несоблюдение условий» [Миронова, 2012].

Предметом родственного обмена часто выступают уникальные блага, которые не имеют явных рыночных субститутов: любовь, забота, привязанность, моральная поддержка [Laferrere, Wolff, 2006].

1.1.3 Функции частных межпоколенных трансфертов

В течение жизни человек меняет место работы, мигрирует, трансформируется его социальный статус, однако его связь с родственниками, как правило, продолжает играть важнейшую роль в его жизни.

«Значимость трансфертов проявляется через их функции. В целом функции трансфертов можно разделить на две группы: экономические и социальные [Albuquerque, 2014].

К наиболее значимым экономическим функциям трансфертов относятся [Денисенко, 2007]:

- страхование;
- сглаживание экономического неравенства, повышение уровня жизни;
- достижение экономической социальной справедливости в отношениях между различными возрастными группами;
- воспроизводство человеческого капитала;
- воспроизводство ресурсов домохозяйств.

Страховая функция трансфертов проявляется в том, что они способствуют преодолению различных жизненных трудностей. Эти трудности могут быть связаны как с особенностями жизненного цикла индивида (учёба, рождение детей, старость) так и с воздействием внешних причин (болезнь, инвалидность, невыплата зарплаты, безработица). На разных стадиях жизненного цикла человека наблюдается несовпадение

уровня потребления с уровнем дохода. В трудоспособном возрасте доход, как правило, превышает потребление, в то время как в детских и старших возрастных группах наблюдается обратное соотношение. Передача трансфертов способствует сглаживанию этого дисбаланса. Особенно ярко эта функция трансфертов проявилась в эпоху становления рыночной экономики в России [Кабалина, Кларк, 1999]. В процессе трансфертного обмена ресурсы перераспределяются от более обеспеченных индивидов к менее обеспеченным, что несколько снижает уровень экономической дифференциации населения» [Миронова, 2012].

Значение частных трансфертов как механизма, обеспечивающего выживание домохозяйств, было затронуто в работе Т. Шанина [Эксплоярные структуры и неформальная экономика..., 1999]. Он описывает парадоксальную ситуацию, характерную для России, когда не получающие зарплату учителя учат, врачи лечат, военные несут службу. При этом один человек, работающий в негосударственном секторе, получает высокую зарплату и оказывает помощь своим родственникам, друзьям, приятелям, работающим в бюджетной сфере. Кокс Д. и его коллеги отмечают [Кокс и др., 1998]: «Государственные трансферты не являются единственным способом перераспределения средств от одной группы населения к другой. Во многих случаях поддержка семей со стороны частных лиц обеспечивает существенное перераспределение доходов на добровольной основе... Неофициальная межсемейная поддержка и защита является одним из важных факторов ослабления бедности во многих странах, и Россия не является исключением из общего правила. ...Исследование позволяет сделать вывод о том, что частные трансферты в России являются масштабной, широко распространённой формой оказания социально-экономической помощи нуждающимся семьям».

Другой важной функцией трансфертов является воспроизводство человеческого капитала. Например, когда родители оплачивают образование

своих уже взрослых детей можно говорить об инвестициях в человеческий капитал.

Такая форма трансфертов от родителей к детям как наследство обеспечивает передачу накопленного богатства от предыдущих к последующим поколениям.

Что касается социальных функций трансфертов, то к ним относятся: укрепление родственных отношений, моральная поддержка, поддержание социального статуса семьи, удовлетворение в реализации различных социальных ролей (родитель, ребёнок, прародитель), духовное взаимообогащение.

Обмен между поколениями является необходимым условием социальной репродукции. При этом некоторые исследователи подчёркивают, что межпоколенная солидарность носит первичный характер по отношению к социальной и экономической оформленности отношений между поколениями. Межпоколенная поддержка является естественным явлением и возникает самостоятельно, а не как результат экономически рационального поведения индивида, максимизирующего свою полезность. Это связано с тем, что дети при рождении от природы являются зависимыми от своих родителей. Отношения обмена между поколениями олицетворяют собой социальную справедливость. Межпоколенные трансферты заключают в себе больше, чем просто перераспределение ресурсов [McDaniel, 1997].

Таким образом, трансферты, распределяемые по родственным каналам, являются важным механизмом, обуславливающим взаимодействие поколений в семье и обществе. Функциональная значимость внутрисемейных межпоколенных трансфертов определяет особенности направлений трансфертных потоков, которые анализируются в рамках различных теоретических моделей.

1.2 Частные межпоколенные трансферты в теоретических и эмпирических исследованиях

Теоретические подходы к исследованию частных межпоколенных трансфертов: социально-экономический аспект

Долгое время проблема частных межпоколенных трансфертов не выделялась в отдельную исследовательскую область и изучалась в рамках анализа социальных, экономических и демографических аспектов развития семьи. В целом данное направление часто обозначается общим термином «семьеведение» [Волков, 2014]. Постепенно проблема частных трансфертов выделяется из общих социологических и экономических исследований семьи, появляются первые работы, где частным трансфертам уделяется особое внимание. При анализе частных трансфертов важнейший исследовательский вопрос связан с направлением потоков. Одной из первых попыток ответить на данный вопрос было появление теории жизненного цикла Ф. Модильяни (1960 годы) [Modigliani, 1966, 1970, 1988]. Классический вариант данной модели основан на предпосылке о том, что люди стремятся поддерживать в течение жизни постоянный уровень потребления. Жизненный цикл человека начинается (детство) и заканчивается (старость) экономической зависимостью, в том смысле, что доход на этих стадиях жизни ниже, чем потребление. Это обобщение в среднем применимо к возрастным группам, хотя может и не относиться к отдельным индивидам, входящим в описанные группы. В течение периодов экономической зависимости люди используют помощь других лиц, т.е. как бы занимают дополнительные средства. Одним из источников такого рода «займов» выступают межпоколенные трансферты. Согласно этой модели, направление межпоколенных трансфертов зависит от возраста участников обмена.

Периоды детства и старости разделяются довольно длительным периодом трудовой активности человека. На этом этапе доход, как правило, значительно превышает привычный уровень потребления индивида, поэтому он имеет возможность сберегать, а также выступать в роли донора межпоколенных трансфертов.

Однако в классическом виде модель жизненного цикла редко подтверждалась в эмпирических исследованиях. В связи с этим была разработана альтернативная модель жизненного цикла [Cheal, 1983; Riley, 1971]. В её основе лежит принцип последовательности, т.е. каждое последующее поколение помогает предыдущему. Это объясняется тем, что по мере взросления человек накапливает ресурсы, тем самым увеличивая свои возможности как донора. Однако существуют особые случаи: например, проблемы со здоровьем или непредвиденные обстоятельства. В таких условиях направление трансфертов может меняться.

Несмотря на имеющиеся различия, обе описанные модели жизненного цикла предполагают зависимость статуса индивида в трансфертных взаимодействиях (донор/акцептор) от его жизненного этапа. Главное отличие моделей связано с пожилым возрастом: в классической теории - пожилые люди из доноров превращаются в акцепторов, а в альтернативной теории – люди в пожилом возрасте не меняют свой статус и остаются донорами в трансфертных отношениях. Ограниченность данного подхода связана с фокусировкой исключительно на экономических возможностях индивида, обусловленных этапом жизненного цикла. За скобками в данном случае остаются социальные факторы обменов, которые могут выстраивать свою логику направления частных потоков.

В 1970-е годы появились попытки объяснить систему частных трансфертов с точки зрения мотивов участников обмена. Гари Беккер предложил модель альтруизма для анализа межпоколенных трансфертов [Becker, 1974]. Специфика подхода Гари Беккера состоит в том, что он применил методологию микроэкономического анализа для исследования

разного рода социальных явлений, в том числе для анализа частных межпоколенных трансфертов. Беккер отмечал, что благосостояние младших поколений финансируется за счёт старших поколения, в то же время будущее благосостояние старших поколений обеспечивается посредством младших поколений. Следовательно, настоящее и будущее поколения прочно связаны серией межпоколенных трансфертов, а уровни благосостояния поколений рассматриваются как «сообщающиеся сосуды». Большое внимание Беккер уделил межпоколенным обменам на уровне семьи. Говоря о семье, Беккер, характеризовал её как организацию, членам которой свойственна высокая степень взаимозависимости. При этом родители помогают свои детям, основываясь на альтруистических мотивах. Модель альтруизма предполагает, что трансферты передаются от альтруистического родителя к неальтруистическому ребёнку, доход является экзогенно заданным. Альтруизм родителя объясняется тем, что в состав его функции полезности входит функция полезности его ребёнка. Поэтому родитель максимизирует свою функцию полезности, увеличивая при этом функцию полезности своего ребёнка. Ограниченность подхода Беккера обусловлена тем, что анализируется только нисходящий поток частных межпоколенных трансфертов, при этом родителю известна функция полезности его ребёнка, и он ведёт себя как экономически рациональный агент.

«Альтернативной теорией, объясняющей мотивы передачи трансфертов, является модель обмена [Сох, 1987]. Суть модели состоит в том, что трансферты, в конечном счёте, не являются безвозмездными по своей природе. Анализ трансфертного обмена можно проводить в рамках краткосрочного или долгосрочного периода. В краткосрочном периоде родители, обеспечивая своих детей материальными трансфертами, получают взамен от них трудовые трансферты. При анализе долгосрочного периода в качестве ситуации трансфертного обмена выступает ожидание родителей получить от своих детей поддержку в старости или в трудной жизненной ситуации в обмен на то, что дети в своё время получали помощь от них.

Некоторые исследователи обмен трансфертами в долгосрочном периоде выделяют в отдельную группу моделей мотива страхования [Sloan, Zhang, Wang, 2002]» [Миронова, 2012].

Трудность практического применения моделей альтруизма и обмена связана с тем, что на практике довольно сложно определить, какой мотив лежит в основе трансфертного поведения индивида, т.к. в жизни эти мотивы принимает одно и то же обличие.

Теоретические подходы к исследованию частных межпоколенных трансфертов: демографический аспект

Среди демографов одним из первых сделал обобщение о роли трансфертов и их изменении в период демографического старения французский учёный А. Сови [Сови, 1977]. Он рассматривал систему межпоколенных потоков с точки зрения обеспечения нужд пожилых людей в связи со старением населения. Говоря о проблеме старения, автор анализирует роль межпоколенных трансфертов на уровне семьи, роль самого человека (его сбережений) и роль межпоколенных обменов на социетальном уровне в обеспечении кризиса жизненного цикла по старости на разных стадиях развития общества.

Как отмечает А. Сови, в ходе истории существовало три основные стадии в развитии форм содержания пожилых людей: семейная, капиталистическая и социальная. Семейная форма обеспечения пожилых была характерна для патриархальных обществ. В европейских странах она была распространена до XIX века. По мере общественного развития и распространения процесса урбанизации, ведущего к разъединению поколений, нужды пожилых людей уже не могли в полной мере обеспечиваться семьёй. Человек оказывался в ситуации необходимости самостоятельно заботиться о своей жизни на склоне лет. Капиталистическая форма содержания пожилых людей предполагает, что человек на протяжении

своей трудовой жизни сам откладывает часть средств для будущего обеспечения старости. Сови отмечает ряд трудностей, с которыми сопряжена данная ситуация. Во-первых, так как на данной стадии развития общества сбережения для обеспечения старости являются добровольными, то часть людей неизбежно игнорирует эту необходимость. Это перекладывает бремя содержания «безответственных» пожилых людей на общество. С другой стороны, сбережения, тем более осуществляемые на столь длительный срок, подвержены риску обесценивания под влиянием различных экономических процессов (таких как, например, инфляция). Когда сбережения на старость становятся обязательными, то происходит переход к социальной стадии. На этой стадии пожилые люди играют роль кредиторов общества, которые, безусловно, имеют определённые права, но с реализацией этих прав возникают сложности. В условиях перехода от капитализации сбережений к их распределению происходит нарушение финансового равновесия, связанное с тем, что доля тех, кто должен получать финансовое обеспечение увеличивается, а доля тех, кто её должен обеспечивать, сокращается.

Недостатком подхода А. Сови является упрощение картины межпоколенных взаимодействий и отсутствие гибкости в сочетании различных источников поддержки пожилых (семья, рынок, государство). Как показывают исследования [Albertini, Kohli, 2012], по мере углубления процесса старения формальные институты не просто замещают семью в реализации поддержки пожилых, а скорее дополняют роль семьи. Результаты исследований свидетельствуют о том, что государственные трансферты далеки от того, чтобы вытеснить частные потоки трансфертов. Влияние государственных трансфертов на частные сводится к тому, что частные трансферты, приспосабливаясь к новым условиям, обретают иную модификацию, но при этом не теряют своей значимости.

Другой подход к анализу межпоколенных потоков поддержки предложил известный австралийский демограф Дж. Колдуэлл [Caldwell, 1976, 1978, 1980, 1981, 1982]. Особенность подхода Колдуэлла состояла в

том, что он рассматривал направление межпоколенных потоков не как следствие, а как первопричину того или иного типа воспроизводства. «Межпоколенный поток благ» является центральным понятием теории Колдуэлла. Именно изменение направления «межпоколенного потока благ» является основным фактором перехода от первого режима воспроизводства (высокая рождаемость) ко второму (низкая рождаемость). В примитивных и традиционных обществах межпоколенный поток направлен вверх (от младшего поколения к старшему), то есть выгоды от наличия детей выше, чем издержки на их воспитание. В обществах современного типа межпоколенный поток, перераспределяемый в рамках семьи, имеет обратное направление – от старшего поколения к младшему. При первом типе воспроизводства для родителей экономически целесообразно максимизировать число детей, в то время как при втором установка на рождение большого числа детей уже не является рациональной. Экономическая целесообразность в данном случае во многом обусловлена характером организации производства – семейное или внесемейное, аграрное или индустриальное. Также большую роль играет наличие альтернативных возможностей страхования от сложных жизненных ситуаций. В условиях отсутствия институтов, которые могли бы обеспечить различные виды страхования, и тем самым способствовать перераспределению средств в пользу людей в более старших возрастах, дети выступают наилучшим решением [Caldwell, 1982].

Основой для перехода от первого типа воспроизводства ко второму является существенное изменение в образе жизни семьи. Это изменение связано не только с развитием индивидуальной внесемейной занятости, но и с «вестернизацией», то есть с распространением западного образа жизни. В качестве важнейших элементов «вестернизации» выступают распространение образования, изменение ценностей и стереотипов поведения, женская эмансипация.

Именно недостаточная степень «вестернизации» как систематического изменения в образе жизни в развивающихся странах препятствует переходу ко второму типу воспроизводства населения. Например, на основе исследования проведённого в Южной Индии в 1980-х Колдуэлл [Caldwell, 2005] приходит к выводу, что здесь всё ещё не произошло системного перехода к новым ценностям. Так даже инвестиции в образование детей здесь по большей части играют роль страхования семейного бюджета от плохих времён, особенно от периодов засухи. Образование детей помогало найти им работу в городе, где трудовая деятельность не была связана с циклом засухи. Доходы от такой работы использовались детьми, в том числе, для оказания помощи родителям. Кроме того, образованные дети способствовали вдохновению родителей, воплощению новых идей в хозяйстве, они могли помочь своим родителям разобраться в сложных бюрократических вопросах и т.д.

Ограниченность подхода Дж. Колдуэлла связана с тем, что он рассматривает родителей, как экономически рациональных агентов, которые принимают решение о рождении детей с точки зрения экономической целесообразности. Хотя он и отмечает, что полная бездетность при втором типе воспроизводства не реализуется в силу социальных, психологических и физиологических факторов, однако основное внимание уделяется всё-таки экономической рациональности деторождения, а социально-психологические факторы недооцениваются.

Представителями макроанализа межпоколенных трансфертов являются американские демографы Рональд Ли и Эндрю Мэйсон [Ли, Мэйсон, 2011; Lee, 1994, 2000, 2009, Lee, Mason, 2011]. Они рассматривают межпоколенные обмены сквозь призму старения населения. В фокусе внимания находятся макроэкономические последствия изменения возрастной структуры населения. Авторы отмечают, что трансформации, происходящие в возрастной структуре в связи со старением населения, вызывают озабоченность государственных органов, а также частных лиц. Нарастающая

напряжённость связана с тем, что большинство пожилых людей не являются экономически активными, а бремя обеспечения пожилых людей ложится на плечи молодого поколения – будь то государственные или частные трансферты. Опираясь на теорию жизненного цикла, авторы обращают внимание на разрыв между потреблением и доходом от трудовой деятельности в разные периоды жизненного цикла. В отличие от Колдуэлла, который анализирует внутрисемейные межпоколенные потоки, Рональд Ли и Эндрю Мэйсон рассматривают агрегированный поток. Агрегированный поток включает в себя как социальные трансферты (макрообмены), так и частные трансферты (микрообмены).

Авторы данного подхода используют понятие агрегированного экономического цикла, который предопределяется возрастной структурой населения и определяет направление межпоколенного потока. Так, в странах, где население остаётся всё ещё молодым (например, в Индии), наибольшая нагрузка обеспечивается за счёт дефицита жизненного цикла в детских возрастах, поэтому агрегированный межпоколенный поток имеет нисходящее направление. В странах с завершённым демографическим переходом агрегированный поток является восходящим. Уровень доходов населения определяет то, как перераспределяется межпоколенная нагрузка между государством и семьёй. В бедных странах в структуре межпоколенного потока наибольший вес имеют внутрисемейные трансферты, а значит в странах с молодым населением и низким (средним) доходом основное бремя нагрузки детьми ложится на семью. В богатых странах – наоборот: в структуре восходящего потока преобладают межпоколенные трансферты, распределяемые по государственным каналам.

Подход Ли и Мэйсона позволяет анализировать межпоколенные трансферты с точки зрения макроэкономических эффектов.

На то, как влияют демографические изменения на систему межпоколенных трансфертов, также обращают внимание Котликофф Л. с коллегами [Kotlikoff, 1987, 1992; Auerbach, Kotlikoff, Leibfritz, 1999;

Котликофф, Бёрнс, 2005]. Основываясь на примере США, авторы демонстрируют те вызовы, которые ставят перед системой межпоколенных обменов происходящие демографические изменения. Основная идея состоит в том, что демографические факторы (в первую очередь акцент делается на старении населения) ведут к существенным трансформациям в межпоколенных взаимодействиях, которые ставят под сомнение экономическую устойчивость современного общества. Изменяющиеся пропорции возрастных групп в составе населения, проявляющиеся в неуклонном росте доли пожилых и снижении доли детей, нарушают экономический межпоколенный баланс, установившийся при других демографических условиях. Явление, когда «все силы, способствующие росту числа пенсионеров, работают на полную мощность», а «силы, способные умножить число молодых (и работающих), которые платят налоги в систему социального страхования..., действуют в противоположном направлении» Котликофф с Бёрнсом называют «демографической бурей». Основное противоречие в данном случае состоит в том, что «...сначала мы сделали ставку на то, что наши дети смогут содержать стариков. Потом... мы забыли обзавестись детьми» [Котликофф, Бёрнс, 2005, с. 48]. Данная ситуация отражается на росте демографической нагрузки пожилыми людьми (в России за период с 2010 по 2030 год прогнозируется рост данного показателя на 10% - с 18% до 28%; в развитых странах – на 13% - с 24% до 37% [UN, 2010]). Также как Мэйсон и Ли, авторы утверждают, что содержание пожилых иждивенцев обходится для государства намного дороже, чем содержание детей. Таким образом, в условиях старения населения происходит разбалансировка в «соотношении сил» между возрастными группами. Молодому поколению необходимо будет прилагать всё больше усилий, чтобы обеспечивать межпоколенный контракт в отношении пожилых людей.

Помимо того, что молодое поколение является донором межпоколенной поддержки на уровне государства, на уровне семьи дети

также выступают важнейшим оплотом инструментальной и материальной поддержки для своих родителей. Котликофф с коллегами, так же как и Бэнгтсон с коллегами [Bengtson, Vern, 2001] полагают, что рост неустойчивости брачных союзов существенным образом повышают значимость межпоколенной поддержки для родителей. Другими словами, в старости людям всё в меньшей степени приходится рассчитывать на поддержку супруга (партнёра), что усиливает важность поддержки со стороны детей. Однако с другой стороны фактор роста неустойчивости семейных союзов, проявляющийся в распространении разводов и повторных браков, может оказывать негативное влияние на отношения между родителями и детьми, что снижает чувство ответственности детей перед своими родителями. Снижение потенциала поддержки со стороны детей обусловлено не только тем, что в семье рождается всё меньше детей, отношения с родителями ухудшаются в связи с разводом, но также и с ростом миграционной активности детей: «Браки делаются всё более короткими, матери рожают меньше детей, а поскольку все мы разбросаны по разным городам, возможности стариков получать необходимую и заслуженную помощь от своих детей сокращаются» [Котликофф, Бёрнс, 2005, с. 64].

В своём подходе Котликофф с коллегами в основном фокусируются на последствиях демографических изменений для межпоколенных трансфертов, происходящих на уровне государства. Частные межпоколенные трансферты анализируются в основном в контексте влияния на государственные потоки межпоколенных обменов.

Направления эмпирических исследований частных межпоколенных трансфертов в зарубежной литературе

В настоящее время в современных зарубежных исследованиях проблема частных межпоколенных трансфертов получила широкое

распространение. Неформальные обмены между поколениями изучаются с самых разных ракурсов. При этом исследователи по-разному определяют понятие «частные межпоколенные трансферты». Одной из наиболее полных моделей операционализации данного понятия является модель, предложенная Бенгтсоном и Робертсом [Bengtson, Roberts, 1991, p. 856-870]. Данная модель основана на многомерном понимании (multidimensional) межпоколенной солидарности. Она включает 6 измерений:

- аффективное – интимность, духовная близость;
- ассоциативное - частота контактов, общая активность;
- консенсусное – общие ценности;
- нормативное – взаимные обязательства в семье;
- структурное – возможность для взаимодействий.

В эмпирических исследованиях, как правило, используются лишь отдельные ракурсы системы межпоколенных взаимодействий, что зачастую обусловлено методологическими особенностями исследования и ограничениями статистических данных. Частные межпоколенные трансферты рассматриваются в разрезе финансовой помощи, факта совместного проживания, моральной поддержки, помощи услугами [Pezzin, Schone, 1999]; в разрезе обмена временем и деньгами [Frankenberg, Lillard, Willis, 2002; Shuey, Hardy, 2003]; с точки зрения частоты контактов раздельно проживающих родителей и детей, затрат времени (временные затраты предполагают поток услуг, таких как, например, помощь по дому, помощь в заполнении документов, со стороны родителей - помощь в воспитании внуков и т.д.), а также финансовых трансфертов [Leopold, 2012].

В связи с многогранностью объекта исследования можно говорить о множестве исследовательских ракурсов. Ряд зарубежных исследований посвящен анализу эволюции паттернов трансфертного поведения в процессе демографического перехода, индустриализации, развития рыночного сектора экономики и т. п. [Goode, 1963; Cowgill, Holmes, 1972; Willis, 1982; Ruggles,

1987]. Большое внимание уделяется исследованию мотивов трансфертного поведения [Becker, Tomes, 1976; Silverstein, Parrot, Bengtson, 1995]. Другое направление связано с анализом межстрановых различий в режиме межпоколенных обменов внутри семьи в зависимости от типа системы социального обеспечения [Albertini, Kohli, Vogel, 2007; Brandt, Haberkern, Szdlík, 2009; Litwin, 2010; Leopold, Raab, 2011].

Особое место занимают факторы, влияющие на межпоколенную солидарность. В рамках данного направления существует несколько ракурсов. Например, часть исследователей заостряют внимание на влиянии гендерной принадлежности детей на вероятность оказания поддержки пожилым родителям [Stoller, Earl, 1983; Horwitz, 1985; Matthews, Rosner, 1988; Montgomery, Kamo, 1989; Coward, Dwyer, 1990; Stoller, 1990; Dwyer, Coward, 1991]. Другие концентрируются на анализе общих социально-демографических факторов, таких как возраст, пол, размер домохозяйства, субъективная оценка здоровья, образование, статус занятости, семейное положение, близость проживания [Khan, Hafiz, 2014; Albertini, Kohli, 2013]. Отдельная роль отводится факторам-мотивам межпоколенных взаимодействий, основанным на социальной солидарности [Silverstein, Parrot, Bengtson, 1995; Rossi, Rossi, 1990; Cicirelli, 1983; Seelbach, 1977].

Во всём многообразии исследовательских ракурсов при изучении межпоколенных трансфертов демографы акцентируют своё внимание на том, как трансферты связаны с демографическими изменениями.

Среди различных демографических изменений при анализе межпоколенных обменов особое внимание уделяется старению населения. В рамках данного направления исследователями изучаются различные аспекты. Значительная часть исследований посвящена анализу роли частных межпоколенных трансфертов в поддержке пожилого населения [Hermalin, 1997; Kinsella, 2000; Knodel, Debavalya, 1997; Knodel, Friedman, Ahn, Cuong, 2000; Martin, 1989]. Данная проблематика также популярна применительно к развивающимся странам, где семья остаётся основным источником

поддержки для пожилых людей [Frankenberg, 2002]. Также в контексте влияния демографического старения на систему внутрисемейной межпоколенной поддержки изучаются такие вопросы, как:

- влияние развода родителей на то, как дети будут помогать им в старости [Pezzin, Schone, 1999];

- распределение заботы о пожилых между родителями жены и родителями мужа [Shuey, Hardy, 2003];

- роль пожилых людей в экономике семьи [Agree, Biddlecom, Valente, 2005; Glaser et al., 2010];

- влияние размера семьи (семейной группы) на размер помощи, получаемой пожилыми членами семьи [Knodel et al. 2000; Zimmer, Kwong, 2003];

- влияние опыта совместного проживания и «времени» ухода детей из родительского дома на последующую близость отношений между ними [Leopold, 2012];

- как в условиях демографического старения в семье меняется «спрос» и «предложение» помощи в уходе за престарелыми и больными людьми [Pickard, 2015; Szinovacz, Davey, 2013; van der Pas, van Tilburg, 2010];

При анализе демографического ракурса системы межпоколенных трансфертов были получены некоторые интересные результаты. Например, обследование на основе данных Assets and Health Dynamics of the Elderly в Америке [Furstenberg, Hoffinan, Shrestha, 1995] показало, что развод родителей снижает интенсивность межпоколенных обменов с детьми, особенно это характерно для пожилых отцов. Влияние развода на межпоколенные обмены с детьми имеет большее значение для отцов, чем для матерей. Кроме того, обмены между родителями и их биологическими детьми отличаются значительно большей интенсивностью по сравнению с обменами между родителями и приёмными детьми. Вдовствующие родители

вовлечены в более интенсивные обмены со своим детьми, чем разведённые родители.

Другое обследование выявило гендерные различия в оказании инструментальной помощи родителям [Shuey, Hardy, 2003]. Так, помощь в персональном уходе за родителями чаще предоставляется женщинами, чем мужчинами. Кроме этого было отмечено, что помощь в персональном уходе в большей степени обеспечивается родителям жены, чем родителям мужа. В то же время относительно финансовых трансфертов таких различий не наблюдается.

Обследование по данным европейских стран (Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe) показало, что те из детей, кто поздно покинул родительский дом (в среднем по выборке возраст ухода из родительского дома составил 22,5 года), имели более близкие отношения с родителями, чаще встречались с ними, чаще вступали в обмены, чем те дети, которые «вовремя» ушли из родительского дома [Leopold, 2012].

Исследования о роле пожилых людей в межпоколенных обменах показывают, что в условиях демографического старения усиливается роль бабушек и дедушек как доноров помощи в воспитании внуков [Glaser et al., 2010]. В одном из докладов с «говорящим» названием «Что если мы скажем нет?: поддержка семьи и друзей», отмечается, что родственники (в первую очередь прародители) и друзья играют колоссальную роль в уходе за детьми и их воспитании, и, если они перестанут выполнять эту роль, то система социальной поддержки столкнётся с существенным ростом нагрузки [«What if we said no?»: family and friends care, 2010].

Направления эмпирических исследований частных межпоколенных трансфертов в отечественной литературе

Бурное развитие отечественных исследований семьи относится к 60-м годам XX века. Условно в рамках отечественного семействедения можно

выделить несколько направлений: общие социальные, экономические и демографические исследования. Повышение интереса к проблемам семьи во многом было связано с демографическими изменениями, в частности со снижением рождаемости, а также с развитием демографии и социологии [Волков, 2014].

Исследования частных трансфертов в России начали выделяться в самостоятельную исследовательскую область в сложный период социально-экономических трансформаций – в конце 1990-х гг. – когда неформальная поддержка родственников и друзей являлась одним из основных способов выживания для российских домохозяйств. До этого проблема частных трансфертов затрагивалась в исследованиях, посвящённых общей семейной проблематике (Ружже В., Кадибур Т. и Елисеева И. «Структура и функции семейных групп», 1976). В период 1990-х появляются работы Римашевской Н. [1997], Кокса Д. с коллегами [1998], Денисенко М. [1999, 2001], Кабалиной В. и Кларка С. [1999], Якубовича В. [1999], Шанина Т. [1999], Овчаровой Л. и Прокофьевой Л. [2000]. Общей чертой перечисленных исследований является их акцент на страховую функцию частных трансфертов в период социально-экономических трансформаций в России. В связи с остротой социально-экономических проблем переходного периода частные трансферты в тот период рассматривались в первую очередь как механизм преодоления бедности.

Кокс с коллегами отмечают [1998], что неофициальная родственная и дружеская поддержка и защита является одним из важных факторов ослабления бедности во многих странах, и Россия не является исключением из общего правила. Денисенко М. [1999], анализируя благосостояние пожилых людей, приходит к выводу, что сократившиеся возможности государства и недостатки в функционировании рыночных механизмов заставили значительную часть россиян в целях поддержания уровня жизни в большей степени опираться на собственные силы и помощь родственников и друзей. Шанин Т. [1999], описывая парадоксальную ситуацию, характерную

для России переходного периода, когда не получающие зарплату продолжают выполнять свои профессиональные обязанности, подчёркивает значение частных трансфертов как механизма, обеспечивающего выживание домохозяйств. Якубович В. [1999] обращает внимание на то, что в контексте социальной напряжённости, обусловленной экономическим кризисом, как наличие, так и качество социальных связей становится проблематичным, что может отрицательно сказываться на включённость домохозяйств в неформальную сеть поддержки, которая является важнейшим механизмом, препятствующим обнищанию населения. Овчарова и Прокофьева [2000] отмечают, что подавляющее большинство городских и сельских семей в России вовлечено в сеть частных обменов, и что в кризисных ситуациях россияне в первую очередь рассчитывают на помощь родственников и друзей, а не на государство.

Дальнейшее развитие отечественных исследований частных трансфертов ознаменовалось появлением работ, анализирующих социальную сущность феномена «частных трансфертов» с точки зрения различных социологических теорий [Градосельская, 1999, 2001; Барсукова, 2004, 2005]. Градосельская Г. [1999, 2001] применила сетевой подход к анализу частных трансфертов. В своих работах она отмечает, что с точки зрения социологического анализа преимущество сетевого метода исследования частных трансфертов состоит в том, что он позволяет учитывать частные обмены во всём их многообразии и избегать однобокости получаемых результатов. При этом предлагаемый подход, по словам автора, даёт возможность выявить структуру социальных взаимодействий в процессе частных обменов, чего не позволяют сделать методы анализа, традиционно используемые экономистами [Градосельская, 1999, 2001]. Барсукова С., используя сетевой подход, проанализировала частные трансферты с точки зрения теории реципроктности. При этом реципроктность понимается как «обмен дарами на нерыночной основе» [Барсукова, 2004, с.6]. Автор приходит к выводу, что сеть неформальных обменов как системы

реципрокных отношений не является инструментом максимизации прибыли её членов, а сводится к идее совместного выживания и существования, выравнивания жизненных возможностей участников сети [Барсукова, 2004, 2005].

В качестве отдельного направления в рамках исследований частных трансфертов можно выделить работы, посвящённые частным трансфертам в сельской местности. К данному направлению относятся исследования Лыловой [2002], Фадеевой [1999], Штенберга [2003], Виноградского В. [1999]. Лылова О. [2002] приходит к выводу о широких масштабах вовлечённости сельских семей в неформальную сеть поддержки. Автор отмечает, что помощь родителей взрослым детям традиционна для сельской местности. Однако если в дореформенное время эта помощь в основном выражалась в виде передачи продуктов, выращенных на собственном приусадебном участке, уходе за внуками, трудового участия, то теперь родители-пенсионеры зачастую являются донорами финансовой поддержки. Фадеева О. в своём исследовании подтверждает высокую степень вовлечённости сельских домохозяйств в частные трансферты и даже отмечает их повсеместность: «не обнаружилось ни одной семьи, которая бы не была связана отношениями обмена или помощи с другими семьями» [Фадеева, 1999, с.193].

Другой акцент в отечественных исследованиях частных трансфертов был сделан на роли пожилых людей в системе частных межпоколенных обменов. Данному вопросу посвящена уже упомянутая работа Денисенко М., а также работы Ивановой Е.И. [Иванова, 2002] и Красновой О.В. [Краснова, 1999(а), 1999(б)]. Исследователи приходят к общему выводу о том, что поток финансовых трансфертов направлен вниз – то есть пожилые люди продолжают оставаться донорами финансовой поддержки для своих взрослых детей и внуков. Денисенко М.Б. [1999] отмечает, что в российском селе отношения пожилых людей с детьми строятся на безвозмездной основе. При этом дети выступают главными объектами материальной и финансовой

помощи со стороны пожилых людей, в то же время родственники (чаще всего супруги или дети) являются главными действующими лицами в обеспечении инструментальной и функциональной поддержки пожилых. Иванова Е.И. [Иванова, 2002], анализируя роль пожилых людей в системе межпоколенных трансфертов в сельской местности, подчёркивает «безусловность» их донорской роли. Так, несмотря на то, что большинство (65%) опрошенных пожилых людей считают себя бедными или не очень обеспеченными, больше половины из них финансово помогают своим детям и внукам, в то время как лишь треть из опрошенных получают финансовую помощь от внуков и детей. Краснова О.В. [1999 (1), 1999 (2)] в своём исследовании заостряет внимание на роли бабушек в воспитании внуков в условиях большого города. Автор приходит к выводу, что «прародительство» женщин в большом городе имеет свои этапы, которые определяются такими факторами, как возраст внуков, социальный статус и состояние здоровья пожилой женщины. Выход бабушки на пенсию является переломным моментом «прародительства» - бабушки либо отстраняются от процесса воспитания, либо наоборот начинают общаться с внуками более тесно. Наличие высшего образования у бабушки снижает вероятность её тесного общения с внуками.

В последние годы появились общие социальные исследования частных трансфертов. К таким исследованиям можно отнести работы Гладниковой [2007, 2009(а), 2009 (б)], Синявской и Гладниковой [2007], Лефевр, Прокофьевой, Корчагиной с коллегами [2007], Калабихиной с коллегами [2012], Белокрыловой с коллегами [2013]. Гладникова Е.В. предприняла попытку выявить ключевые стратегии участия российских домохозяйств в межсемейных обменах и на основе этого предложила типологию домохозяйств в зависимости от их роли в трансфертном обмене. Автор отмечает, что прослеживается зависимость между стратегией участия в обмене и стадией жизненного цикла индивида. В молодости для индивидов более характерна роль акцепторов, в среднем возрасте - донорства, тогда как

в позднем пенсионном возрасте вновь получение ресурсов становится более значимым. Синявская и Гладникова [2007] приходят к выводу, что на частоту встреч взрослых детей с родителями влияют различные факторы: близость проживания, пол и возраст родителя и ребёнка, возраст ухода из родительского дома и др. При этом увеличение материального благополучия семьи ребёнка снижает частоту встреч с родителями. Лефевр С., Прокофьева Л., Корчагина И. с коллегами [2007], анализируя роль семьи и общества в межпоколенной солидарности, приходят к выводу, что в России в связи с социально-экономическими трансформациями 1990-х наблюдаются существенные различия в представлениях о роли семьи при переходе от поколения к поколению.

Калабихина И.Е. с коллегами [2012], используя методы качественного анализа, провели исследование, посвящённое процессу оставления взрослыми детьми родительского дома. В исследовании показано, что в России формула «уходя из родительского дома, уходи» не работает. Зачастую молодежь, начиная жить отдельно, продолжает в той или иной степени материально зависеть от родителей. Белокрылова О. С., Филоненко С. Ю., Фурса Е. В. [Белокрылова, Филоненко, Фурса, 2013] рассматривают частные трансферты как особый род неформального социального института, снижающего степень социальной уязвимости участников обмена. Исследуя социальное измерение системы частных трансфертов с помощью сетевого анализа, авторы подчёркивают, что особенности неформальных обменов обусловлены не столько мотивам максимизации прибыли, сколько социокультурными, отношенческими, субъективными аспектами, религиозными ценностями. Одни из ключевых выводов авторов состоит в том, что потенциал неформальной сети активно используется домохозяйствами в процессе выживания в кризисных ситуациях, снижая степень социальной уязвимости. При этом неформальные обмены выполняют роль субститута социальных трансфертов, так как активизация неформальных обменов происходит тогда, когда государство не справляется

со своей ролью «перераспределителя» богатства между различными социальными группами.

Проблема межпоколенных обменов затрагивалась в отечественных исследованиях историко-демографического характера [Миронов, 2003; Вишневский, 2006]. Миронов Б.Н. [Миронов, 2003] отмечает, что особенности жизненного цикла и уклада семьи, в том числе и отношения между поколениями, во многом определялись сословной принадлежностью. Например, в середине XIX века крестьянские семьи по большей части были составными, в то время как семьи духовенства, дворянства, купцов и мещан чаще относились к малым. Автор приходит к выводу, что совместное проживание разных поколений в составной семье выступало основной формой межпоколенной поддержки в крестьянской семье. Составная семья выступала инструментом страхования детей от высокой смертности родителей, родителей – от высокой смертности детей, от бесплодия (так как в составной семье всегда были дети), обеспечивала старых и больных людей.

В последней трети XIX - начале XX в. в результате развития неземледельческих занятий и товарного хозяйства происходит существенное снижение экономических выгод от семейной кооперации. Поэтому постепенно происходит замещение составной семьи малой семьей. В связи с переходом к малой семье происходит трансформация семейных норм. Если отношения в составной семье основывались на принципе иерархизма, когда все домочадцы подчинялись «большаку» (самому старшему по возрасту и самому опытному мужчине в семье), то в малой семье внутрисемейные отношения (в том числе и отношения между родителями и детьми) строились по более либеральным принципам.

А.Г. Вишневский описывает эволюцию системы межпоколенных взаимоотношений в контексте демографической модернизации [Вишневский, 2006]. Основываясь на концепции демографического перехода, Вишневский исходит из того, что закономерности обменов между поколениями в семье обусловлены социально-демографическими особенностями общественного

развития, характерными для того или иного исторического периода. Автор выделяет два основных этапа изменений, повлиявших на систему межпоколенных взаимоотношений: переход от крестьянской к городской семье (середина XX века); рост ценности индивидуальной автономии, индивидуального права выбора (второй демографический переход). На первом этапе логическая последовательность изменений выглядит следующим образом: урбанизация – сальаризация (выход производственной деятельности за рамки семьи) - распространение образования (поколения второй половины 1930-х) - повышение стоимости воспитания детей и рост срока содержания детей родителями - нарушение привычной тесной связи между числом едоков и числом работников в семье. Одновременно появляются новые доступные социальные институты, берущие на себя выполнение функций, которые раньше традиционно реализовывались за счет семьи (образовательные учреждения, здравоохранение, система социального обеспечения пожилых и инвалидов, детские сады и ясли). Следовательно, как на уровне государства, так и на уровне семьи возрастают вложения старшего поколения в младшее, а также растет период иждивения для младшего поколения. На втором этапе изменений, когда при реализации демографического поведения происходит рост ценности индивидуальной автономии, система межпоколенных связей становится более сложной за счёт усложнения структуры родственной группы, обусловленного ростом числа свободных союзов и других форм совместной жизни, ослабления прочности брака и увеличение числа разводов и внебрачных рождений. Наряду с этим происходит замещение семейной солидарности солидарностью социальной, эмансипация детей и пожилых. Это ведёт к тому, что межпоколенные обмены приобретают новое измерение – измерение макро масштаба, подразумевающее государственное посредство в системе межпоколенных обменов. В условиях либерализации семейных нравов, гибкости семейной морали межпоколенные взаимодействия приобретают качественно иную наполненность.

Подведем итоги первой главы:

– в теоретических социально-экономических исследованиях частных межпоколенных трансфертов акцент делается на двух основных вопросах: в каком направлении передаются трансферты (Modigliani, Cheal, Riley) и что побуждает людей передавать трансферты (Becker, Cox).

– Теоретические демографические подходы к анализу межпоколенных трансфертов в основном сосредоточены на том, как меняется направление и роль потоков межпоколенных трансфертов под влиянием демографических трансформаций в ходе демографического перехода (Сови А., Ли Р., Мэйсон Э., Котликофф Л., Ауэрбах А.) или как меняются демографические параметры под влиянием изменений в направлении межпоколенных потоков (Колдуэлл Дж.). В эмпирических демографических исследованиях, как правило, исследуется влияние отдельных демографических факторов (возраст, брачный статус, пол и т.д.) на трансфертные отношения поколений.

– В отечественных эмпирических исследованиях выделяется несколько направлений анализа частных трансфертов: исследования, где частные трансферты рассматриваются как источник поддержки в сложных условиях социально-экономических трансформаций (Римашевская, Кокс, Денисенко, Кабалина, Кларк, Якубович, Шанин, Овчарова, Прокофьева); исследования частных трансфертов с точки зрения различных социологических теорий (Градосельская, Барсукова); исследования особенностей частных трансфертов в сельской местности (Лылова, Фадеева, Штенберг); исследования, посвящённые роли пожилых людей в системе частных трансфертов (Денисенко, Иванова, Краснова); общие социальные исследования частных трансфертов (Гладникова, Синявская, Лефевр, Прокофьева, Корчагина с коллегами, Калабихина с коллегами, Белокрылова с коллегами); историко-демографические и этнографические исследования частных трансфертов (Миронов, Вишневский).

Данное исследование продолжает логику основных теоретических демографических подходов и ставит своей целью проанализировать систему частных трансфертов с точки зрения домохозяйств разного демографического типа. При этом демографическая структура домохозяйств рассматривается как элемент, который опосредует влияние демографических детерминант макроуровня (уровень рождаемости и смертности, брачности и разводимости) на систему частных межпоколенных трансфертов.

Данный исследовательский ракурс является новым в отечественных исследованиях частных трансфертов. На фоне большого интереса к проблеме частных трансфертов за рубежом, в России данная проблема остаётся мало изученной. До сих пор частные межпоколенные трансферты чаще всего оставались прерогативой социологов или экономистов, которые в основном рассматривали систему частных трансфертов в социальном контексте. Демографической составляющей системы частных межпоколенных трансфертов уделялось недостаточно внимания, что обуславливает новизну настоящей работы.

Глава 2 Демографическая структура российских домохозяйств как фактор частных межпоколенных трансфертов

В России долгое время вплоть до второй половины 19 века, когда ситуация стала быстро меняться, сохранялась распространённость большой семьи (в данном случае семья отождествляется с домохозяйством) - расширенной или составной [Миронов, 1999]. Однако в то же время, исследователи отмечают, что в традиционном обществе малая семья также встречалась часто и постоянно вступала «в противоборство» с большой семьёй [Этнография, 1981].

Безусловно, помимо большой всегда параллельно существовала и малая семья, состоящая из одной семейной ячейки, однако, как отмечают исследователи [Вишневский, 2006, 2008] в прошлом эта нуклеарность была скорее вынужденной, чем желаемой. Эта вынужденность была обусловлена высокой смертностью, значительным уровнем бесплодия и других аналогичных обстоятельств. Малая семья, как правило, при первой возможности стремилась стать большой (усыновление, «братание», «приймачество»). Это стремление к большой семье во многом было связано с обстоятельствами экономической и социальной жизни традиционной крестьянской семьи – в первую очередь, с необходимостью обеспечивать своё существование в непростых условиях.

Во второй половине 19 века в России формы семейной жизни, приспособленные к земледельчеству, начали лишаться опоры в связи с развитием монетарных отношений, промышленности, торговли, с распространением урбанизации. Изменился характер трудовой деятельности (сalarизация труда), с конца 1920-х годов ускорилась массовая миграция в города, начался рост образования, зародилась система внесемейного воспитания. Менялись и демографические обстоятельства семейной жизни – снижалась смертность и рождаемость, происходила либерализация брачного поведения. Либерализация брака была связана с расширением прав женщин,

повышением возраста вступления в первый брак, ростом свободы выбора брачного партнёра, нарушением слитности матримониального, сексуального и прокреативного поведения, повышением интимности супружеских отношений, и в целом переходом от принципа «человек для семьи» к принципу «семья для человека». Также важно обратить внимание и на изменения в отношениях родителей и детей: падает авторитет родителей при решении о выборе брачного партнёра, родительская власть над детьми ослабевает, ограничиваясь в основном прямой экономической зависимостью детей.

В традиционном обществе растворение человека в семье было оправдано экономической и демографической необходимостью. Демографическая необходимость была обусловлена тем, что в условиях высокой смертности часто нарушался естественный порядок, согласно которому, родители должны умирать раньше своих детей, внуки – позже своих прародителей и т.д. [Ливи Баччи, 2010]. В свете этого жизнь в большой семье давала чувство большей защищённости. Ослабление демографической и экономической необходимости стало спусковым механизмом к наступлению кризиса традиционной патриархальной семьи.

Важным эволюционным изменением семейной организации является повышение доли нуклеарных семей (домохозяйств) и сокращение доли сложных. К концу XX века в Российской Федерации большинство семей являлись нуклеарными семьями. При этом отличительная особенность современных нуклеарных семей – их добровольность, желательность [Вишневский, 2008].

Появление самого феномена частных межпоколенных трансфертов связано с территориальным разделением родственников. В традиционной расширенной семье все межпоколенные взаимодействия происходили в условиях общего хозяйства, совместного проживания.

Для того чтобы сформировать более глубокое понимание предпосылок частных межпокольных трансфертов, проанализируем демографические

детерминанты, определяющие состав родственных групп и домохозяйств в долгосрочной перспективе.

2.1 Демографические детерминанты частных межпоколенных трансфертов

Систему частных межпоколенных трансфертов можно анализировать на индивидуальном уровне, уровне семьи и общества в целом. В зависимости от уровня анализа можно выделять различные факторы частных межпоколенных трансфертов (Таблица 1).

Таблица 1 - Типология факторов частных межпоколенных трансфертов

Факторы частных межпоколенных трансфертов		
Индивидуальный уровень	Уровень семьи (домохозяйства)	Социетальный уровень
<ul style="list-style-type: none"> – возраст, – пол, – состояние здоровья, – образование, – статус занятости, – семейное положение, – уровень дохода, – территориальная удалённость от родственников. 	<ul style="list-style-type: none"> – структура домохозяйства, которая определяется наличием несовершеннолетних детей и их количеством, возрастом главы домохозяйства, наличием семейного ядра и его типом (супружеская пара, неполная семья) и т.д., – размер домохозяйства. 	<ul style="list-style-type: none"> – развитость государственных (пенсионное обеспечение, система социального обслуживания, меры социальной поддержки и др.) и негосударственных (благотворительные организации, добровольное социальное страхование и др.) институтов социальной защиты населения; – культурные нормы.

В рамках данного исследования мы ограничиваемся анализом частных межпоколенных трансфертов на уровне семьи. При этом рассмотрение частных трансфертов на семейном уровне в основном сводится к

характеристикам домохозяйства, так как имеющиеся статистические данные относятся именно к домохозяйствам. Однако, строго говоря, наиболее полное представление о частных межпоколенных трансфертах на семейном уровне можно получить, обладая информацией не только о характеристиках домохозяйств, но и о структуре семейной группы в целом – о совокупности живущих в данный момент времени родственников, которые чаще всего принадлежат к различным домохозяйствам. С этой точки зрения тип домохозяйства представляет собой характеристику особенностей проживания членов родственной группы, а состав родственной группы даёт представления о потенциальных участниках частных межпоколенных обменов.

Проанализируем подробнее демографические детерминанты, влияющие на состав родственных домохозяйств. Логика влияния демографических детерминант на состав демографической структуры родственных домохозяйств представлена на Рисунке 4.

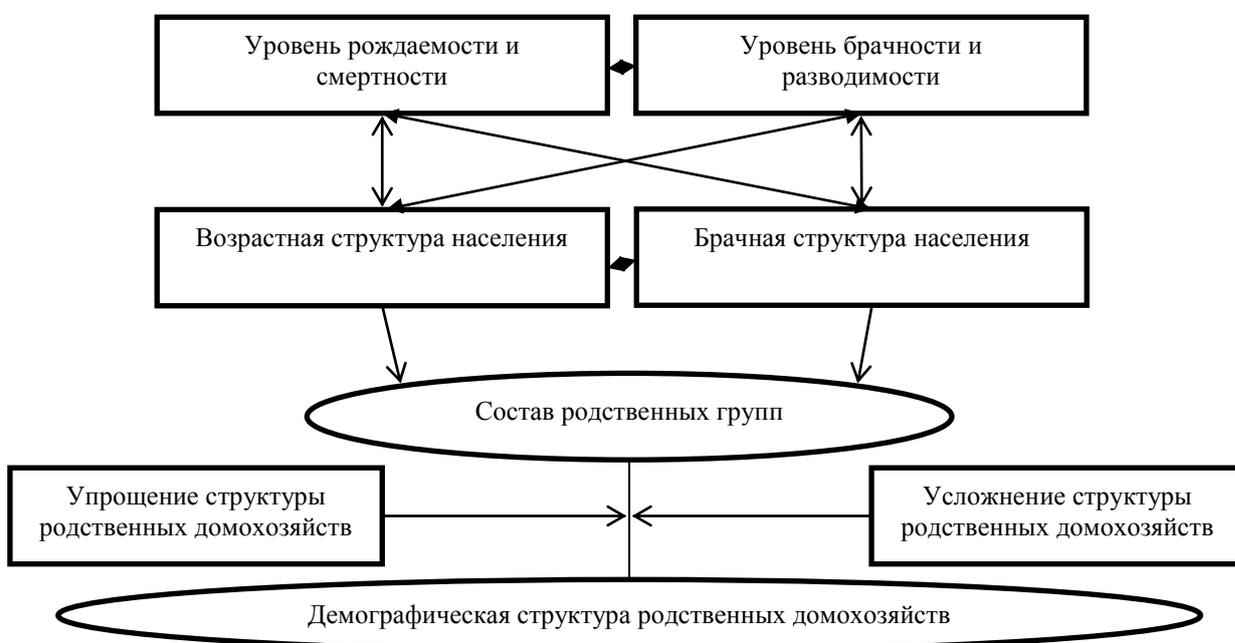

Рисунок 4 - Связь между демографическими детерминантами и демографической структурой родственных домохозяйств

Демографическими детерминантами состава родственных групп, внутри которой происходит обмен межпоколенными трансфертами, являются возрастная и брачная структура населения. В свою очередь демографические структуры (возрастная и брачная) являются результатом действия демографических процессов в прошлом (рождаемости и смертности, брачности и разводимости, миграции), и в то же время сами оказывают на них влияние. При этом уровень рождаемости и смертности взаимосвязан с уровнем брачности и разводимости, а возрастная структура населения – с брачной структурой. Члены родственной группы могут расселяться по разным домохозяйствам, что связано с процессом упрощения структуры домохозяйства, или наоборот объединяться в одно домохозяйство, усложняя его структуру.

Проанализируем подробнее демографические детерминанты, влияющие на состав родственной группы в целом и родственных домохозяйств в частности, а также последствия этого влияния для системы частных межпоколенных трансфертов.

Изменения в возрастной структуре населения определяются особенностями режимов рождаемости и смертности и проявляются в изменении состава родственных домохозяйств. Возрастная структура населения России за последние 100 с лишним лет существенно трансформировалась: возрос удельный вес населения в средних и старших возрастах, а доля детского населения сократилась (Рисунок 5). Возрастная пирамида родственной группы меняет свою форму аналогично пирамиде всего населения. Снижение уровня рождаемости и увеличение продолжительности жизни, проявившееся в трансформации возрастной структуры, ведёт к росту числа одновременно живущих в семье поколений (вертикальное расширение семьи), в то время как число представителей одного поколения снижается (горизонтальное сужение). Такие структурные изменения ведут к тому, что, с одной стороны, забота о пожилых членах семьи ложится на плечи меньшего числа представителей младшего

поколения, а с другой – потенциал поддержки молодого поколения возрастает.

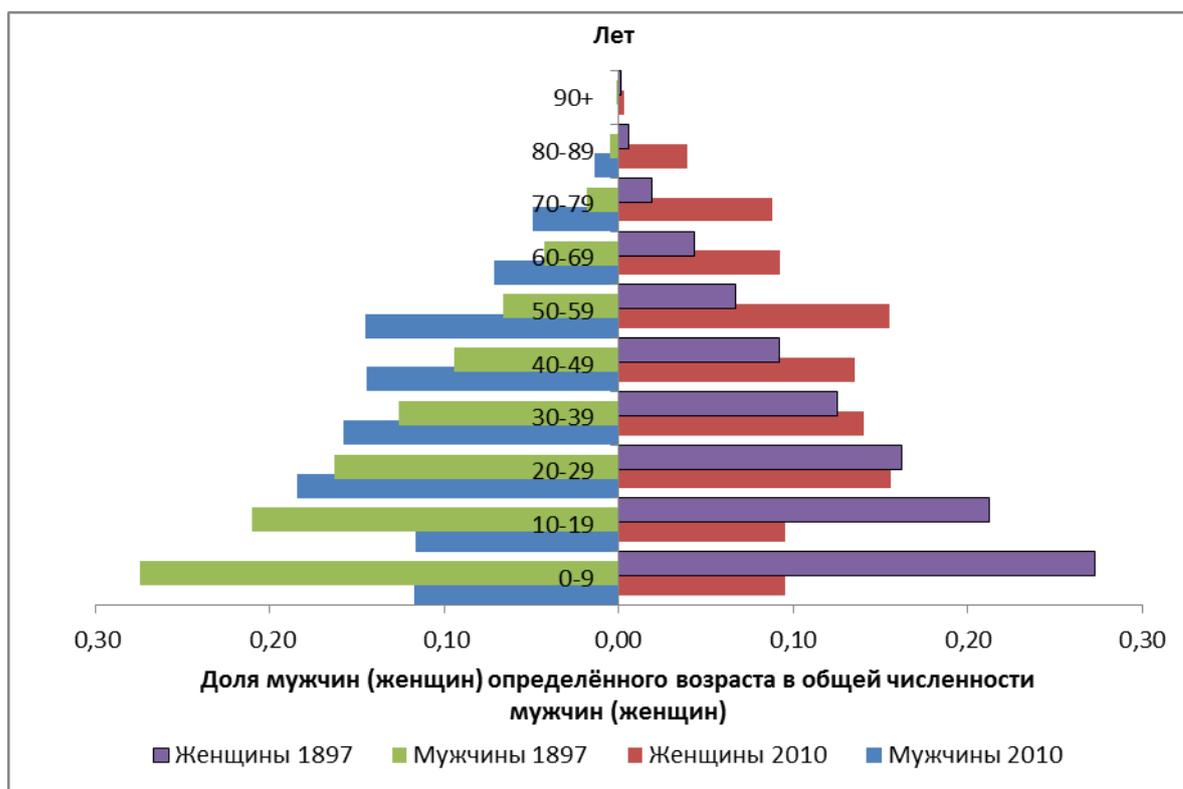

Рисунок 5 – Половозрастное распределение населения России по переписи 1897 и 2010 гг.

В условиях старения населения происходит «старение межпоколенных отношений», которое выражается в том, что демографические события, влияющие на межпоколенные взаимодействия (рождение ребёнка, смерть одно из родителей и т.д.), стали происходить позже [Murphy, 2011].

Вместе с тем в связи с ростом продолжительности жизни родителей все больше откладывается возраст, когда дети получают наследство. Несмотря на то, что изменение ожидаемой продолжительности жизни в России за последние пятьдесят лет нельзя охарактеризовать как период перманентного роста, Россия движется по пути развитых стран в сторону увеличения ожидаемой продолжительности жизни (Рисунок 6).

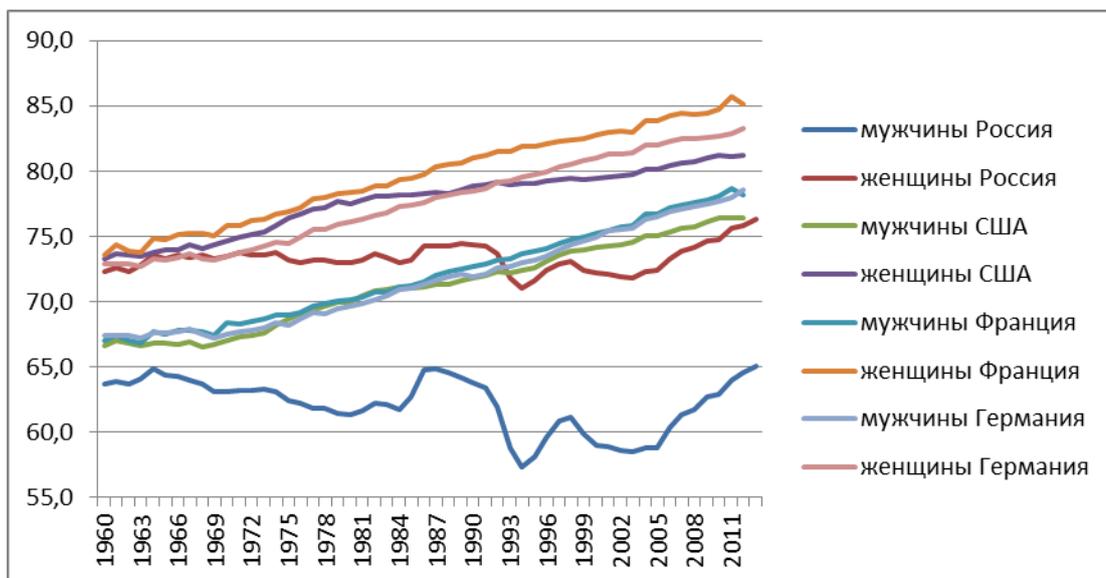

Рисунок 6 – Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России и некоторых других странах, 1960-2013 гг.

Источник: gks.ru

По имеющимся оценкам, в России за последние сто лет возраст получения наследства повысился в среднем с 35 до 50 лет [Вишневецкий, 2005]. Откладывание момента получения наследства изменяет характер взаимодействия младшего поколения со старшим. Например, Котликов и Спивак [Kotlikoff, Spivak, 1981] рассматривают наследство или обещание наследства как подразумеваемый межпоколенный контракт, предполагающий родительский контроль над семейным благосостоянием и основанный на доверии со стороны детей к тому, что родители наградят их за их поддержку посмертным даром. Некоторые исследователи [Bernheim, Shleifer, Summers, 1985] приходят к выводу о том, что контакты между родителями и детьми происходят чаще в том случае, когда родители имеют большее потенциальное наследство. Суссман и коллеги [Sussman, Cates, Smith, 1970] объясняют эту ситуацию на основе принципа реципрокности. Они считают, что дети часто проявляют заботу о своих родителях в ожидании, что в перспективе они завладеют большей частью собственности своих родителей. В связи с этим родители могут использовать своё имущество как стратегический потенциал для мотивации детей к поддержке.

Тогда увеличение продолжительности жизни в старших возрастах можно рассматривать как период, когда родители растрачивают потенциальное наследство своих детей. В традиционных обществах считалось, что перспектива получения наследства или, если более точно, угроза его не получения, действует как стимулирующий механизм, посредством которого глава семьи использует труд своих сыновей в хозяйстве. Зачастую основной предполагаемый наследник оказывался в довольно трудном положении. Как отмечает Р. Зидер [Зидер, 1997], родители требовали от будущего наследника участия во всех хозяйственных вопросах, а также поддержку в старости. С этой точки зрения, увеличение продолжительности жизни главы семьи может снизить ценность наследства как одной из форм межпоколенных трансфертов [Rozenzweig, 1994]. С другой стороны, чем дольше живут родители, тем выше размер потенциального наследства, которое они могут накопить, тем дольше они смогут помогать своим детям при жизни. Кроме того, при низкой рождаемости наследство распределяется между одним двумя наследниками-детьми, а не тремя и более, как было раньше.

В условиях роста ожидаемой продолжительности жизни изменяется структура жизненного цикла человека и длительность отдельных его периодов – увеличивается число лет, прожитых в средних и старших возрастах. Изменяются границы между тремя основными этапами жизненного цикла: образование, работа, период незанятости. Если рассматривать удельный вес каждого этапа в условиях роста продолжительности жизни, то можно отметить следующие тенденции: длительность периода жизни, связанного с обучением, возрастает; период трудовой активности сокращается; период жизни, проведённый на пенсии, удлиняется.

Смена выделенных этапов жизни характеризуется высокой степенью гибкости. Например, на этапе трудовой активности современному человеку часто приходится периодически учиться, подстраиваясь под новые изменения и развивать свои навыки. Например, в Европе (ЕС-27) неуклонно

растёт доля взрослого населения в возрасте от 25 до 64 лет, которые указали, что продолжают получать образование – проходят обучение или профессиональную подготовку. С 2000 г. до 2014 г. данный показатель возрос с 7 до 11% [Eurostat]. Данный феномен в современных исследованиях обозначается как непрерывное образование или образование на протяжении всей жизни (lifelong learning). По достижении пенсионного возраста человек также может продолжить учиться или работать. В России значительная доля как мужчин (27%) так и женщин (30%) в 2013 году продолжали оставаться занятыми на рынке труда после достижения пенсионного возраста, причём данный показатель растёт [Экономическая активность населения России – 2014 г. // gks.ru].

Изменение в соотношении соответствующих периодов жизни и трансформация моделей получения образования, занятости, формирования семьи и состояния здоровья отражают увеличение продолжительности обучения, откладывание вступления в брак, снижение рождаемости. С демографическими изменениями коррелирует более позднее вступление в трудовую деятельность с полным рабочим днём, меньшая продолжительность занятости, постепенный (плавный) выход на пенсию [Вишневский, 2005]. Таким образом, жизненный цикл становится более гибким и допускает многовариантность, что связано с появлением дополнительных рисков (снижение доходов, ухудшения здоровья и т.д.). Ввиду этого родственная поддержка приобретает особую актуальность.

Вместе с изменением границ между этапами жизненного цикла происходит трансформация представлений о порогах наступления того или иного этапа в жизни. Знание людьми своего календарного возраста является достижением индустриальной эпохи, когда произошло законодательное закрепление возрастных норм. Однако представление о социальном возрасте, который связан с определённой стадией жизненного цикла, существовало всегда. Например, старость всегда ассоциировалась с ослаблением физических сил, нетрудоспособностью и потребностью в опеке. *Порог*

старости не остаётся постоянным во времени и одинаковым для разных стран. В процессе демографических изменений восприятие стадий жизненного цикла изменилось. В начале 1970-х годов американские геронтологи Нейгартен Б. и Шанас Э. впервые разделили пожилых на две группы: молодых стариков (the Young Old) и старых стариков (the Old Old) [Neugarten, 1974]. В 1990-е годы английский демограф Питер Ласлетт предложил разделить жизненный цикл современного человека на четыре стадии: детство, взрослость, «третий возраст» и «четвертый возраст» [Laslett, 1990, Laslett, 1996]. Современные «Молодые старики» (люди третьего возраста - до 75 лет) характеризуются хорошим для своего возраста здоровьем, относительно высоким уровнем образования и благосостояния (за счёт накопленных средств и получаемых пенсий), энергичностью и активностью. Традиционному образу стариков соответствуют люди «четвёртого возраста», которые испытывают необходимость в поддержке. В России по мнению экспертов [Денисенко, 2005] слой людей «третьего возраста» до конца еще не сформировался. Однако в целом и в России возраст 75 лет является неким рубежом. Так, до 75 лет большинство пожилых считают себя относительно здоровыми, и только после 75 доля тех, кто не удовлетворён своим здоровьем начинает превышать долю тех, кто им в той или иной степени удовлетворён (Таблица 2). При переходе к возрастной группе «75 лет и старше» резко возрастает (на 21,3 п.п.) доля тех, кто прибегает к помощи других лиц для самообслуживания и составляет почти 50%. Также среди лиц в возрасте 75 лет и старше уровень образования существенно ниже, чем среди других выделяемых возрастных групп – подавляющее большинство из них имеют только общее образование (65%). Таким образом, при оценивании последствий роста ожидаемой продолжительности жизни с точки зрения изменения нагрузки пожилыми людьми необходимо учитывать возможное смещение возрастных границ наступления старости – люди стали жить дольше, но и старость в понимании немощности теперь может наступать позже. Если члены семьи стали жить

дольше, это не обязательно значит, что теперь старшее поколение дольше обременяет младшее, так как порог старости отодвигается.

Таблица 2 – Субъективная оценка состояния здоровья и уровень образования по возрастным группам, %

	55-59	60-64	65-69	70-74	75 и старше
<i>Состояние здоровья:</i>					
очень хорошее	0,6	0,4	0,3	0,2	0
хорошее	14,7	9,6	4,6	3,3	1,9
удовлетворительное	71,5	73,1	72,1	61,3	46,2
плохое	12,1	15,9	21,9	32,0	45,5
очень плохое	1,1	1,1	1,2	3,1	6,4
<i>Доля тех, кто прибегает к помощи других для самообслуживания</i>					
	17,6	18,9	19,8	26,3	47,6
<i>Уровень образования:</i>					
высшее	22,1	22,7	21,0	17,1	11,6
среднее специальное	45,3	42,2	33,4	28,5	19,4
общее	32,4	34,8	45,1	53,5	65,2
не имеющие начального образования	0,2	0,3	0,5	0,9	3,7

Источник: Всероссийская перепись населения 2010, ВНДН-2012

На фоне изменения границ между этапами жизненного цикла люди все чаще откладывают родительство на более поздние возраста. Так, в России с 2000 по 2012 г. средний возраст матери при рождении первого ребёнка возрос с 23,5 до 25 лет [Средний возраст матери при рождении первого ребёнка...]. В связи с этим растёт возрастной разрыв между поколениями. В итоге увеличивается вероятность того, что когда родители постареют и будут нуждаться в помощи, их дети будут ещё незрелыми. Конечно, молодые дети более здоровы и имеют больше сил для оказания поддержки родителям. Но в то же время у детей может быть много забот о собственных детях, что будет снижать их потенциальные возможности для поддержки родителей.

Поскольку люди стали в среднем жить дольше, всё большее число семей может сохранять свою структуру на протяжении более длительного времени, чем это было раньше. В прошлом трехпоколенные семьи

встречались, но существовали недолго из-за низкой продолжительности жизни стариков. В результате значительного роста продолжительности жизни в развитых странах увеличилось время сосуществования представителей трех и даже четырех поколений.

Рост ожидаемой продолжительности жизни означает, что человек может дольше сохранять статус ребёнка, родителя, супруга [Watkins, Menken, Bongaarts, 1987; Bongaarts, Burch, Wachter, 1987]. Бонгаартс с коллегами предложили модель, которая вычисляет количество выживших представителей исходной когорты, обладающих определённым семейным статусом s , где s может представлять собой сочетание перекрывающихся состояний - например, «замужем, имеет пятерых детей и мать старше 65 лет». Способы входа и выхода из каждого семейного статуса на примере женщин представлены в Таблица 3.

Таблица 3 - Таблица формирования семейного статуса

Семейный статус	Вход в статус	Выход из статуса
Ребёнок	Рождение	Смерть последнего из оставшихся в живых родителя
Незамужняя девушка	Рождение	Вступление в брак
Замужняя женщина	Вступление в первый или в повторный брак	Смерть супруга, развод
Разведённая женщина	Развод	Вступление в повторный брак
Мать	Рождение первого ребёнка	Смерть последнего из оставшихся в живых ребёнка

Источник: Watkins, Menken, Bongaarts, 1987.

Исходя из показателей рождаемости, смертности, брачности и разводимости, в рамках данной модели анализируется два ключевых показателя – 1) доля лиц с конкретным семейным статусом к определённому возрасту, 2) количество лет, прожитых в определённом семейном статусе.

Авторы модели отмечают, что увеличение в продолжительности жизни меняет длительность пребывания индивида в том или ином семейном статусе. С одной стороны, увеличение продолжительности жизни означает,

что теперь человек может дольше пребывать в статусе супруга, родителя и ребёнка для своих родителей. Однако наряду с увеличением продолжительности жизни происходит снижение рождаемости и рост разводимости, что усложняет картину длительности пребывания в том или ином семейном статусе. Например, в 1950 году на одну женщину в России приходилось 2,9 рождений, а в 2014 г. – 1,8, в 1970 году на 1000 браков приходилось 319 разводов, в 2011 – 590 разводов на 1000 браков [Захаров, 2013]. На основе анализа данных за 1800, 1900, 1960, 1980 авторы [Watkins, Menken, Bongaarts] приходят к выводу, что, несмотря на снижение рождаемости и высокий уровень разводимости, женщины, рождённые в 1960 и 1980 гг. проводили больше времени в статусе замужней женщины и матери, а также в статусе ребёнка для своих родителей. Так, в США к 1980 году почти половина 55-ти летних имели хотя бы одного живого родителя, то в 10 раз больше, чем в 1800 году. Как показывают исследования по России [Никитенко, 1979], в России 19 века мать в среднем с момента появления ребёнка проживала ещё 34 года (то есть 34 года совместного проживания в одном историческом пространстве), в 70-х годах XX века этот показатель составил 48 лет. За это время средняя продолжительность жизни женщины в статусе бабушки возросла с 12 до 24 лет.

В связи с описанной тенденцией в семье происходит трансформация структуры иждивенцев. Так «во все века люди знали, что на их иждивении находятся дети. Стариков было мало и нагрузка ими была незначительна (в России в 1897 году на одного человека в возрасте 70 лет и старше приходилось 15 детей до 15 лет). Теперь всё изменилось в противоположную сторону. ... В прошлом средний возраст детей к моменту смерти одного из родителей составлял 14 лет. Сейчас средний возраст сына к моменту смерти отца приближается к 55-60 годам» [Вишневский, 2005]. Вот как Чаянов А.В. описывает жизненный цикл крестьянской семьи: «в первые годы по мере роста семьи она отягощается всё больше и больше неработоспособными домочадцами. Наблюдается быстрое увеличение отношения числа едоков к

числу работников. На 15-й год в помощь к родителям поступает их первый ребёнок. По мере взросления детей величина отношения числа едоков к числу работников будет стремительно падать, приближаясь к единице. Соотношение числа едоков к числу работников достигает 1 примерно на 37 году существования семьи» [Чаянов, 1989, с.215]. В настоящее время положение значительно изменилось. И хотя ситуация в России пока далека от картины Америки 2030 года, которую нам рисуют Л. Котликофф и С. Бернс: «Перед вами страна, где в колясках выгуливают больше стариков, чем младенцев. Перед Вами страна, в которой количество пенсионеров выросло вдвое, а количество работающих, которые их содержат, - только на 15%. Перед Вами страна с большим числом обедневших стариков, прозябающих в переполненных, страдающих от недостатка обслуживающего персонала домах престарелых» [Котликофф, Бернс, 2005, с. 18]», - но тенденцию к увеличению нагрузки пожилыми нельзя отрицать.

Одновременно с этим нагрузка детьми имеет тенденцию к снижению. Так, в 1990 показатель демографической нагрузки детьми в России составлял 34 промилле, в 2010 – 21 промилле. При этом необходимо отметить, что дети и старики представляют собой качественно разные категории иждивенцев. Можно было бы предположить, что в процессе трансформации структуры иждивенцев, рост доли пожилых иждивенцев компенсируется снижением доли молодых. Однако А. Сови ещё полвека назад указывал, что данное предположение не подтверждается на практике по трём основным причинам: потребности детей меньше потребностей стариков (прожиточный минимум по возрастам), за счёт увеличения продолжительности обучения происходит рост нагрузки детьми (средний возраст выхода на рынок труда), передача средств старикам является естественной, но менее мотивированной семейными узами, по сравнению с затратами на детей [Сови, 1977].

В связи с «вертикальным» расширением семья все чаще сталкивается с необходимостью заботы о пожилых родственниках. Возрастает число пожилых людей, нуждающихся в поддержке, следовательно, растёт и доля

потенциальных реципиентов восходящей линии трансфертов. Помимо потребности в материальном обеспечении, которая чаще всего обеспечивается за счет государственных пенсий, пожилые люди нуждаются в эмоциональной поддержке, а с возрастом - в функциональной помощи. Эта потребность в основном реализуется в семье. Как показывают исследования [Лежнина, 2010], в России слабо распространены объединения пожилых людей, способствующие социализации и противодействующие социальному исключению. Таким образом, на фоне роста демографической нагрузки пожилыми (макро уровень), происходит одновременно увеличение «спроса» на функциональную, инструментальную и эмоциональную поддержку, которая обеспечивается в рамках семьи (микро уровень). Особую значимость инструментальная поддержка со стороны молодого поколения приобретает в условиях быстрого развития информационных и компьютерных технологий. Пожилым людям зачастую трудно разобратся в новых требованиях, которые выдвигает век информационных технологий. Так, например, чтобы разобратся с оплатой за коммунальные услуги, пожилые люди вынуждены обращаться за помощью к своим детям или внукам [Beard et al., 2012].

Ситуация растущего «спроса» на функциональную, инструментальную и эмоциональную поддержку усугубляется растущей долей бездетных женщин, которым нельзя будет рассчитывать на помощь младшего поколения. В России доля окончательно бездетных женщин долгое время оставалась очень низкой, по сравнению с западными странами – на уровне 5-7%. Однако в настоящее время наметилась тенденция к росту данного показателя – так, для тех поколений женщин, которые на данный момент завершают свою репродуктивную биографию, доля окончательно бездетных приближается к 10% [Тындик, 2015].

«При этом всё чаще бездетность обусловлена не проблемами со здоровьем, а личным выбором женщины, что во многом связано с углублением процесса эмансипации женщин. В развитых странах женщины всё чаще делают выбор в пользу карьеры, ограничивая число рождений, а

иногда и вовсе отказываясь от семьи. Что касается России, то тенденция к распространению добровольной бездетности среди женщин вполне может стать реальностью в ближайшем будущем. «Еще совсем недавно специалисты отмечали, что одно из главных отличий России от стран Запада заключается в высокой и практически неизменной вероятности рождения хотя бы одного ребенка — откладывание рождения первенца и, тем более, добровольная бездетность в России не были распространены. Сегодня мы уже можем утверждать, что, по крайней мере, первая характеристическая особенность традиционной модели рождаемости для России уже не актуальна — приобщение к опыту откладывания первого ребенка среди молодых поколений происходит весьма интенсивно... Обернется ли откладывание рождений для более или менее значительной части населения добровольным отказом от материнства навсегда, пока не известно. В то же время по опыту других стран нельзя не иметь в виду возможность некоторого увеличения пропорции ни разу не рожавших женщин» [Захаров, 2005]» [Миронова, 2012].

Согласно имеющимся оценкам [Фрейка, Захаров, 2014], в России процесс откладывания деторождения начался с когорт 1960-х годов рождения. При этом уровень компенсации отложенных рождений для поколений, завершающих репродуктивную биографию является низким, особенно это касается компенсации первых рождений. Так, например, для когорты 1975 года рождения уровень компенсации отложенных рождений составит около 40% для первых рождений, 50% - для вторых рождений, 60% - для третьих и последующих рождений.

Во всех странах, как развитых, так и развивающихся, пожилые люди сталкиваются с рядом трудностей: нехватка финансовых ресурсов, плохое здоровье, потребность в функциональной поддержке. Однако при этом нельзя однозначно сказать, что пожилые люди всегда находятся в более сложном положении, чем представители других возрастных групп. Например, в Америке уровень бедности среди пожилых людей в 1960 году

составлял 35%, а менее чем через 40 лет этот показатель составил всего 10%, что меньше, чем среди не пожилых. В Колумбии, Коста-Рике и Индии уровень бедности среди пожилых людей не выше, а иногда и ниже, чем для всей страны в целом [Beard et al., 2012].

В России доля малоимущих среди мужчин в возрасте от 31 до 59 лет в 2013 году составила 19,2% (среди женщин в возрасте от 31 до 54 лет – 19,9%), в то время как среди пенсионеров данный показатель значительно ниже: среди мужчин пенсионного возраста – 2,7%, среди женщин-пенсионерок – 7,4%. Самая высокая доля малоимущих в 2013 году зафиксирована среди молодёжи от 16 до 30 лет – 22,5% [Распределение малоимущего населения по основным группам...]. Почему пожилые люди зачастую в большей степени защищены с точки зрения материальной обеспеченности, чем представители других возрастов? Во многом это связано с тем, что пожилые люди меньше, чем молодые, зависят от неустойчивости на рынке труда. Обеспечение пожилых людей, как правило, складывается из личных сбережений, государственных пособий в виде пенсии, а также в некоторой степени из семейных трансфертов.

Другим важным демографическим детерминантом состава родственной группы является *брачность*. Как видно из таблицы 4, за последние 100 с лишним лет произошла существенная трансформация структуры населения по брачному состоянию. Вступление в брак откладывается на всё более поздние возраста: в 2010 году в возрастной группе 20-29 лет 42% женщин и почти 60% мужчин ещё не состояли в браке, в то время как в 1897 году в данной возрастной группе доля не вступавших в брак женщин составляла лишь 21%, а мужчин – 44%.

В то же время снижение прочности брачных союзов нашло своё отражение в тенденции к росту разводимости – в каждой из выделенных поло-возрастных групп доля разведённых в 2010 году на порядок превышает долю разведённых в соответствующей возрастной группе 1897 года. Как показывают исследования [Захаров, 2013], риск прекращения брака в России

повышается. Так, по данным переписи 1989 года на 1000 женщин приходилось 84 разведённых (разошедшихся) женщины (для мужчин соответственно 57 на 1000), в то время как в 2010 году - на 1000 женщин пришлось уже 121 разведённая (разошедшаяся) (для мужчин 78 на 1000 соответственно). Разводы, повторные браки, незарегистрированные союзы усложняют семейную структуру и снижают прочность семейных связей [Kaneko 2007; Gaymu et al. 2008; Keilman, Christiansen, 2010], что предопределяет специфику межпоколенных обменов.

Развод родителей негативно сказывается на отношениях со взрослыми детьми, что ведёт к снижению масштабов межпоколенных обменов [Pezzin, Schone, 1999; Елисеева, Прокофьева, Фести, 1999]. Например, взрослые дети реже помогают своему отцу, если он находится в разводе с их матерью [Hogan et al., 1993, p. 1428-1458]. Для мужчин риск ухудшения отношения с детьми после развода выше, чем для женщин [Furstenberg et al. 1995], поэтому в старости разведённые отцы подвержены высокому риску остаться без поддержки со стороны детей. Негативные изменения в отношениях, проявляющиеся в снижении частоты контактов и сокращении трансфертных потоков, характерны и для отношений между взрослыми детьми и матерями, повторно вступившими в брак [Dennis et al., 1993, p. 1428-1458]. Кроме того, повторные браки родителей расширяют потенциальную сеть частных трансфертов - мачехи и отчимы могут играть важную роль в жизни неродных детей, которые, повзрослев, будут сохранять с ними связи.

Таблица 4 – Распределение населения по полу, возрасту и состоянию в браке, 1897, 2010 гг.

	Холост/ Не замужем				В браке				Вдов(а)				Разведён/Разведена			
	муж		жен		муж		жен		муж		жен		муж		жен	
	1897	2010	1897	2010	1897	2010	1897	2010	1897	2010	1897	2010	1897	2010	1897	2010
(15) ² 16-19	95,5	98,2	84,1	92,2	4,5	1,74	15,8	7,5	0,02	0,02	0,10	0,04	0,01	0,08	0,03	0,32
20-29	44,4	59,2	20,9	41,8	54,9	37,6	77,5	51,5	0,60	0,07	1,36	0,45	0,06	3,18	0,14	6,27
30-39	9,5	17,2	6,5	12,2	88,6	71,6	87,9	70,1	1,70	0,41	5,36	2,20	0,11	10,72	0,18	15,53
40-49	4,3	7,1	4,6	5,8	91,4	78,9	80,7	68,9	4,10	1,37	14,42	6,71	0,13	12,64	0,17	18,61

² В переписи 1897 данные о состоянии в браке приводятся с 15 лет, а в переписи 2010 – с 16 лет.

50-59	3,0	4,0	4,3	4,1	87,1	82,1	66,0	62,9	9,80	3,52	29,40	16,45	0,13	10,40	0,15	16,58
60 и более	2,6	1,7	4,8	3,5	68,0	76,2	36,2	33,7	29,00	16,80	58,50	53,77	0,13	5,29	0,14	9,03

Одно из последствий развода связано с появлением неполной семьи. В 2010 году в России доля неполных семей, т.е. домохозяйств, состоящих из матери (отца) с детьми составила 15,6% среди всех домохозяйств. Данный тип домохозяйств является вторым по распространённости среди частных домохозяйств, состоящего из двух и более человек. Одна из важнейших проблем неполных семей, заключается в том, что положение детей в таких семьях нестабильно, т.к. снижается уровень их экономической защищённости. Чаще всего одинокий родитель (как правило, мать) не может обеспечить такой уровень благосостояния, который достигается в полной семье. Проживание в неполной семье повышает риск бедности. Неполные семьи выступают активными акцепторами частных трансфертов. Как показывают исследования, более половины таких семей получают материальную поддержку от родственников, 20% из них получают её на регулярной основе [Овчарова, Прокофьева, 2000, С. 23].

Члены родственной группы могут проживать вместе или раздельно. Если родственники отделяются друг от друга, образуя разные домохозяйства, то структура домохозяйства упрощается, происходит нуклеаризация. Если родственники наоборот объединяются в одно домохозяйство, то происходит усложнение структуры домохозяйства.

Преобладание простых нуклеарных семей – одна из главных характеристик семейной структуры российского населения. Нуклеарная семья, состоящая из родителей (одного родителя) и детей, либо только из супругов, как правило, противопоставляется патриархальной семье традиционного типа, которая включает представителей нескольких взрослых поколений.

Переход к нуклеарной семье, обусловленный процессами индустриализации и урбанизации, начался в России ещё в XX веке (начиная с

конца 1920-х годов размер семьи начал быстро сокращаться), однако и в настоящее время нельзя говорить о его завершенности [Вишневецкий, 2008]. Одной из причин упрощения структуры домохозяйств может выступать повышение пространственной мобильности населения. Если, согласно расчётам автора, по данным переписи 1926 года 96% постоянного населения являлись уроженцами тех регионов, где они проживали на момент переписи, то в 2002 году – 71%.

Вследствие миграции детей, которые в основном уезжают для того, чтобы получать образование и устраиваться на работу, родители в старости зачастую остаются одинокими и нуждаются в поддержке. В то же время межпоколенные трансферты сами могут выступать причиной миграции. Например, когда пожилые люди, нуждающиеся в постоянной опеке, мигрируют в населённые пункты, где живут их дети, можно говорить о восходящих межпоколенных трансфертах.

В процессе нуклеаризации происходит территориальное разделение членов родственной группы – например, взрослые дети живут отдельно от пожилых родителей. Парсонс структурную изоляцию членов семьи, их проживание в отдельных домохозяйствах, позиционирует как важнейшую причину отмирания традиционных механизмов родственной межпоколенной поддержки [Parsons, 1955, p. 10–26.] Среди основных характеристик нуклеарной семьи Парсонс [Parsons, 1955] отмечает её изолированность. Изолированность проявляется в том, что члены нуклеарной семьи живут обособленно от других родственников, а также ведут независимое экономическое существование. Некоторые исследователи [Ружже, Кадибур, Елисеева, 1976] считают, что при такой семейной организации первичными становятся отношения между супругами (представителями одного поколения), а отношения между представителями разных поколений уходят на второй план. В свою очередь нуклеарная семья сокращается в условиях снижения рождаемости, что делает связи внутри неё всё более тесными.

Однако фактически вместо обособленных чисто нуклеарных семей появляется модифицированная расширенная семья, члены которой тесно связаны между собой взаимными обменами помощью [Litwak, 1960]. Таким образом, процесс нуклеаризации сопровождается обратным явлением - формированием родственных групп, внутри которых поддерживаются тесные связи [Волков, 1996].

С социологической точки зрения семья остается семьей и после территориального разделения, если продолжается единая общесемейная деятельность ее членов, которая является одним из основных признаков семьи. Если в семье из трех поколений сохраняются все отношения взаимопомощи, несмотря на то, что представители среднего и младшего поколения проживают отдельно от представителей старшего поколения, то само их разделение можно назвать полной нуклеаризацией семей только в демографическом, но не в социологическом смысле, поскольку территориальная нуклеаризация не сопровождается функциональной. Понятие «модифицированной расширенной семьи» близко к понятию «семейная группа», о которой упоминалось в первой главе.

Субъектно-объектная структура трансфертного обмена представлена домохозяйствами. При этом важнейшими предпосылками трансфертного обмена является структура потребностей и структура возможностей домохозяйства [Szydlik, 2004]. Потребности и возможности домохозяйства во многом обусловлены его размером и составом. Так, даже в условиях равного дохода домохозяйства с разным составом могут значительно отличаться по уровню благосостояния своих членов [Вишневский, 2008]. Понимание демографической структуры и состава домохозяйств, анализ которых приводится ниже, даст нам представление о распределении потенциальных доноров и реципиентов частных межпоколенных трансфертов, а также о тенденциях в их изменении.

2.2 Особенности демографической структуры российских домохозяйств

Основным источником данных о демографических характеристиках домохозяйств являются переписи населения. При проведении переписей населения различают три категории домохозяйств: частные домохозяйства, домохозяйства бездомных и коллективные домохозяйства. В связи с задачами данного исследования будут рассматриваться частные домохозяйства. Частные домохозяйства – это домохозяйства, проживающие в индивидуальных домах, отдельных и коммунальных квартирах, общежитиях, гостиницах, традиционных жилищах и других помещениях, приспособленных для жилья.

В 2010 году в России было зафиксировано 54,6 млн. частных домохозяйств, в составе которых проживало 99% населения всей страны [Всероссийская перепись населения 2010 года]. Оставшийся 1% населения входит в состав институционального населения: дети в детских домах, пожилые люди в домах престарелых и т.д.

Размер домохозяйств. Средний размер домохозяйства в 2010 году в России составил 2,6 чел., в США также – 2,6 чел, в среднем по Европе³ - 2,4 чел. Везде наиболее распространённым типом домохозяйства являются домохозяйства, состоящие из 3-х и более человек. В то же время по сравнению с США и Европой в России доля домохозяйств из 3-х и более человек в общей совокупности домохозяйств значительно выше. Если в Европе вторыми по распространённости являются домохозяйства одиночек, то в России и США – домохозяйства из 2-х человек. Доля домохозяйств одиночек в России ниже, чем в США и Европе (Рисунок 7).

³ Здесь и далее имеются ввиду данные по 27-ми европейским странам на момент переписи 2011 года: Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Словакия, Словения, Португалия, Румыния, Финляндия, Франция, Чехия, Швеция, Эстония.

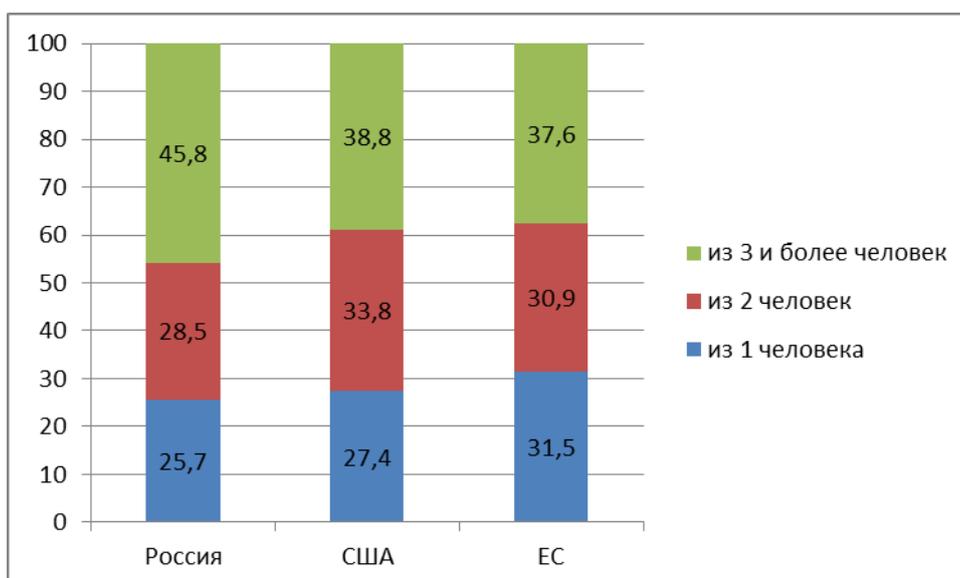

Рисунок 7 - Распределение домохозяйств по количеству членов в России, США, ЕС-27, %

Источник: Eurostat (Census-2011), U.S. Census Bureau-2010, Всероссийская перепись населения-2010

Как видно по рисунку 8, средний размер семьи (домохозяйства) с 1959 по 2010 год неуклонно снижался. Сравнить средний размер семьи, учитываемой в советских переписях, и средний размер домохозяйства, выступавшего единицей учёта с 1994 года, в строгом смысле не представляется возможным, так как при расчёте среднего размера семьи не учитывались одиночки. Этим объясняется существенное снижение данного показателя в 1994 году по сравнению с 1989.

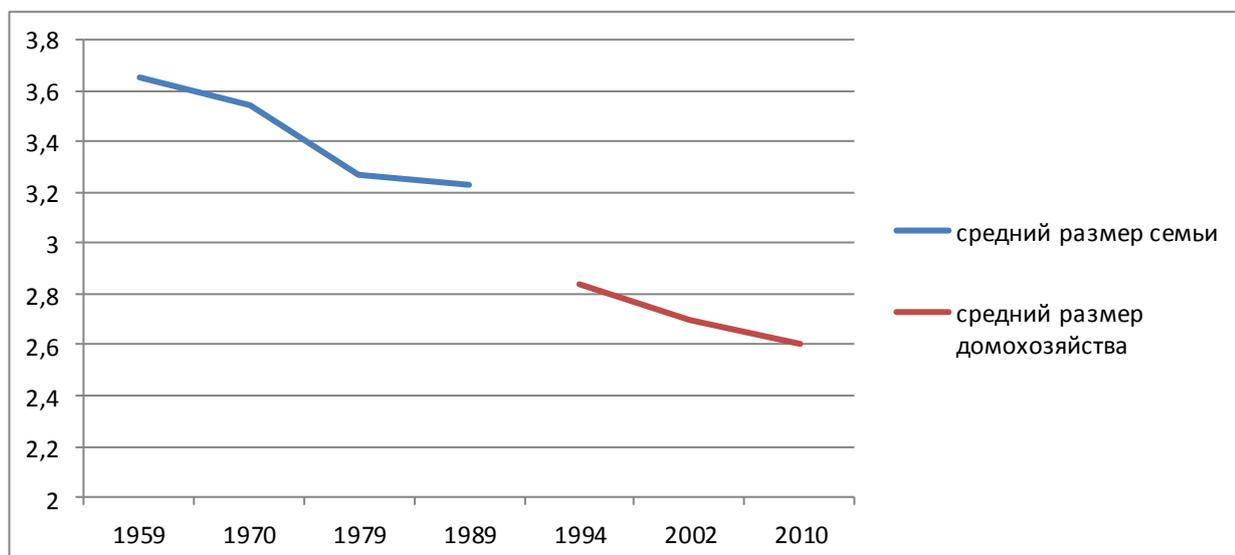

Рисунок 8 – Средний размер семьи (домохозяйства) в России за 1970-2010 гг.

Примечание – до 1994 г. приводятся данные по семье, одиночки не учитываются, с 1994 г. – данные по домохозяйству

За период между последними переписями населения (2002 и 2010 гг.) средний размер домохозяйства продолжил снижаться при увеличении общего числа домохозяйств. Как следует из таблицы 5, увеличение числа домохозяйств (на 3,5 п.п.) и снижение их среднего размера в период с 2002 по 2010 годы произошло за счёт роста числа домохозяйств, состоящих из 1-го (рост на 19,4%) и 2-х (рост на 7,1%) человек. В целом, более половины зафиксированных в 2010 году домохозяйств состоят из 1-го или 2-х человек. При этом основной компонентой роста числа домохозяйств в целом по стране послужил рост городских домохозяйств (рост на 5,1%), в то время как в сельской местности число домохозяйств снизилось на 1,1%. Кроме того, в сельской местности средний размер домохозяйств на момент переписи 2010 года остался на уровне 2002 года (2,8 человека), а в городе произошло заметное снижение среднего размера домохозяйства с 2,7 до 2,5 человек [Всероссийская перепись населения 2002 г., 2010 г. // www.gks.ru].

Уменьшение среднего размера домохозяйства происходит за счёт того, что:

- уменьшается число детей в семье (с 2002 по 2010 год доля домохозяйств, имеющих в своём составе детей моложе 18 лет сократилась с 21,2% до 17,9% [Всероссийская перепись населения 2002 г., 2010 г. // www.gks.ru]), что может быть обусловлено низкой рождаемостью и ускорением процесса выделения детей из семьи;

- дети, отделяясь от родительской семьи, откладывают рождение собственных детей и продолжительное время живут одиноко или с супругом/партнёром (для супругов, родивших первого ребёнка в 1990-1994 г. протогенетический интервал составлял 9,2 месяца; для супругов, родивших первого ребёнка в 2010-2012 гг. – 17,8 месяцев [Выборочное обследование репродуктивных планов населения-2012 // gks.ru]);

- происходит упрощение структуры домохозяйств, которое ограничивается в основном жилищными трудностями;

- в результате существенного разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин происходит увеличение числа одиноких пожилых женщин.

Таблица 5 - Распределение российских семей по составу по данным переписей 2002 и 2010 г.*

	Число домохозяйств, Миллионов		2010 г. в % к 2002 г.	В % к итогу	
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.
Всего домохозяйств: в том числе домохозяйства, состоящие	52,7	54,6	103,5	100	100
из 1 человека	11,8	14,0	119,4	22,3	25,7
из 2 человек	14,5	15,6	107,1	27,6	28,5
из 3 человек	12,5	12,3	98,0	23,8	22,5
из 4 человек	9,0	7,9	88,4	17,0	14,5
из 5 человек	3,0	2,9	96,1	5,7	5,4

из 6 и более человек	1,9	1,9	97,4	3,6	3,4
Средний размер домохозяйства, Человек	2,7	2,6	X	X	X ⁴

Анализ среднего размера домохозяйств даёт нам самое общее представление о характеристиках домохозяйств. Так, снижение среднего размера домохозяйств может происходить под влиянием противоречивых тенденций – например, рост доли неполных семей уменьшает средний размер семьи, а рост доли сложных его увеличивает. Поэтому для более полного представления о картине российских домохозяйств необходимо рассмотреть их демографическую структуру и состав.

Демографическая структура российских домохозяйств

Согласно последней переписи населения (2010 г.) структура российских домохозяйств выглядит следующим образом: наиболее распространённым типом домохозяйства являются супруги с детьми (34,9%), далее идут одиночки (25,7%), супруги без детей (16,6%), неполные семьи (15,6%) и прочие домохозяйства (Рисунок 9). К прочим домохозяйствам предположительно относятся домохозяйства братьев и сестер (без родителей), тётя/дядя с племянниками, бабушка/дедушка с внуками. Семейные домохозяйства могут быть как простыми, так и сложными. Так, подавляющее большинство (92%) супружеских пар без детей живут в составе простых домохозяйств, в то же время значительная часть (33%) супругов с детьми живут в составе сложных домохозяйств. Довольно часто (26%) в составе сложных домохозяйств живут неполные семьи.

*www.gks.ru

За межпереписной период больше всего увеличилась доля одиночек (на 3,4 п.п.). И хотя больше половины домохозяйств одиночек представлены лицами старше трудоспособного возраста (54%), основной компонентой роста домохозяйств одиночек между двумя последними переписями выступали домохозяйства одиночек трудоспособного возраста. Также заметный прирост был характерен для прочих домохозяйств (на 2,1 п.п.). Несколько возросла доля домохозяйств, состоящих из супругов без детей (на 0,5 п.п.). Наиболее существенное сокращение характерно для домохозяйств супругов с детьми (на 4,8 п.п.), причём основной компонентой сокращения выступили домохозяйства с детьми до 18 лет. Несколько сократилась доля домохозяйств, состоящих из неполных семей (приложение 1).

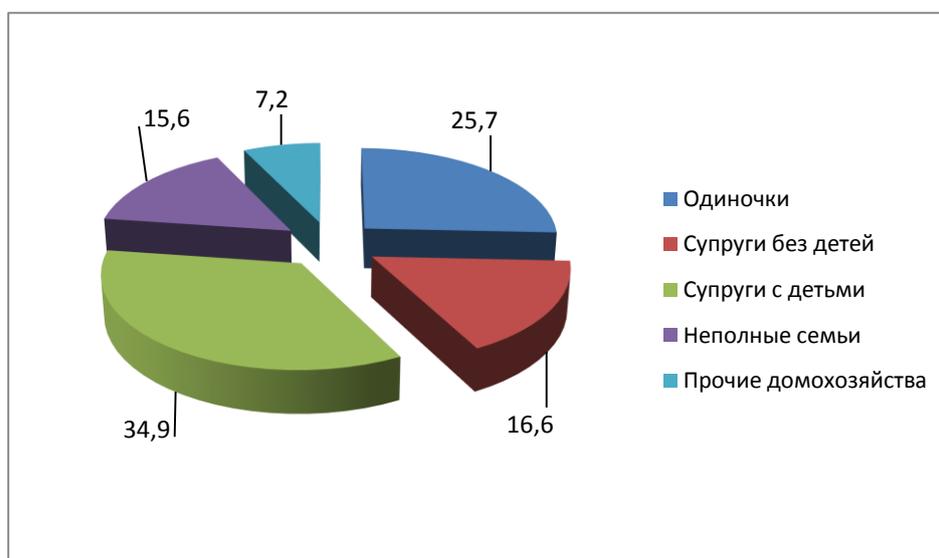

Рисунок 9 – Структура российских домохозяйств, 2010 г.

Источник: расчёты автора на основе данных всероссийской переписи населения 2010 г.

Наблюдаются некоторые различия в структуре домохозяйств между селом и городом. На момент переписи 2010 года в городе по сравнению с селом супружеские пары как с детьми, так и без детей были распространены меньше. В то же время в отличие от села в структуру городских домохозяйств более весомый вклад вносят домохозяйства одиночек, неполные семьи и прочие домохозяйства. При этом если в селе домохозяйства одиночек на 64% состоят из лиц старше трудоспособного

возраста, то в городе пенсионеры составляют только 51% домохозяйств одиночек.

В изменении структуры сельских и городских домохозяйств есть как сходства, так и различия. И в городе, и в селе растёт доля домохозяйств одиночек, сокращается доля домохозяйств с детьми, растёт доля прочих. В то же время в городе в отличие от села растёт доля домохозяйств, состоящих из супругов без детей. Кроме того за межпереписной период в городе было отмечено некоторое снижение доли неполных семей, в то время как в селе данный показатель хоть и не существенно, но возрос (Приложение 2).

Для исследования состава семей важное значение имеет распределение членов домохозяйств различного типа по возрасту и полу. Возрастно-половой состав домохозяйства даёт представление об этапе жизненного цикла его членов, и, соответственно, о том, какую потенциальную роль данное домохозяйство может играть в системе частных межпоколенных трансфертов. Домохозяйства разного демографического типа имеют существенно разную возрастно-половую структуру (Приложение 3). Проанализируем подробнее половозрастной состав домохозяйств различного типа.

Наиболее существенный вклад в формирование домохозяйств одиночек вносят лица в возрасте старше 65 лет, преимущественно женщины. В рамках данного типа домохозяйства наиболее многочисленная возрастная группа, намного превышающая по своим масштабам все остальные возрастные группы, - 70 лет и старше. При переходе от одной возрастной группы к другой меняется и соотношение полов в составе данного типа домохозяйства. В домохозяйствах одиночек молодых трудоспособных возрастов - от 25 до 49 лет – преобладают мужчины. Но, начиная с возрастной группы 50-54 лет, число женщин начинает превышать число мужчин, и в возрастной группе 70+ число женщин одиночек превышает число мужчин одиночек в 2 раза.

Домохозяйства супругов без детей чаще всего представлены зрелыми и пожилыми мужчинами и женщинами. Начиная с возраста 45-49 лет, когда

наступает период выделения взрослых детей из родительской семьи, увеличивается число лиц в составе данного типа домохозяйств. Исключение представляют лица в возрасте 65-69 лет – это малочисленное поколение родившихся в период Великой отечественной войны. Наиболее многочисленной категорией в составе домохозяйств данного типа являются мужчины и женщины в возрасте 70 лет и старше. Среди молодых возрастов в составе данного типа домохозяйства наиболее часто встречаются лица в возрасте 25-29 лет – возраст, когда молодые люди уже вступили в брак, но ещё не успели обзавестись детьми. Вклад последующих возрастных групп в формирование данного типа домохозяйства начинает убывать, и вклад возрастной группы 35-39 лет является минимальным (за исключением лиц до 20 лет). Если до 25 лет число женщин в составе домохозяйств супругов превышает число мужчин, то, начиная с 25 лет, наблюдается обратная ситуация – число мужчин превышает число женщин. Данная особенность наблюдается вплоть до возраста 40 лет, и в возрастной группе 60 лет и старше число мужчин вновь превышает число женщин.

Наиболее многочисленной возрастной группой в составе домохозяйств с несовершеннолетними детьми являются дети. Среди поколения родителей в составе данного типа домохозяйств наиболее многочисленны женщины в возрасте 30-34 года и мужчины в возрасте 35-39 лет. До 30-34 лет у женщин и 35-39 лет у мужчин вклад предыдущих возрастных групп в формирование данного типа домохозяйства возрастает, а после начинает убывать.

В составе домохозяйств, состоящих из неполных семей, также как и в составе домохозяйств из супружеской пары с детьми, наиболее многочисленной категорией являются дети. Особенностью данного типа домохозяйств является существенный перекоп в сторону женщин, что объясняется тем, что домохозяйства неполных семей намного чаще состоит из одиноких матерей с детьми, чем из одиноких отцов с детьми. Во всех возрастных группах, за исключением детских возрастов, число женщин существенно превышает число мужчин. Наиболее сильный гендерный

дисбаланс наблюдается в возрасте 35-39 лет, число женщин в этой возрастной группе превышает число мужчин в 10,6 раз.

В сложных домохозяйствах наиболее многочисленной возрастной группой являются дети и женщины в возрасте от 70 лет и старше, самой малочисленной – лица в возрасте 64-69 лет (поколение, рождённое в период Великой отечественной войны) и 60-64 лет. За исключением детских возрастов во всех возрастных группах отмечается гендерный дисбаланс – число женщин превышает число мужчин. Данная диспропорция наиболее ярко выражена в возрастной группе «70+», что обусловлено более долгой продолжительностью жизни женщин. Таким образом, если не считать детские возраста, где преобладают лица мужского пола в связи с закономерностями вторичного соотношения полов, в сложных домохозяйствах чаще живут женщины. Это может быть связано с тем, что в составе сложных домохозяйств могут часто встречаться матери одиночки с детьми, проживающих вместе с другими родственниками, а также тем, что среди представителей старшего поколения в сложных семьях чаще встречаются бабушки, чем дедушки в связи с относительно более низкой продолжительностью жизни мужчин.

В рамках прочих домохозяйств в качестве наиболее масштабных выделяются возрастные группы «до 20 лет» и «70+». Вероятнее всего эти наиболее многочисленные категории обеспечиваются за счёт домохозяйств прародителей и внуков, а также других типов домохозяйств, включающих детей и пожилых людей. В возрастных группах до 25 лет и после 45 лет число женщин превышает число мужчин. Самая малочисленная группа в рамках данного типа домохозяйства – 65-69 лет, а также 40-44 лет.

Представление о домохозяйствах различного демографического типа может быть дополнено пониманием основных источников доходов, типичных для домохозяйств различной демографической структуры (Таблица 6). Как и ожидалось, исходя из половозрастного состава домохозяйств одиночек, наиболее типичным источником дохода для данного

типа домохозяйств является пенсия (кроме пенсии по инвалидности). На втором месте для одиночек, хоть и с большим отрывом, находится трудовая деятельность. Среди домохозяйств, состоящих из супружеской пары без детей, в качестве основного источника средств к существованию практически в равной степени распространена пенсия (кроме пенсии по инвалидности) и трудовая деятельность. Примечательно, что для супружеской пары с детьми до 18 лет наиболее распространённым источником дохода, даже несколько более популярным, чем трудовая деятельность, выступает «иждивение, помощь других лиц, алименты». В данную категорию доходов можно отнести и средства, полученные посредством частных межпоколенных обменов. Иждивение, помощь других и алименты в качестве основного источника средств к существованию указали 54,4% неполных семей, трудовую деятельность – 36,8% соответственно. Среди сложных домохозяйств наиболее распространённым источником дохода является трудовая деятельность (45,5%), на втором месте – иждивение, помощь других лиц, алименты (28,9%). Для прочих домохозяйств чаще всего основным источником дохода является трудовая деятельность (47,3%) и пенсия (кроме пенсии по инвалидности) (23,2%), однако «иждивение, помощь других лиц, алименты» также распространены (21,9%).

Таблица 6 – Распределение домохозяйств различных типов по основному источнику средств к существованию, 2010 г., %

Основной источник средств к существованию	Тип домохозяйства					
	Одиночки	Супруги без детей	Супруги с детьми до 18 лет	Неполные семьи с детьми до 18 лет	Сложные домохозяйства	Прочие домохозяйства
Трудовая деятельность	35,8	44,5	44,8	36,8	45,5	47,3
Личное подсобное	0,9	1,5	1,9	0,9	1,7	1,2

хозяйство						
Стипендия	0,5	0,1	0,3	0,4	0,3	0,7
Пенсия (кроме пенсии по инвалидности)	50,2	45,0	0,7	2,6	18,3	23,2
Пенсия по инвалидности	3,9	3,5	0,9	1,1	2,6	3,1
Пособие (кроме пособия по безработице)	0,1	0,1	2,4	2,7	1,7	1,2
Пособие по безработице	0,6	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7
Другой вид государственного обеспечения	0,1	0,0	0,1	0,2	0,1	0,3
Сбережения, дивиденды, проценты	0,4	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3
Сдача внаем или в аренду имущества, доход от патентов, авторских прав	0,1	0	0	0	0,0	0,1
Иждивение, помощь других лиц, алименты	7,2	4,4	48,1	54,4	28,9	21,9
Иной источник	0,1	0	0	0	0	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: перепись, 2010 г.

Проанализируем более подробно выделяемые нами типы домохозяйств, разделив их условно на семейные и несемейные домохозяйства.

Несемейная форма домохозяйств представлена *домохозяйствами одиночек*. Домохозяйства одиночек обращают на себя особое внимание с точки зрения частных обменов, так как их члены являются наиболее изолированными, лишёнными той поддержки, которую получают члены семейных домохозяйств внутри самого домохозяйства.

В России доля домохозяйств одиночек находится примерно на том же уровне, что в США (в 2010 году в России – 25,7%, в США - 26,7%, В Европе - 30,9% от общего числа домохозяйств). При этом в США соотношение полов среди одиночек ближе к нормальному: в США доля одиноко проживающих мужчин в 2010 году составила 45% от общего числа одиночек, в России –

35% соответственно. Заметны различия в распределении одиночек по половозрастным группам. Во всех выделяемых возрастных группах доля мужчин-одиночек в США выше, чем в России. Особенно существенное различие наблюдается среди мужчин в трудоспособном возрасте. Доля женщин в первых двух возрастных группах (15-64 лет и 65-74 лет) в России выше, чем в США, однако для старших возрастов (75+) доли равны (Рисунок 10).

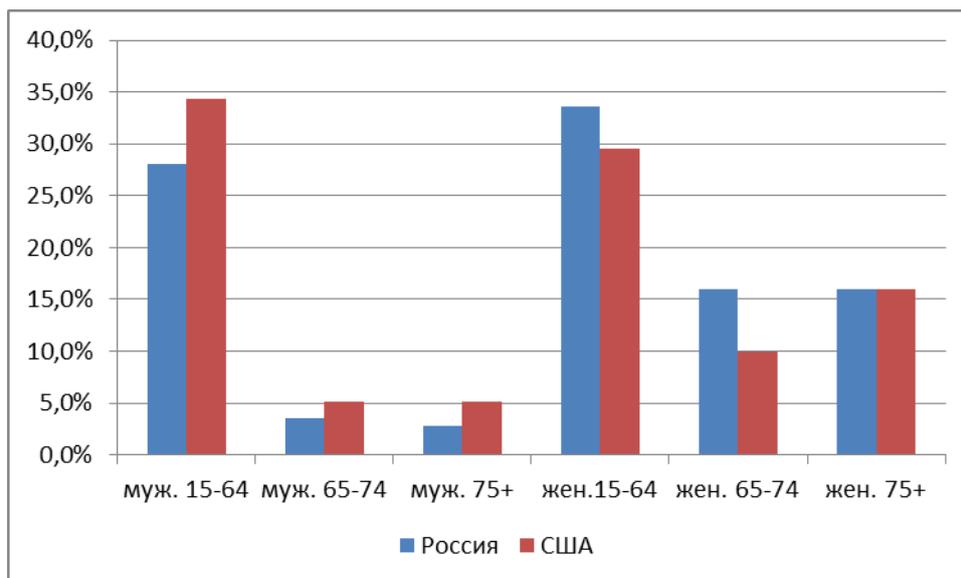

Рисунок 10 – Половозрастное распределение домохозяйств одиночек в России и в США, 2010 г.

Источник: Всероссийская перепись населения 2010 г., Census Bureau, 2010 г.

Для того чтобы выяснить, чем обусловлена существенная распространённость домохозяйств одиночек в России – преходящими особенностями демографического развития или это является закономерным явлением в эволюции демографической структуры домохозяйств – необходимо проанализировать данную категорию домохозяйств в динамике.

Изменение доли одиноко проживающих лиц, образующих отдельное домохозяйство, в России можно рассматривать лишь начиная с микропереписи 1994 года. В переписях населения, начиная с 1939 года, лица, проживающие вне семьи, подразделялись на две категории – на одиночек и на лиц, проживающих отдельно от семьи, но имеющих регулярную

материальную связь с родственниками. При этом невозможно было разделить тех, кто проживает одиноко, образуя самостоятельное домохозяйство, и тех, кто живет на государственном обеспечении в составе институциональных домохозяйств (в тюрьмах, казармах, домах для престарелых и т.д.) [Волков, 1996]. Ввиду этого сопоставлять данные по одиночкам до 1994 года и после можно лишь условно. Как видно по Рисунок 11, доля одиноко проживающих лиц на протяжении всего рассматриваемого периода имела тенденцию к росту. Резкий спад доли одиночек в период между 1989 и 1994 годами обусловлен изменением в методологии учёта, о чём говорилось ранее (Рисунок 11).

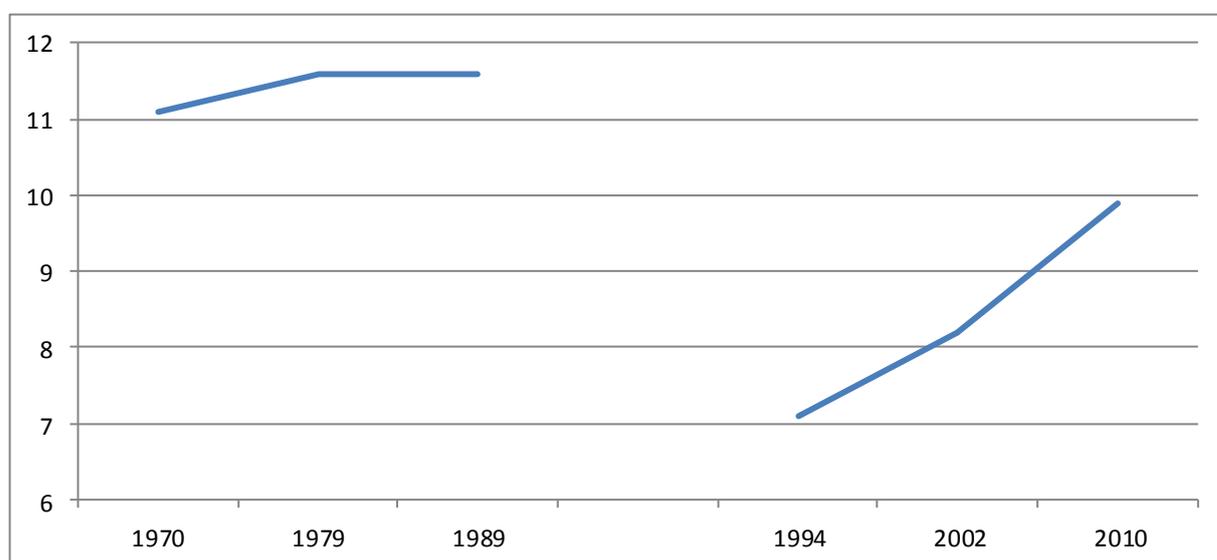

Рисунок 11 – Доля одиночек в общей численности населения, %

Источник: Переписи населения 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг. и микроперепись 1994 года

Таким образом, рост доли одиночек является долговременной тенденцией. При этом тенденция к росту домохозяйств одиночек не является исключительной чертой российского населения. В Европейских странах (EU-27) домохозяйства одиночек распространены больше, чем в России (как уже отмечалось ранее, в 2010 году доля одиночек в общей численности домохозяйств составила 30,9% по сравнению с 25,7% в России), и их доля растёт – с 2007 года по 2013 доля домохозяйств одиночек в общей численности домохозяйств увеличилась с 30 до 31,5%. При этом в Европе

домохозяйства одиночек чаще, чем в России, представлены пожилыми людьми (65+): в России в 2010 году доля лиц в возрасте 65 лет и старше в общей численности одиночек составила 38,4%, в Европе (EU-27) – 42,1% [Eurostat; Всероссийская перепись населения 2010]. В США с 1950 года число домохозяйств одиночек возросло практически в три раза.

Проанализируем подробнее изменение домохозяйств одиночек за период между 1994 и 2010 годами. За данный промежуток времени доля одиноко проживающих лиц в общей численности населения возросла с 7,1% до 9,9%. При этом в городе доля одиночек заметно выше, чем в селе – 10,4% и 8,7% от общей численности населения соответственно. Больше половины домохозяйств одиночек (54,2%) состоят из лиц старше трудоспособного возраста, подавляющее большинство из которых (83,3%) – женщины. В то же время домохозяйства одиночек трудоспособного возраста в большей степени (56%) состоят из мужчин. С 1994 года по 2010 год в составе домохозяйств одиночек заметно (на 10 п.п.) выросла доля лиц в трудоспособном возрасте, а доля лиц старше трудоспособного соответственно сократилась. При этом возросла доля мужчин (с 29% до 35%) в общей численности домохозяйств одиночек (Таблица 7). Проживание в одиночку более распространено среди пенсионеров, чем среди молодых: в 2010 году наибольшая доля проживающих в одиночку наблюдалась среди лиц старше трудоспособного возраста - 24,0%, в то время как среди трудоспособного населения этот показатель составляет лишь 7,2%. Однако тенденция к росту доли одиноко проживающих характерна как для лиц трудоспособного возраста, так и для пенсионеров – с 1994 по 2010 год рост доли одиночек в обеих возрастных группах составил около 3 п.п [Микроперепись 1994 г.; Всероссийская перепись населения 2010 г.].

Таблица 7 - Доля различных поло-возрастных групп в общей численности домохозяйств-одиночек, %

Пол	1994 год		2010 год	
	Трудоспособный возраст	Старше трудоспособного возраста	Трудоспособный возраст	Старше трудоспособного Возраста
Мужчины	20,4	8,1	25,4	9,0
Женщины	15,3	56,2	20,4	45,2
Итого	35,7	64,3	45,8	54,2

Существует несколько причин, которые обуславливают рост числа домохозяйств одиночек. Например, Дж. Ритцер [Ritzer, 2013] предлагал следующие объяснения данного явления. Во-первых, в результате роста продолжительности жизни растёт вероятность оказаться в одиночестве. Во-вторых, в связи с ростом уровня экономического благосостояния для большего числа людей стало возможным самостоятельно покрывать большие расходы, связанные с проживанием в одиночку, по сравнению с меньшими расходами совместного проживания. В-третьих, увеличения числа одиночек согласуется с тенденцией роста индивидуализма, характерной для большинства развитых стран мира. В-четвёртых, растёт общественный статус женщин, их уровень образования, уровень их зарплат, что связано с тем, что женщины становятся более независимыми – они всё чаще откладывают вступление в брак на более старшие возраста, отделяются или разводятся. В-пятых, революция в сфере коммуникаций позволила людям общаться с родственниками и друзьями, находясь при этом в одиночестве в собственном доме. Кроме этого, массовая урбанизация сделала активную социальную жизнь города доступной для многих людей.

С одной стороны, некоторые исследователи [Klinenberg's, 2012, p.17-18] считают, что, если раньше проживание в одиночку могло рассматриваться как проблема, то сейчас всё возрастающее число людей сами предпочитают жить отдельно. Это позволяет людям добиваться «индивидуальной свободы, личного контроля и самореализации... Это позволяет нам делать то, что мы хотим, когда мы хотим и на наших

собственных условиях». При этом одиночки могут быть более социально активными, чем те, кто живёт с кем-то. Однако с другой стороны, домохозяйства одиноких являются более уязвимыми по сравнению с другими типами домохозяйств, они чаще нуждаются в поддержке извне. Это особенно справедливо для одиноко проживающих пожилых людей, которые с возрастом начинают испытывать проблемы со здоровьем и нуждаются в поддержке.

Наиболее распространённым типом домохозяйства является *семейное домохозяйство*, под которым мы понимаем жилищную единицу, включающую нескольких человек, занимающих данную площадь, которые связаны кровным родством, свойством, узами брака или усыновлением.

Одним из важнейших аспектов анализа домохозяйств в целом и семейных домохозяйств в частности является динамический анализ трансформации их структуры. Однако проведение динамического анализа связано с рядом трудностей, обусловленных проблемой сопоставимости данных в связи с изменением методологии учёта при проведении переписей населения. В советских переписях до 1994 года единицей учёта была семья, начиная с микропереписи 1994 года - домохозяйство. В связи с этим данные микропереписи 1994 года и последующих всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. стали более сопоставимыми с данными переписей, проводимых в других странах, но при этом в значительной степени утратили сопоставимость с данными предыдущих отечественных переписей. В советских переписях под семьёй традиционно понималась «совокупность лиц, проживающих совместно, связанных родством, свойством и общим бюджетом» [Валентей, Кваша, 1989]. В соответствии с рекомендациями ООН, домохозяйство определяется как «лицо или группа лиц, объединённых с целью обеспечения всего, что необходимо для жизни», т.е. объединённых совместным ведением хозяйства. В отличие от семей домохозяйства могут включать не родственников и состоять из одного человека [Прокофьева Л., 2007]. В то же время семейные домохозяйства в российских переписях и

семьи в советских переписях практически не отличаются по своему содержанию, что позволяет нам сравнивать эти категории.

С 1970 по 2010 г. произошли следующие изменения в структуре семейных российских домохозяйств (семей) (Таблица 8):

- сократилась доля домохозяйств (семей), состоящих из супружеской пары с детьми и без детей;
- до 1989 года доля супружеских пар, проживающих в составе сложных домохозяйств, сокращалась, а в период с 1989 года по 1994 возросла и потом стабилизировалась на относительно высоком уровне;
- возросла доля неполных семей, в то числе доля неполных семей в составе сложных домохозяйств (семейных образований);
- существенно повысилась доля прочих домохозяйств (семей).

Таблица 8 – Изменение структуры семей (семейных домохозяйств) по демографическим типам в России за 1970-2010 гг., %

	1970	1979	1989	1994	2002	2010
Все семьи	100	100	100	100	100	100
в т.ч. состоящие из						
одной брачной пары с детьми и без детей	63,9	66,3	66,8	61,9	54,9	52,1
одной брачной пары с детьми и без детей с одним из родителей супругов (или без него), с другими родственниками (или без них)	14,9	12,8	11,5	12,9	13,6	13,9
двух и более брачных пар, с детьми и без детей, с одним из родителей супругов (или без него), с другими родственниками (или без них)	3,4	3,5	3,4	4,5	3,3	3,4
матери (отца) с детьми	12,6	12,7	13,2	13,0	15,3	15,4
матери (отца) с детьми с одним из родителей (или без него), с другими родственниками (или без них)	3,4	2,0	2,0	4,5	6,4	5,6
прочие семьи (домохозяйства)	1,8	2,7	3,1	4,2	6,6	9,7
Примечание – до 1994 года приводятся данные по семьям, с 1994 года по семейным домохозяйствам						

В ходе рассмотрения изменений в структуре домохозяйств мы сталкиваемся с проблемой ограниченной сопоставимости данных также ввиду изменения в особенностях учёта тех или иных типов домохозяйств. Например, до 1989 г. в состав неполных семей включались неполные

нуклеарные семьи (мать/отец с детьми) и неполные сложные (мать/отец с детьми и один из родителей и (или) других родственников одинокой матери или отца). В то же время есть такие типы неполных семей, которые можно отнести и к сложным. Здесь речь идёт о трёхпоколенных семьях. Например, одинокий родитель с детьми живёт с обоими своими родителями (с дедушкой и бабушкой ребёнка), или одинокая мать/ одинокий отец живёт с несколькими детьми, один из которых уже состоит в браке. До 1989 года эти семьи включались в число полных сложных семей, так как в их структуре присутствует супружеская пара. Однако в микропереписи 1994 года данный тип семей был отнесён к неполным, что отчасти объясняет рост доли неполных семей в 1994 году. Также происходили изменения в учёте «прочих домохозяйств» (семей). Так, рост «прочих домохозяйств» (семей) с 1989 по 1994 год был обусловлен тем, что к прочим впервые были отнесены домохозяйства, включающие неродственников. Все эти методологические особенности учёта необходимо учитывать при рассмотрении тенденций в структуре семейных домохозяйств (семей).

Проанализируем подробнее изменения, происходившие в структуре семейных домохозяйств между двумя последними переписями 2002 и 2010 г. За данный период в России наблюдается снижение доли семейных домохозяйств, о чём свидетельствует рост удельного веса домохозяйств одиночек и сокращение доли домохозяйств состоящих из нескольких человек (Таблица 5). При этом в составе самих семейных образований растёт доля супругов без детей, доля супругов с детьми сокращается (преимущественно за счёт снижения доли супругов с несовершеннолетними детьми), а также растёт доля неполных семей (Таблица 9).

Таблица 9 – Структура семейных ячеек в России, %

<i>Тип семейной ячейки</i>	<i>2002 г.</i>	<i>2010 г.</i>
<i>Всего семейных ячеек, в т.ч.:</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
<i>Супруги без детей</i>	<i>27,8</i>	<i>30,5</i>
<i>Супруги с детьми, в т.ч.:</i>	<i>46,4</i>	<i>42,2</i>

в возрасте <18	35,2	28,6
18 лет и +	11,1	13,5
<i>Неполные семьи, в т.ч.:</i>	25,9	27,3
в возрасте <18	15,2	13,9
18 лет и +	10,7	13,4
<i>Матери с детьми, в т.ч.:</i>	22,9	24,1
в возрасте <18	13,5	12,3
18 лет и +	9,3	11,8
<i>Отцы с детьми, в т.ч.:</i>	3,0	3,3
в возрасте <18	1,6	1,6
18 лет и +	1,4	1,7

Источник: перепись 2002 г., 2010 г.

Помимо того, что сокращается доля самих семейных домохозяйств, снижается доля домохозяйств, имеющих в своём составе детей до 18 лет (Таблица 10). С 2002 по 2010 гг. почти на 8% увеличилось число домохозяйств, не имеющих в своём составе детей до 18 лет. При этом в 2010 году среди домохозяйств с детьми домохозяйства, имеющие в своём составе несовершеннолетних детей, составили 61%, а домохозяйства с детьми старше 18 лет – 39%. Среди домохозяйств с детьми сокращается доля полных и неполных семейных домохозяйств и растёт доля прочих. Распределение домохозяйств с детьми до 18 лет по числу детей за межпереписной период практически не изменилось.

Таблица 10 – Распределение домохозяйств с детьми до 18 лет по типам

Тип домохозяйства	2002 год		2010 год	
	% от всех домохозяйств	% от всех домохозяйств в с детьми до 18 лет	% от всех домохозяйств	% от всех домохозяйств в с детьми до 18 лет
Супруги с детьми	30,0	74,6	23,8	72,7
Матери/отцы с детьми	9,3	23,2	6,9	21,1
Прочие домохозяйства с детьми до 18 лет	0,9	2,2	2,0	6,2
Все домохозяйства с детьми до 18 лет	40,2	100,0	32,8	100,0
в том числе				
с 1 ребенком	26,2	65,2	21,5	65,5
с 2 детьми	11,3	28,2	9,0	27,5
с 3 и более детьми	2,6	6,6	2,3	7,0

Снижение доли домохозяйств с несовершеннолетними детьми является общей тенденцией для Европейских стран. Так, в странах Европейского союза (EU-27) доля домохозяйств, не имеющих в своём составе несовершеннолетних детей, возросла с 66,8% в 2007 до 69,1% в 2013 году.

При анализе структуры семейных домохозяйств важным критерием является его сложность. К сложным мы относим те домохозяйства, которые в своём составе имеют больше одной семейной ячейки⁵. Важность данного критерия обусловлена тем, что совместное проживание создает экономию для членов домохозяйств, а также другие выгоды, такие как моральную поддержку, помощь услугами и т.д. Как отмечалось ранее, сам факт совместного проживания взрослых родственников рассматривается в качестве особого вида частных трансфертов [Lee Y., Parish W., Willis R., 1994]. С точки зрения участия в частных межпоколенных обменах проживание в сложных домохозяйствах скорее всего снижает включённость во внешние обмены. Якубович [1999, с. 260] отмечает, что большие семьи демонстрируют меньшую вероятность участия в неформальных обменах. Это может объясняться тем, что в сложных домохозяйствах обмены происходят внутри самого домохозяйства и потребность в помощи извне меньше. Например, если молодая супружеская пара с маленькими детьми проживает совместно с родителями, то очевидно, что помощь в уходе за детьми со стороны старшего поколения будет обеспечиваться внутри домохозяйства.

Процесс нуклеаризации семей в России устойчиво проходил в период между переписями 1970 и 1989 годов, а в 1990-е годы, когда совместное проживание выступало одной из форм адаптации к сложным социально-экономическим условиям, наблюдался процесс антинуклеаризации. Данные переписи 2010 года показывают значительное замедление процесса антинуклеаризации: доля полных домохозяйств с супружеской парой, живущей с

⁵ Семейная ячейка - это супружеская пара с детьми, или супружеская пара без детей, или мать с детьми, или отец с детьми. Семейная ячейка может составлять самостоятельное домохозяйство или входить в состав домохозяйства, где имеются другие родственники и (или) неродственники.

родственниками, выросла с 2002 года на 1 п.п., доля неполных сложных домохозяйств даже немного уменьшилась (Таблица 11) [Прокофьева, Миронова, 2014]. Согласно расчётам по данным переписи 2010 года, доля сложных многопоколенных домохозяйств в России составила 22,9% всех домохозяйств, включающих 2-х и более человек.

Таблица 11 - Распределение семейных домохозяйств России по демографическим типам, в %

Демографические типы семейных домохозяйств	Годы				
	1970	1979	1989	2002	2010
Все семьи в том числе:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Полные из них:	82,1	82,6	81,7	71,8	69,4
Простые	63,3	66,3	66,8	55,5	52,1
Сложные	18,8	16,3	14,9	16,3	17,3
Неполные из них:	16,0	14,7	15,2	21,7	21,0
Простые	12,5	12,7	13,2	15,3	15,4
Сложные	3,5	2,0	2,0	6,4	5,6
Прочие семьи	1,9	2,7	3,1	6,5	9,6

Источник: [Прокофьева, Миронова 2014]

Если за базу анализа взять совокупность семейных ячеек, то в целом доля семейных ячеек, живущих в сложных домохозяйствах, возросла с 31 до 33% (Таблица 12).

Таблица 12 - Степень нуклеаризации семей в России, в %.

Типы семейных ячеек	2002		2010	
	нуклеарные семьи	семейные ячейки в составе сложных домохозяйств	нуклеарные семьи	семейные ячейки в составе сложных домохозяйств
Супруги без детей	67,5	32,5	67,1	32,9
Супруги с детьми, в т.ч.:	76,0	24,0	74,6	25,4

в возрасте <18 лет*	75,7	24,3	74,4	25,6
18 лет и более	76,8	23,2	74,9	25,1
Матери/отцы с детьми, в т.ч.:	58,1	41,9	56,4	43,6
в возрасте <18 лет*	46,8	53,2	41,1	58,9
18 лет и более	74,0	26,0	72,2	27,8
Из числа неполных семей:				
Матери с детьми, в т.ч.:	59,1	40,9	57,0	43,0
в возрасте <18 лет*	48,0	52,0	41,9	58,1
18 лет и более	75,0	25,0	72,9	27,1
Отцы с детьми, в т.ч.:	50,5	49,5	51,6	48,4
в возрасте <18 лет*	36,7	63,3	34,9	65,1
18 лет и более	67,0	33,0	67,5	32,5
Все семейные ячейки	69,0	31,0	67,3	32,7

* В число детей до 18 лет не включаются лица до 18 лет, состоящие в браке и имеющие детей.

Источник: разработка данных переписей 2002 и 2010 гг. по семейным ячейкам.

Наиболее часто в составе сложных домохозяйств живут неполные семьи, особенно это касается отцов с несовершеннолетними детьми, 2/3 из которых живут с родственниками. Совместное проживание с родственниками (в первую очередь с родителями) позволяет отцам активно использовать помощь родственников в воспитании малолетних детей. Доля отцовских семей в общей численности семейных ячеек в 2002 году была не велика – 3%, а с малолетними детьми их еще меньше - 1,6%, но она растет, особенно среди семейных ячеек с детьми до 18 лет (в 2010 году – это, соответственно, 3,4% и 3,7%). Одинокие матери с малолетними детьми также в большинстве своем живут с родителями или другими родственниками, что позволяет им полагаться на помощь родственников в уходе за детьми, а также получать материальную поддержку. При этом в период между переписями 2002 и 2010

гг. с 52% до 58% увеличилась доля семейных ячеек, состоящих из матерей с несовершеннолетними детьми, входящих в состав сложных домохозяйств. Это может объясняться тем, что матери-одиночки в силу низкого дохода лишены возможности проживать отдельно, а также нуждаются в помощи в воспитании детей.

Однако совместное проживание с родственниками характерно не только для неполных семей, но и для супружеских пар. В составе сложных домохозяйств живет треть супружеских пар без детей и почти четверть супругов с детьми.

По степени распространённости сложных домохозяйств Россия близка к странам с традиционными фамилистическими ценностями, таким как, например, Грузия. Так по данным обследования GGS, в Грузии доля сложных домохозяйств составляет 50% домохозяйств, в России — 23%, в Литве — 10 % и только 5 % во Франции. В то же время домохозяйства, состоящие из одного человека, гораздо реже встречаются в Грузии (6 %), чем в России (17 %), Литве (22 %) и, особенно, во Франции (26 %) [Лефевр, Прокофьева, Корчагина и др., 2010, с.361].

Таким образом, к отличительным особенностям семейных домохозяйств в России по сравнению с другими странами относится сравнительно низкая доля супружеских пар без детей (в 2010 году в России – 16,6% от общего числа домохозяйств, в США – 28,8% соответственно, в Европе варьирует от 20% в Южной и Центральной Европе до 30% в немецкоязычных странах, Финляндии и Великобритании), высокая доля неполных (в 2010 году в США - 14,4%, в России – 15,6%, в Европе - 4%) и сложных семей (в США – 5% от общего числа семейных домохозяйств, в России - 22,9% всех домохозяйств, включающих 2-х и более человек, в странах Центральной Европы – 20-44%, в Южной Европе – 27-36%).

Взаимосвязь между возрастом индивида и типом домохозяйства, в котором он проживает

Изучение состава домохозяйств следует дополнить анализом распределения лиц разного возраста по типам домохозяйств. Такое распределение даёт представление о том, как в процессе изменения этапа жизненного цикла меняется и тип домохозяйства, в котором проживает индивид. Переход индивида от одного этапа жизненного цикла к другому, как правило, синхронизирован со сменой этапов жизненного цикла семьи и типа домохозяйства, в котором живёт индивид.

Принято выделять определённые стадии в жизненном цикле семьи:

- стадия роста: сначала индивид одинок, затем он вступает в брак и создаёт семью, через какое-то время появляются дети;
- стадия стабильности: от появления последнего ребёнка до выделения из семьи первого из детей;
- стадия зрелости: от выделения первого ребёнка до выделения последнего; если в семье один ребёнок, то этой стадии нет.
- стадия затухания: от выделения последнего ребёнка до смерти одного из супругов.

Конечно, выделение описанных этапов является условным, так как может происходить множество отклонений от данной модели – например, семье может не быть детей, может случиться развод и повторный брак и т.д. [Рощина, 2015].

Дети до 20 лет чаще всего проживают в составе домохозяйств супругов с детьми, а также в сложных домохозяйствах. В промежутке от 20 до 39 лет растёт доля тех, кто живёт в составе домохозяйств супругов с детьми, и сокращается доля лиц в составе домохозяйств супругов без детей, что обусловлено тем, что молодые люди, постепенно вступают в брак и обзаводятся детьми. Молодые люди от 20 до 24 лет, ещё не успев окончательно отделиться от родительской семьи, чаще лиц других возрастов живут в составе сложных домохозяйств. Также в этой возрастной группе

довольно распространено проживание в одиночку – это, скорее всего, молодые люди уехавшие учиться или работать. Начиная с 40 лет, - возраст родителей, когда дети начинают покидать родительский дом, а также возраст, когда начинает повышаться вероятность овдовения - увеличивается доля лиц, проживающих в домохозяйствах супругов без детей, доля одиноко проживающих, и сокращается доля лиц в составе супругов с детьми. В возрастной группе «70 лет и старше» большинство лиц проживает одиноко (Рисунок 12).

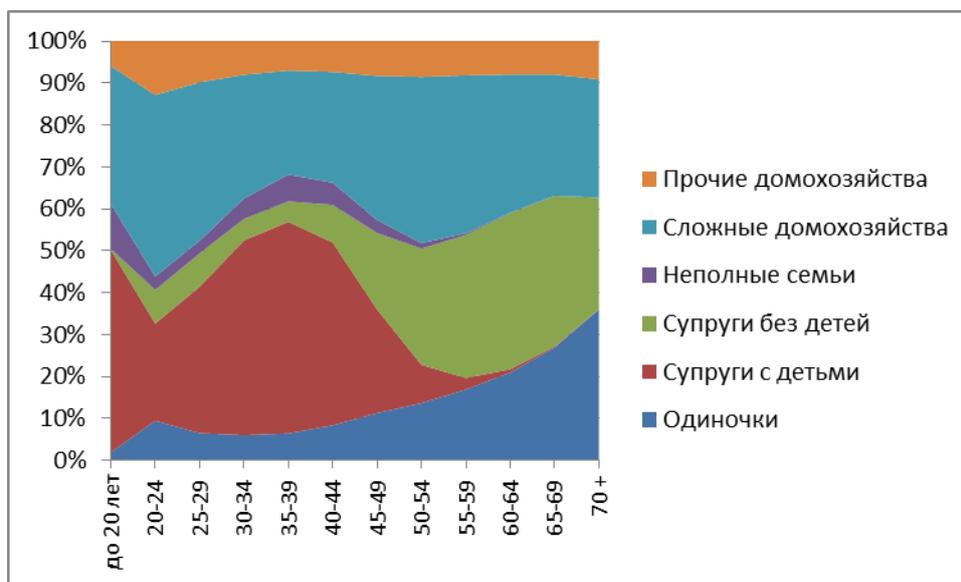

Рисунок 12 - Распределение лиц разного возраста по типам домохозяйств, %

Источник: перепись населения 2010 г.

Особого внимания заслуживают особенности распределения пожилых людей по типам домохозяйств. Домохозяйствам, состоящим только из пожилых людей, в первую очередь одиноко проживающих пожилых людей, необходимо рассмотреть более подробно, так как они попадают в ситуацию, когда обостряющиеся проблемы со здоровьем усиливают их потребность в посторонней помощи (особенно в инструментальной или функциональной поддержке), а одинокое проживание создаёт определённую изолированность. Поэтому распространённость домохозяйств пожилых одиночек может косвенно свидетельствовать о масштабах потенциально

уязвимой категории населения, для которой включённость в систему частных обменов особенно актуальна. При этом не исключено, что домохозяйства пожилых людей сами зачастую могут оказываться донорами частных трансфертов (данный вопрос будет рассмотрен позднее), однако сам факт участия в частных обменах для данной категории домохозяйств может рассматриваться как стремление избежать социальной изоляции.

Как показывают исследования [Овчарова, Прокофьева, 2000], домохозяйства одиноких пенсионеров относятся к одному из наименее защищённых слоев населения. Кроме того, зачастую одинокое проживание может быть вынужденным и объективно обусловленным. Так, в связи с демографическими изменениями, отражающимися на структуре семейной группы, обостряется нехватка родственников, в том числе родственников, живущих неподалёку. Это может привести к значительным личным и социальным проблемам, особенно на заключительных этапах жизни, когда появляются физические и умственные ограничения. Согласно некоторым прогнозам [De Santis, 2012], через 20-30 лет проблемы начнут усугубляться: обострится проблема бездетности, усиленная географической мобильностью, проблема снижения прочности семейных связей за счёт распространённости разводов и краткосрочных сожительств. В связи с этим проблема включенности пожилых в сеть частных межпоколенных трансфертов приобретает особую значимость.

В данном случае важно определиться с тем, кого относить к пожилым, ведь границы перехода к пенсионному возрасту не всегда являются удовлетворительным критерием наступления проблем, сопутствующих старости. Возрастные границы группы «пожилых» строго не определены. В большинстве развитых стран к пожилым людям относят лиц в возрасте 65 лет и старше [World Health Organization, 2015]. Чаще всего переход в группу пожилых ассоциируется с выходом на пенсию. Однако, возраст выхода на пенсию в России относительно низок, особенно у женщин, и не связан с обязательным прекращением трудовой деятельности и наступлением

проблем со здоровьем. В связи с этим выделение людей пожилого возраста как группы населения, которая нуждается в помощи и поддержке, заставляет искать границу резкого снижения занятости пенсионеров и наступления значительных проблем со здоровьем как условную линию перехода к группе пожилых. Здесь важно, прежде всего, учитывать возраст, в котором пенсионные выплаты начинают играть ключевую роль в материальном обеспечении индивида. Согласно расчётам по данным переписи 2010 года, в возрастной группе 45-50 лет, когда некоторые профессиональные категории граждан имеют право на досрочный выход на пенсию, доля тех, кто указывает пенсию по старости как основной источник, колеблется в пределах 10%, а к возрасту 65 лет этот показатель составляет уже 90%. В первые годы после выхода на пенсию большинство людей продолжают трудиться, поэтому в 55-59 лет у женщин и 60-64 года у мужчин доходы от трудовой деятельности ещё продолжают играть важную роль. Таким образом, возраст 65 лет для большинства пенсионеров является той границей, после которой резко снижается их материальная обеспеченность (Таблица 13).

Таблица 13 – Распределение пенсии и дохода от трудовой деятельности как основных источников средств существования по поло-возрастным группам, %

	Женщины				Мужчины			
	55-59	60-64	65-69	70+	55-59	60-64	65-69	70+
Доход от трудовой деятельность	42,5	23,5	10,8	2,0	63,7	34,5	18,6	5,3
Пенсия (кроме пенсии по инвалидности)	86,2	94,3	94,1	93,6	29,5	87,8	92,8	92,5

Источник: перепись населения 2010 г.

Кроме того, как следует из Таблица 2 (Субъективная оценка состояния здоровья и уровень образования по возрастным группам), которая будет упоминаться позже, именно к возрасту 65 лет существенно увеличивается доля тех, кто оценивает своё здоровье как плохое и в возрастной группе 65-69 уже составляет больше 20%.

По данным переписи населения 2010 года, пожилое население (лица в

возрасте 65 лет и старше) составляет 12,7% населения России, среди женщин эта доля равна 16,3%, а среди мужчин – 8,8%. В возрастной группе 65 лет и старше наблюдается сильный гендерный дисбаланс - мужчины составляют лишь примерно треть (31%) пожилых, что обусловлено различиями в уровне смертности мужчин и женщин. В России на каждые 100 женщин старше 65 лет приходится лишь 46 мужчин. Такое же низкое соотношение характерно и для других стран Восточной Европы [Mesle, Valli, 2002], отражая как высокую мужскую смертность во время Второй Мировой Войны, так и высокий уровень мужской смертности во взрослых возрастах. Связанный с этим феномен состоит в том, что в пожилых возрастах гораздо больше женщин, чем мужчин не состоит в браке (Рисунок 13). Таким образом, данная диспропорция способствует росту числа одиноких женщин, которые нуждаются в поддержке. Эта поддержка во многом и обеспечивается за счёт межпоколенных трансфертов.

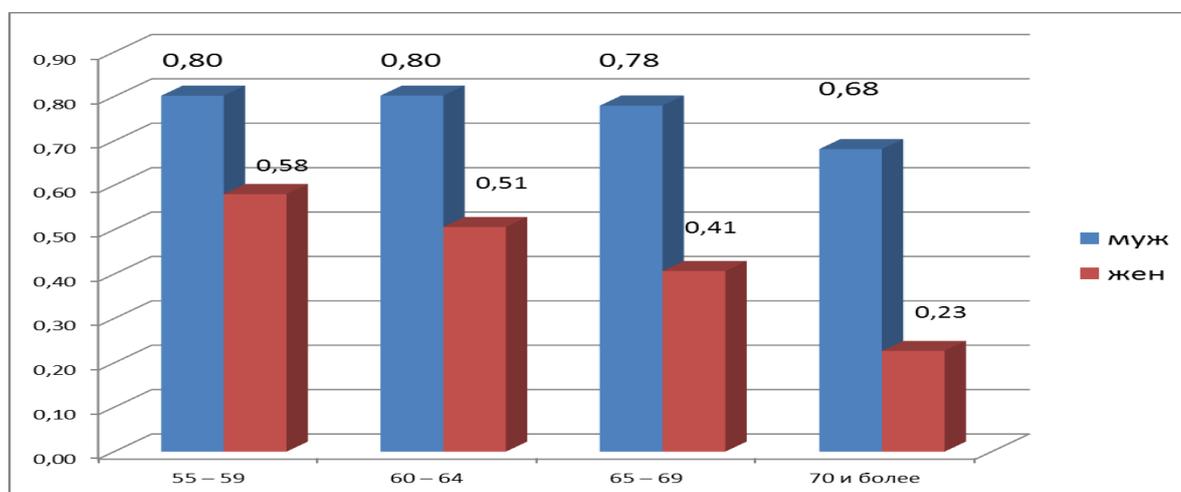

Рисунок 13 – Доля состоящих в браке в разных половозрастных группах

Источник: перепись 2010 г.

Помимо домохозяйств пожилых одиночек к особой группе с повышенным риском уязвимости можно отнести и супружеские пары пожилых. Так как они живут отдельно от родственников, их возможности получения поддержки также ограничены. Почти 60% пожилых в России

живут в домохозяйствах этих двух типов – домохозяйства одиночек и домохозяйства пожилых супругов, и эта доля практически не меняется с 1994 г. (Таблица 14). Вместе с тем, внутри этой группы выросла доля пожилых одиночек и уменьшился удельный вес супружеских пар, что обусловлено сверхсмертностью российских мужчин. Так в 2010 году почти треть населения в возрасте 65 лет и старше проживало одиноко. Также с 1994 по 2010 год снизилась доля пожилых в составе сложных домохозяйств и возросла доля пожилых в составе прочих домохозяйств. Доля пожилых в составе неполных семей почти не менялась.

Таблица 14 - Распределение пожилых людей (65+) по типам домохозяйств, Россия микроперепись 1994г., переписи 2002, 2010 гг., %

Тип домохозяйства	1994	2002	2010
Домохозяйства, состоящие из одного человека	25,5	26,1	29,7
Домохозяйства, состоящие из одной супружеской пары (простые)	33,8	32,8	29,6
Сложные домохозяйства	28,0	27,9	25,0
Неполные семьи (простые)	7,6	7,5	7,9
Прочие домохозяйства	5,1	5,7	7,7
Итого	100,0	100,0	100,0

По мере перехода к более старшим возрастам увеличивается доля тех, кто проживает одиноко. Данная закономерность справедлива как для мужчин, так и для женщин. Если у женщин наибольший темп прироста наблюдается при переходе от возрастной группы «60-64» к группе «65-69», то у мужчин наиболее активно доля одиночек растёт при переходе от возрастной группы «75-79» к группе «80+». Кроме того в целом доля одиноких женщин в любой возрастной категории на порядок выше, чем доля одиноких мужчин. Этот объясняется гендерными различиями в ожидаемой продолжительности жизни (Таблица 15).

Таблица 15 – Распределение домохозяйств одиночек по полу и возрасту, ВПН-2010

	Мужчины		Женщины	
	число домохозяйств одиночек	доля домохозяйств одиночек в общей численности лиц соотв. возраста	число домохозяйств одиночек	доля домохозяйств одиночек в общей численности лиц соотв. Возраста
Возрастная группа	домохозяйств	%	домохозяйств	%
60-64	364371	11,3	991308	21,7
65-69	188895	12,8	738139	29,5
70-74	313891	14,5	1495746	35,1
75-79	181375	17,1	983610	39,8
80+	216728	22,5	1259854	39,3

В сельской местности пожилые чаще живут отдельно от родственников (64% против 58% в городах), но зачастую это проживание в доступной близости от взрослых детей, живущих по соседству.

Таким образом, пожилые люди в России чаще всего проживают либо одиноко, либо вместе с супругом. При этом 76% лиц в возрасте 65 лет и старше имеют отдельно проживающих детей, с которыми вероятнее всего в той или иной форме поддерживают отношения [КОУЖ, 2011].

Обобщая результаты проведённого анализа особенностей демографической структуры и состава российских домохозяйств, следует отметить, что:

- снижается средний размер домохозяйства, хотя по сравнению с США и Европой в России доля домохозяйств из 3-х и более человек в общей совокупности домохозяйств всё ещё значительно выше.

- среди долговременных тенденций в изменении структуры российских домохозяйств (семей) можно отметить рост доли домохозяйств-одиночек, доли домохозяйств, состоящих из неполных семей, а также прочих

домохозяйств и сокращение доли домохозяйств, состоящих из супружеской пары с детьми и без детей.

– по данным переписи 2010 года наиболее распространённым типом домохозяйства в России являются супруги с детьми (34,9%), далее идут одиночки (25,7%), супруги без детей (16,6%), неполные семьи (15,6%) и прочие домохозяйства (7,2%).

– доля домохозяйств одиночек в России находится примерно на том же уровне, что и в США, но по сравнению с Европой в России этот показатель ниже. В России в одиночку проживают преимущественно женщины пожилого возраста (45,2%), однако с 1994 по 2010 гг. в составе домохозяйств одиночек заметно выросла доля лиц в трудоспособном возрасте, а доля лиц старше трудоспособного соответственно сократилась. В городе проживание в одиночку распространено больше, чем в селе, при этом среди городских одиночек чаще встречаются лица трудоспособного возраста.

– к отличительным особенностям семейных домохозяйств в России по сравнению с другими странами (в частности США и странами Европы) относится сравнительно низкая доля супружеских пар без детей, высокая доля неполных и сложных семейных домохозяйств.

– домохозяйства разного типа имеют свои особенности половозрастного состава. Среди *супругов без детей* преобладают лица старших возрастов (50 лет и старше), среди молодых супругов без детей наиболее многочисленной является возрастная группа 25-29 лет. Наиболее многочисленной возрастной группой в составе домохозяйств с несовершеннолетними детьми являются дети. Среди поколения родителей в составе домохозяйств *супружеских пар с несовершеннолетними детьми* наиболее многочисленны женщины в возрасте 30-34 года и мужчины в возрасте 35-39 лет. Особенностью домохозяйств, состоящих из *неполных семей*, является существенный перекоп в сторону женщин, наиболее сильный гендерный дисбаланс наблюдается в возрасте 35-39 лет. В *сложных*

домохозяйствах самой многочисленной возрастной группой являются дети и женщины в возрасте от 70 лет и старше, за исключением детских возрастов во всех возрастных группах число женщин превышает число мужчин. В рамках *прочих домохозяйств* в качестве наиболее масштабных выделяются возрастные группы «до 20 лет» и «70+». Вероятнее всего эти наиболее многочисленные категории обеспечиваются за счёт домохозяйств прародителей и внуков, а также других типов домохозяйств, включающих детей и пожилых людей.

– демографический состав домохозяйства определяет картину источников его дохода. С точки зрения целей нашего исследования особого внимания заслуживает такой источник средств к существованию как «иждивение, помощь других лиц, алименты», куда можно отнести и средства, полученные посредством частных межпоколенных обменов. Данный тип источника дохода является наиболее распространённым по сравнению с другими источниками для домохозяйств, состоящих из *супружеской пары с несовершеннолетними детьми* (48,1% домохозяйств) и для *неполных семей* (54,4% домохозяйств). Наиболее типичным источником дохода для домохозяйств *одиночек* является пенсия (кроме пенсии по инвалидности). Среди домохозяйств, состоящих из *супружеской пары без детей*, в качестве основного источника средств к существованию практически в равной степени распространена пенсия (кроме пенсии по инвалидности) и трудовая деятельность. Среди *сложных домохозяйств* наиболее распространённым источником дохода является трудовая деятельность (45,5%), на втором месте – иждивение, помощь других лиц, алименты (28,9%). Для *прочих домохозяйств* чаще всего основным источником дохода является трудовая деятельность (47,3%) и пенсия (кроме пенсии по инвалидности) (23,2%), однако «иждивение, помощь других лиц, алименты» также распространены (21,9%).

– по мере перехода индивида от одного этапа жизненного цикла к другому зачастую меняется тип домохозяйства, в котором он проживает. Начиная с возрастной группы «20-24» и до «35-39» лет молодые люди чаще всего живут в сложных домохозяйствах и домохозяйствах супругов с детьми, при этом при переходе к более старшим группам увеличивается доля лиц в составе домохозяйств супругов с детьми и неполных семей, и сокращается доля лиц в составе сложных домохозяйств. При переходе от возрастной группы «40-44» года к более старшим постепенно сокращается доля лиц в составе супругов с детьми и неполных семей и растёт доля лиц в составе супругов без детей и доля одиночек. Почти 60% пожилых людей (65 лет и старше) в России живут отдельно от других родственников – в составе домохозяйств одиночек и домохозяйств пожилых супругов.

Поддерживают ли живущие в разных домохозяйствах родственники между собой тесные связи и помогают ли друг другу, или территориальное обособление обрывает родственные связи? Каковы стратегии участия домохозяйств разного типа в частных трансфертах? Для ответа на этот вопрос проанализируем особенности трансфертного поведения российских домохозяйств.

Глава 3 Стратегии участия домохозяйств разного демографического типа в системе частных межпоколенных трансфертов

3.1 Методы анализа и источники статистических данных о частных межпоколенных трансфертах

Методы анализа частных межпоколенных трансфертов

В целом все методы, используемые при анализе феномена частных межпоколенных трансфертов, можно условно разделить на количественные и качественные. Каждый из этих методов имеет свои преимущества и недостатки при исследовании системы частных межпоколенных трансфертов.

Количественные методы позволяют получить строгие оценки масштаба системы частных трансфертов, вклада частных трансфертов в формирование бюджета, изменения частных потоков во времени и т.д. В то же время количественные методы не дают возможности контекстной интерпретации результатов – каждый рубль материальной или час инструментальной поддержки имеет свои «поправочные коэффициенты для участников обмена». Так, внешне неэквивалентный обмен может быть абсолютно паритетным с точки зрения его участников [Барсукова, 2004]. Как показывают исследования [Bonsang, 2007], материальные и инструментальные трансферты зачастую выступают в роли субституты. Кроме того, количественные методы используются в основном для оценки материальных обменов, плохо освещая потоки других видов трансфертов.

В свою очередь качественные методы позволяют проанализировать контекст тех или иных оценок системы частных трансфертов. В то же время они не дают представление о масштабах феномена частных трансфертов, а также не позволяют выявить основные закономерности в распределении частных потоков.

В случае применения качественных методов данные собираются со сравнительно небольшой группы респондентов и не анализируются при помощи статистического инструментария. При использовании количественных методов наоборот исследуется большая группа людей, а данные в дальнейшем анализируются с помощью статистических методов. В связи с этим в случае с качественными методами, как правило, используются первичные данные, а в случае с количественными – вторичные. Использование вторичных данных для количественного анализа зачастую налагает дополнительные ограничения, так как информация может не соответствовать целям конкретного исследования, надежность данной информации не всегда высока, методология - не всегда корректна. В связи с этим возникает необходимость проанализировать имеющиеся источники количественных данных о частных трансфертах с точки зрения возможностей и ограничений.

Источники количественных данных за рубежом

«В основе многочисленных зарубежных исследований по проблематике частных трансфертов лежат данные выборочных обследований, которые содержат широкий круг вопросов, позволяющих проанализировать частные обмены в широком социально-экономическом контексте. Проблема частных межпоколенных обменов затрагивается в обследованиях, посвященных семейной проблематике, - National survey of families and households (США), Family resources survey (Великобритания); в бюджетных обследованиях домохозяйств - Living cost and food survey (Великобритания); в обследованиях, посвященных проблеме старения населения, - German aging survey (Германия), Survey of health, ageing and retirement in Europe (20 европейских стран и Израиль), Longitudinal aging study Amsterdam (Голландия), Philippine survey of the near elderly and elderly (Филиппины); в социально-экономических обследованиях широкого профиля

- American community survey (США) и т. д. В рамках данных обследований изучается широкий спектр социальных и экономических проблем, где вопросы о трансфертах представлены отдельным блоком» [Миронова, 2015].

«Специфика блока вопросов, касающихся частных обменов, определяется целями исследования, однако можно выделить общие вопросы, на которые обращают внимание при изучении частных трансфертов: помогает ли респондент (домохозяйство) своим родственникам, друзьям, знакомым; получает ли сам поддержку от родственников, друзей, знакомых; каковы масштабы получаемой и оказываемой материальной помощи; получает ли респондент трудовую поддержку, помощь в уходе за детьми, кто ухаживает за ним во время болезни; оказывает ли он трудовую поддержку своим родственникам или знакомым, а также другие вопросы. В некоторых исследованиях (German ageing survey) собирается информация о таком ключевом элементе частных трансфертов, как наследство. В рамках наследства перераспределяется значительная часть ресурсов. По данным German ageing survey, в 1996 г. в Германии около одной трети респондентов в возрасте от 40 до 85 лет получили наследство в размере не менее 12800 евро, одна шестая часть респондентов - не менее 51000 евро» [Миронова, 2015].

«Зарубежные обследования, затрагивающие вопросы частных межпоколенных трансфертов, разнятся по своей масштабности. Так одним из самых крупных обследований, включающих блок вопросов о частных трансфертах, является American community survey (США). American community survey представляет собой непрерывное статистическое наблюдения, организуемое Бюро переписей в США, в рамках которого ежегодно, начиная с 2000 года, собирается информация о социально-экономическом положении населения. С 1940 до 2000 года данная информация собиралась в рамках расширенной программы переписи. Размер выборки растёт из года в год, и в 2014 году в рамках обследования было учтено более 3,5 миллионов жилищных единиц. К вопросам, касающимся частных трансфертов, в данном обследовании относятся: «Имеет ли данный

индивид внуков моложе 18 лет, проживающих с ним вместе?», «Является ли он главным обеспечителем основных нужд внука (внучки), моложе 18 лет, проживающего вместе с ним?», «Как долго прародитель обеспечивает своего внука/внучку моложе 18 лет, проживающего вместе с ним?». Выборки других обследований не так велики. Например, German aging survey – обследование, в рамках которого собирается информация о людях «во второй половине жизни» (старше 40 лет) в Германии. Данное обследование проводится с 1996 года и по настоящее время. Панельные выборка, включающая наблюдения за все годы обследования (1996-2002-2008-2011-2014 гг.), состоит из 888 наблюдений, а кросс-секционные данные последней волны обследования за 2014 год содержат 6003 наблюдения» [Миронова, 2015].

Главую роль в сборе эмпирических данных по проблеме межпоколенных обменов во многих странах играют государственные органы. Финансирование статистических обследований обеспечивается за счет государственных средств: в Германии - Федеральным министерством по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодежи (The federal ministry for family affairs, senior citizens, women and youth); в Голландии - Министерством по здоровью, благосостоянию и спорту (Ministry of health, welfare and sports); в Филиппинах - Национальным статистическим координационным советом (National statistical coordination board). В некоторых случаях обследования, включающие вопросы о частных трансфертах, финансируются за счет специальных грантов для исследовательских центров. Например, обследование National survey of families and households в Америке проводится за счет средств Центра исследований народонаселения Национального института здоровья ребенка и развития человека (The center for population research of the national institute of child health and human development))» [Миронова, 2015].

«В России при проведении обследований государственными органами статистики сведения о частных трансфертах, которые выступают важным элементом жизнедеятельности российских домохозяйств в целом, и формирования их бюджетов в частности, в полной мере не учитываются. Среди имеющихся обследований Федеральной службы государственной статистики (Росстата) информацию о бюджетах домашних хозяйств содержат Национальное обследование бюджетов домашних хозяйств и участия в социальных программах (НОБУС) и Обследование бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ). Обследование бюджетов домашних хозяйств впервые было организовано в 1952 году на основании постановления Совета министров СССР «Об улучшении статистики бюджетов рабочих, служащих и колхозников». В свободном доступе данные доступны с 2003 года. На сегодняшний день обследование проводится во всех субъектах Российской Федерации и охватывает 47,8 тыс. домохозяйств. Обследование реализуется за счет ведения домохозяйствами записей о своих текущих расходах и опросе (интервьюировании) членов домохозяйства по окончании учетного периода обследования. По своему характеру ОБДХ является многоцелевым обследованием. Данное обследование служит важным источником информации о распределении населения России по уровню материального благосостояния, о структуре денежных доходов и расходов в различных типах домохозяйств, об условиях жизни и т. д. На основе собираемых данных формируются различные агрегированные показатели, которые в дальнейшем используются для составления счетов сектора домашних хозяйств в системе национальных счетов» [Миронова, 2015].

«В ОБДХ информация о частных трансфертах учитывается косвенно и фрагментарно. Например, среди ответов на вопрос анкеты «Если ребенок не посещает детское дошкольное образовательное учреждение, то кто осуществляет присмотр за ним?» один из вариантов ответов - «Родители,

старшие дети, родственники и другие лица без оплаты». Если присмотр за ребенком осуществляют, например, родственники, проживающие отдельно, то можно говорить о наличии инструментальных частных трансфертов. Однако предложенный вариант ответа является слишком общим и не позволяет зафиксировать донора частных трансфертов, а также выяснить, раздельно или совместно проживают донор и реципиент помощи.

Частично информацию о получении частных материальных трансфертов обеспечивают такие вопросы, как, например: «Кто в настоящее время платит за присмотр за ребенком?», где среди предложенных вариантов ответа есть «Спонсоры, родственники, не являющиеся членами Вашего домохозяйства, и др.». Однако здесь мы опять же ничего не знаем о доноре помощи, а также о ее размере.

В той части раздела о доходах домохозяйства, где выявляются основные источники доходов, частные трансферты попадают в категорию «иждивение у других лиц». При определении среднего размера ежемесячного денежного дохода домохозяйства частные трансферты подпадают под расплывчатую формулировку «другие регулярные поступления».

Наиболее удачным с точки зрения анализа роли частных трансфертов как важного элемента формирования бюджета домохозяйства являются вопросы: «Были ли в течение последних трех месяцев какие-либо поступления в домохозяйство за счет помощи или подарков от детей, родственников и других лиц?»; «Были ли в течение последних трех месяцев какие-либо поступления в домохозяйство за счет получения наследства?» «Если «да», то какова сумма, полученная деньгами?»» [Миронова, 2015].

«В разделе, посвященном расходам домохозяйства, затраты на помощь родственникам и знакомым не учитывались, в то время как для некоторых семей помощь своим родственникам (например, студентам, которые проживают отдельно от родителей), является существенной статьёй расходов» [Миронова, 2015].

«НОБУС проводилось одновременно в качестве дополнения к ОБДХ, чтобы повысить информационную обеспеченность по вопросам экономического положения отдельных лиц и домохозяйств в целом. Основной этап обследования был реализован в апреле-мае 2003 г., в процессе которого было охвачено 45 тыс. домохозяйств. Главная задача исследования сводилась к выявлению эффективности проводимых национальных программ социальной защиты населения. Так же, как и в ОБДХ, в НОБУСе информация о частных трансфертах собиралась не в полной мере. Например, в разделе анкеты, посвященном социальной помощи, среди вариантов ответа на вопрос «Почему Вы или члены Вашего домохозяйства не обращались за социальной помощью?» есть вариант «Не было необходимости, мне помогают члены моей семьи». В разделе «Расходы домохозяйства» трансферты представлены вопросом «Были ли в домохозяйстве за последние три месяца другие расходы (из числа указанных ниже) и сколько они составили?», где среди указанных расходов есть категория «Отдано в долг или отдано безвозмездно родственникам и знакомым». Смешение расходов, связанных с дачей денег в долг и расходов на безвозмездную помощь родственникам и знакомым, представляется методологически неверным, так как природа этих статей расхода различна.

Наилучшим образом частные трансферты представлены в разделе о доходах домохозяйства. Отвечая на вопрос: «Какие из тех источников денежных средств, которые я буду перечислять, составили общий бюджет Вашего домохозяйства?»,- респондент может выбрать вариант «Деньги и подарки от родственников, проживающих отдельно, и других частных лиц», что дает возможность определить факт получения домохозяйством частных материальных трансфертов. Другой вопрос в этом же разделе - «Если в течение последних трех месяцев Ваше домохозяйство получало помощь или подарки деньгами от родственников, не являющихся членами Вашего домохозяйства, то оцените приблизительно эту помощь в рублях» - позволяет

учесть и оценить вклад частных трансфертов в формирование бюджета домохозяйства» [Миронова, 2015].

«Некоторый вклад в обеспечение статистическими данными по проблеме частных межпоколенных обменов вносят Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ, 2011 г., 2014 г.) и Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН, 2012 г.). Основная цель проведения КОУЖ состояла в «получении статистической информации, отражающей фактические условия жизнедеятельности российских семей и их потребности в обеспечении безопасной и благоприятной среды обитания, здорового образа жизни, воспитании и развитии детей...» [Комплексное обследование условий жизни населения...]. Одна из основных целей ВНДН сводилась к получению информации о роли различных источников дохода (оплаты труда, доходов от самостоятельной занятости, от собственности, пенсий, социальных пособий) в обеспечении материального благосостояния семей [Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах...].

На основе данных КОУЖ можно проанализировать следующие аспекты частных межпоколенных трансфертов:

- тип помощи, оказываемой отдельно живущим детям;
- тип помощи, получаемой от отдельно живущих детей;
- мнение родителей о причинах отсутствия помощи со стороны детей;
- роль родственников и знакомых в обеспечении медицинской помощи и ухода больным членам семьи.

Данные ВНДН включают следующую информацию, относящуюся к частным трансфертам:

- тип получаемой материальной помощи от родственников и знакомых (оплата или организация отдыха, оплата лечения),

– важность межсемейной поддержки как одного из основных источников средств к существованию

Таким образом, основным недостатком обследований, проводимых государственными органами статистики в России, состоит в том, что информация о частных трансфертах собирается фрагментарно и несистемно, формулировки вопросов носят общий характер, что не позволяет получить чёткого представления о вкладе частных межпоколенных трансфертов в повышение благосостояния россиян. Этим обусловлен значительный потенциал расширения эмпирических данных, собираемых органами государственной статистики, относительно межпоколенных обменов. Этот пробел главным образом компенсируется за счет негосударственных выборочных обследований. Среди таких обследований можно выделить: «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ - НИУ ВШЭ) и «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ)» [Миронова, 2015].

««Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» представляет собой негосударственный мониторинг социально-экономического положения и состояния здоровья населения Российской Федерации. Обследование проводится ежегодно начиная с 1992 г. и по настоящее время, за исключением 1997 и 1999 гг., когда проект не был профинансирован. На данный момент всего было проведено 23 волны, в год опрашивалось более 10000 респондентов [Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения...].

Другим важным источником данных для анализа частных обменов является обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе». Оно направлено на лонгитюдное изучение развития семьи, семейных взаимосвязей и социально-экономических условий функционирования домохозяйств. К настоящему времени проведено три волны обследования: первая волна - 2004 г., вторая волна - конец 2006 - начало 2007 г., третья волна - 2011 г. Выборка состоит из более чем 11000

человек обоего пола в возрасте 18-79 лет (панель - 7500) [Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе...].

Преимущества РиДМиЖ и РМЭЗ с точки зрения анализа частных межпоколенных обменов состоят в следующем:

- позволяют провести лонгитюдный анализ;
- носят мультидисциплинарный характер, предоставляя возможность рассматривать межпоколенные обмены в контексте демографических, социальных, экономических и других факторов;
- позволяют сделать межстрановое сравнение за счет единства методологической базы для всех стран-участниц;
- данные репрезентативны для России.

Наряду с описанными преимуществами, имеются и существенные недостатки, которые можно отнести как к РМЭЗ, так и к РиДМиЖ:

- формулировки некоторых вопросов, касающихся частных обменов, меняются по мере перехода к более поздним волнам обследования, что приводит к неполной сопоставимости данных;
- некоторые вопросы задаются только в последних волнах обследования, что не позволяет анализировать динамические изменения. Например, в РиДМиЖ вопрос, связанный с отношением россиян к возможным способам улучшения ситуации в пенсионной системе, где среди возможных вариантов ответа «платить всем одинаковую минимальную пенсию, а детей обязать финансово поддерживать своих родителей», задаётся только в последней волне обследования (2011 г.);
- респонденты зачастую затрудняются ответить или отказываются от ответа на вопросы относительно межпоколенных обменов. Например, в 22 волне РМЭЗ – НИУ ВШЭ 2013 года на вопрос «Оцените в рублях сколько получила Ваша семья безвозмездно в течение последних 30 дней от внуков Ваших или супруга(и)?» из 6762 домохозяйств, представленных в выборке, ответило лишь 38, из которых 6 ответов – это «затрудняюсь ответить». Это может быть связано с тем, что данные вопросы касаются родственных

отношений и могут быть сопряжены с эмоциональными переживаниями и нарушать психологический комфорт респондента. Кроме того, вопросы, предполагающие оценку размера материальной помощи не только в виде денег, но и товаров (Оцените в рублях, сколько получила Ваша семья безвозмездно в течение последних 30 дней от родителей/детей/внуков/бабушек или дедушек Ваших или супруга(и)?), могут вызывать затруднения в связи со сложностью финансовой оценки оказываемой помощи;

- многие аспекты частных трансфертов в вопросах анкеты не затрагиваются. В частности вопросы в некоторых случаях носят односторонний характер. Например, в РМЭЗ – НИУ ВШЭ задаётся вопрос относительно размера получаемых материальных трансфертов («Оцените в рублях сколько получила Ваша семья безвозмездно в течение последних 30 дней от бабушек (дедушек)/ родителей/ детей/ внуков/ других родственников/ друзей Ваших или супруга(и)?»), однако нет обратного вопроса о том, в каком размере домохозяйство оказало помощь. Это является существенным упущением, так как отсутствие ответного вопроса не позволяет построить баланс получаемых и передаваемых домохозяйством частных межпоколенных трансфертов» [Миронова, 2015].

«Аналогичная ситуация связана с вопросами об инструментальных трансфертах. Например, домохозяйству-акцептору задаётся вопрос относительно типа получаемой помощи («Вы или Ваше домохозяйство получаете практическую помощь от родственников, живущих отдельно или друзей: (отдельно по типам помощи) в работе по дому и на приусадебном участке; в уходе за детьми; в уходе за престарелыми и больными?»), а также о факте акта инструментальной помощи по типу донора помощи («В течение последних 30 дней помогали Вашей семье в уходе за детьми, ведении хозяйства люди, не являющиеся членами Вашего домохозяйства, которых я сейчас назову: родители Ваши или супруга(и); дети Ваши или супруга(и); бабушки или дедушки Ваши или супруга(и); внуки Ваши или

супруга(и); другие люди?»). В то же время обратный вопрос о том, оказывало ли домохозяйство ответную помощь, не задаётся. Таким образом, нет возможности оценить взаимность инструментальной помощи.

Кроме того, важным аспектом при изучении инструментальных и функциональных трансфертов является анализ бюджета времени, затрачиваемого в рамках межпоколенных обменов. Количество времени в данном случае выступает в качестве условной единицы измерения инструментальных трансфертов аналогично денежной оценке материальных трансфертов и является важным показателем масштабности оказываемой помощи. При этом в качестве показателя бюджета времени может выступать информация о частоте оказываемой помощи, а также о её продолжительности. На данный момент в российских обследованиях отсутствует данная информация.

Таким образом, пока существующие системы сбора информации позволяют анализировать частные межпоколенные трансферты в довольно ограниченных рамках. Пользоваться данной статистикой следует с осторожностью, учитывая все ограничения, с которыми связан анализ используемых данных» [Миронова, 2015].

Методика исследования

Учитывая отмеченные ограничения статистических данных, а также специфику применения качественных и количественных методов, для более полного анализа системы частных трансфертов в данном исследовании предпринята попытка совместить логику количественного и качественного методов исследования на основе использования данных одновременно нескольких обследований. В связи с этим исследование особенностей трансфертного поведения в России состояло из двух этапов.

На первом этапе проводился количественный анализ частных межпоколенных трансфертов. На данном этапе в первую очередь необходимо

было агрегировать имеющиеся демографические индивидуальные характеристики респондентов с учётом критерия принадлежности респондента к тому или иному домохозяйству с целью выделения домохозяйств различного демографического типа. Затем в разрезе выделяемых демографических типов домохозяйств выявить вовлечённость российских домохозяйств разного типа в систему частных обменов, объёмы трансфертных потоков и их направления. Эта задача решалась на основе использования количественных методов – метода агрегирования на базе значений нескольких группирующих переменных, а также методов дескриптивной статистики (таблицы сопряжённости, частотные распределения, сравнение средних и т.д.). Возможности построения более сложных статистических моделей были существенно ограничены в связи с описанными выше недостатками статистических данных по России – в частности в связи с недостаточностью наблюдений по некоторым переменным из-за большого количества пропущенных значений, а также в связи с отсутствием вопросов, раскрывающих необходимую информацию.

На втором этапе решалась проблема выявления субъективных оценок значимости частных трансфертов. С помощью качественного исследования частных межпоколенных трансфертов мы изучали особенности данного феномена в России с точки зрения следующих вопросов: каковы субъективные оценки роли частных трансфертов; каковы особенности восприятия частных трансфертов; что побуждает россиян оказывать неформальную поддержку своим родственникам.

Источниками данных на этапе количественного исследования выступали такие статистические базы, как РМЭЗ (Российский Мониторинг Экономического Положения и Здоровья Населения) – 2013 г., КОУЖ (Комплексное наблюдение условий жизни населения) – 2011 г., 2014 г., ВНДН (Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах) – 2012 г., а также Исследование ценностей в двух федеральных округах РФ. Каждая из перечисленных баз данных позволила

проанализировать систему частных трансфертов с того или иного ракурса (Таблица 16). В фокус анализ попали только обмены между людьми, проживающими в разных домохозяйствах.

Таблица 16 – Источники статистических данных о частных трансфертах

<i>Источник статистических данных</i>	<i>Год</i>	<i>Размер выборки</i>	<i>Тип информации по частным трансфертам</i>
РМЭЗ (Российский Мониторинг Экономического Положения и Здоровья Населения) (полная выборка)	2004, 2008, 2013	6762 домохозяйств, 18372 индивида	факт участия в частных обменах; направления поддержки (кому помогали и от кого получали помощь); тип получаемой и оказываемой помощи (материальная помощь, различные виды услуг); денежное выражение материальной помощи, полученной от родственников или друзей; частота межсемейных контактов; субъективные оценки роли частных трансфертов; роль частных трансфертов в процессе адаптации к сложной жизненной ситуации.
КОУЖ (Комплексное наблюдение условий жизни населения)	2011, 2014	2011 год - 10000 домохозяйства, 19905 индивидов; 2014 г. - 60000 домохозяйств, 113138 индивидов	тип помощи, оказываемой отдельно живущим детям; тип помощи, получаемой от отдельно живущих детей; мнение родителей о причинах отсутствия помощи со стороны детей; роль родственников и знакомых в обеспечении медицинской помощи и ухода больным членам семьи
ВНДН (Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах)	2012	2012 - 10000 домохозяйств, 24943 индивидов,	тип получаемой материальной помощи от родственников и знакомых (оплата или организация отдыха, оплата лечения), важность межпоколенной поддержки как одного из основных источников средств к существованию

Исследование ценностей в двух федеральных округах РФ ⁶	2012	2061 человек	Частота родственных контактов, структура потоков частных трансфертов
---	------	--------------	--

Основой для качественного этапа исследования послужило социологическое исследование «Взаимодействие городских «дачников» творческих и интеллектуальных профессий с местным сельским сообществом». Исследование проводилось в августе 2014 года в Костромской области методом глубинного биографического интервью с дачниками творческих и интеллектуальных профессий и местными жителями. Интервью неформализованное (слабоформализованное): интервьюер использовал бланк, в котором отражены необходимые элементы и опорные точки интервью, и, в соответствии с ситуацией, рассказом респондента направлял беседу в то или иное русло. Отбор случаев первоначально формировался методом «снежного кома». На втором этапе производился типологический отбор случаев, направленный на выявление максимально возможного числа вариаций модели. Помимо этого, велись полевые дневники, а также проводился анализ повседневных событий и ситуаций. В рамках исследования было проведено 44 интервью: 20 интервью с дачниками и 24 – с местными жителями. Среди опрошенных 27 женщин и 17 мужчин, 24 человека трудоспособного возраста, 20 человек старше трудоспособного возраста (описание блока вопросов о частных трансфертах - Приложение 4, список респондентов - Приложение 5). Исследование

⁶ Исследование ценностей в двух федеральных округах РФ, проведённое Центром сравнительных социальных исследований (ЦССИ) летом 2012 года, было инициировано Международной лабораторией социокультурных исследований Высшей школы экономики. В рамках данного исследовательского проекта осуществлялся сбор информации о взглядах и ценностях россиян в двух федеральных округах России – Центральном и Северо-Кавказском. Полученные данные представляют собой многоступенчатую (3 ступени) территориальную случайную вероятностную выборку, которая репрезентативна для населения двух рассматриваемых регионов. В качестве генеральной совокупности выступает всё население обоих федеральных округов 18-60 лет включительно, проживающее в местах, предназначенных для постоянного размещения населения – жилых домах, общежитиях и т.п. в период проведения опроса (наличное население). В генеральную совокупность не включаются лица, временно находящиеся на территории ФО, а также институциональные поселения (военные части, места заключения, места временного проживания: гостиницы, дома отдыха, больницы и т.п.). Размер выборки составил 2061 чел.: 1026 чел. в Центральном Федеральном округе и 1035 чел. в Северо-Кавказском Федеральном округе. Выборка строилась независимо в каждом из федеральных округов, но при этом использовался один и тот же дизайн (принципы построения) выборки.

вопросов, касающихся частных межпоколенных трансфертов, не являлось основной целью исследования «Взаимодействие городских “дачников” творческих и интеллектуальных профессий с местным сельским сообществом» исследования, а составляло лишь отдельную его часть. Ввиду этого необходимо понимать ограничения результатов качественного исследования, обусловленные спецификой выборки.

Рекомендации по учету статистических данных о частных межпоколенных трансфертах

«Результаты имеющихся исследований показывают, что частные межпоколенные трансферты выступают важным элементом экономики домохозяйств в России. При этом значимость неформальных обменов не ограничивается только потоками материальных благ. Немаловажную роль играет инструментальная, функциональная и моральная помощь, перераспределяемая в рамках частных трансфертов. Поэтому системный учет частных трансфертов при проведении государственных бюджетных обследований, а также других обследований домохозяйств является необходимым. Блок вопросов, касающихся частных межпоколенных трансфертов, должен быть направлен на выявление основных характеристик трансфертных потоков:

- факт участия домохозяйства в частных обменах: отдельно для материальных, инструментальных и функциональных трансфертов;
- направление трансфертного потока: кому помогали и от кого получали помощь (отдельно для материальных, инструментальных и функциональных трансфертов);
- для материальных трансфертов - размер получаемой и оказываемой помощи, частота оказания и получения помощи, субъективная оценка значимости получаемой и оказываемой помощи;

- для инструментальных трансфертов – тип получаемой и оказываемой помощи (помощь в ведении хозяйства, помощь в воспитании внуков и т. д.), частота оказания/получения, количество времени, затраченного на оказание помощи/ количество времени, которое затратил донор полученной инструментальной помощи, субъективная оценка важности оказанной и полученной помощи.

При этом единицей наблюдения должно выступать домохозяйство, что обусловлено общностью бюджета его членов. Как правило, за период наблюдения выбирается календарный год, чтобы избежать сезонных колебаний трансфертных потоков, связанных с праздниками.

Следует подчеркнуть, что в приведенных выше характеристиках, которые необходимо принимать во внимание при учете частных трансфертов, немаловажная роль отводится субъективному восприятию помощи, получаемой за счет неформальной сети контактов. Это во многом связано с тем, что получить точные оценки объемов как материальных, так и инструментальных потоков практически невозможно.

Например, в РМЭЗ вопрос, оценивающий масштабы материальной поддержки, формулируется следующим образом: «В течение последних 30 дней сколько составляла в рублях помощь (прим. деньгами или товарами) другим людям/ бабушкам (дедушкам)/родителям/детям/внукам Вашим или супруга(и), не являющимся членами Вашего домохозяйства?». Таким образом, если родители, живущие в деревне, оказывают помощь своим детям, передавая выращенные на собственном земельном участке продукты, то отвечая на данный вопрос, они должны оценить размер своей помощи в денежном выражении. Для этого родители должны быть осведомлены о рыночном уровне цен на данные продукты, а также приложить определенные усилия для оценки масштабов оказанной помощи в килограммах и перевода этих «килограммов» в денежный эквивалент. Вследствие этого достоверность ответов на вопросы такого рода вызывает сомнения.

Кроме того, если проанализировать данные, полученные на основе этих вопросов, то оказывается, что не вся помощь «доходит до места назначения». Дело в том, что доля доноров, заявляющих о том, что они помогали деньгами или продуктами тому или иному лицу, всегда выше, чем доля реципиентов, подтверждающих, что они действительно получали материальную поддержку. Эта ситуация характерна для всех направлений обменов. Это может объясняться тем, что люди чаще запоминают те случаи, когда они являются донорами трансфертов, чем те случаи, когда помощь оказывается им [Миронова, 2014].

Учитывая специфику феномена частных обменов, немаловажным является выбор метода сбора данных. Наиболее оптимальный вариант предполагает сочетание метода личного опроса и метода анкетирования. Преимуществом метода личного опроса при изучении частных трансфертов является то, что он позволяет получить ответы на сложные, требующие разъяснения вопросы. Например, при изучении степени вовлеченности домохозяйств в неформальную сеть поддержки исследователи часто отмечают наличие противоречий в ответах респондентов. Как сообщает О.С. Белокрылова с соавторами, «...один из респондентов, отметивший отсутствие каких-либо взаимодействий и помощи, в ходе проведения интервью на вопрос об устройстве ребенка в детский сад... ответила “Я попала в такую ситуацию, но могла позволить себе работать, потому что ребенком занималась мама”» [Белокрылова О., Филоненко Ю., Фурса Е., 2013]. Данная проблемная ситуация связана с тем, что неформальные обмены между родственниками настолько сильно «вплетены» в полотно повседневной жизни людей, что выделить отдельные акты помощи и оценить их для самих респондентов представляется затруднительным. В. Виноградский, анализируя неформальные обмены, обращает внимание на то, что «данный вид неформальной экономической практики включен в крестьянскую повседневность как общая жизненная атмосфера, как воздух.

Он незаметен, хотя жить без него нельзя ни минуты» [Виноградский В., 1999].

Ввиду этого разъяснение интервьюера может в значительной степени повысить качество получаемых данных. Кроме того, функция интервьюера сводится к повышению заинтересованности респондента, установлению с ним качественного контакта, что снижает вероятность отказа от ответов и искажения информации.

Важную роль при ответе на вопросы относительно получения помощи от членов неформальной сети играет откровенность респондентов. Так как вопросы, касающиеся оказания, например, материальной помощи со стороны родственников, могут являться для респондента сензитивными, то получение реальных сведений о данном явлении может стать непростой задачей. В связи с тем, что респонденты на деликатные для них вопросы зачастую дают не искренние, а социально одобряемые ответы, появляются не связанные с выборкой систематические ошибки в данных. Ввиду этого особое внимание следует уделять формулировкам задаваемых вопросов - избегать прямых формулировок и использовать косвенные. К прямым формулировкам относятся такие, как «Находитесь ли Вы на иждивении у своих детей?». Косвенные формулировки строятся путем проекции изучаемого типа поведения на других людей; при этом подчеркивается обыденность данного явления [Девятко, 1998]. Косвенный вопрос может звучать следующим образом: «Зачастую взрослые дети помогают своим родителям материально. А Вы получаете подобного рода помощь от своих детей?».

Как уже отмечалось ранее, важным методологическим моментом при эмпирическом обследовании неформальных обменов является раздельное проживание донора и реципиента помощи. То есть исследование обменов имеет смысл лишь в том случае, когда донор и акцептор принадлежат к разным домохозяйствам.

Обобщая все вышесказанное, следует отметить, что вопрос о повышении информативности данных относительно частных трансфертов в

обследованиях домохозяйств для России остается открытым. Сбор информации о неформальных обменах домохозяйств восполнит значительный пробел в понимании существующей социально-экономической ситуации и позволит более осмысленно взглянуть на нее» [Миронова, 2015].

3.2 Трансфертное поведение домохозяйств в России

Мы предполагаем, что структура домохозяйств будет предопределять их роль в системе частных обменов.

С точки зрения роли в системе частных межпоколенных трансфертов мы выделяем следующие типы домохозяйств:

семейные домохозяйства:

- неполные семьи с детьми до 18 лет;
- супруги без детей (глава трудоспособного возраста);
- супруги без детей (глава старше трудоспособного);
- супруги с детьми до 18 лет;
- сложные домохозяйства;

несемейные домохозяйства:

- одиночки трудоспособного возраста;
- одиночки старше трудоспособного возраста;

прочие домохозяйства.

В основе предлагаемой типологии лежит попытка учесть этап жизненного цикла членов семьи. Так, можно условно установить, что старшее поколение в данной типологии представлено одиночками старшего трудоспособного возраста, а также супругами без детей, где глава домохозяйства старше трудоспособного; младшее поколение – супруги с детьми, супруги без детей (глава трудоспособного возраста), неполные семьи. Ввиду неоднородности группы домохозяйств, состоящих из одиночек

трудоспособного возраста, они могут выступать как в роли старшего поколения, если имеются дети, так и в роли младшего, если живы родители или прародители. Сложные и прочие остаются вне данной классификации.

Как правило, закономерным при неформальных материальных обменах является то, что поток благосостояния перераспределяется от более высокодоходной группы домохозяйств к менее высокодоходной. Согласно имеющимся исследованиям, более обеспеченные домохозяйства чаще выступают в роли донора материальных трансфертов, а менее обеспеченные - в роли реципиента [Cox, Jimenez, 1990]. Как показывают исследования [Massey, 2007], структура домохозяйства является важным фактором уровня благосостояния его членов. Например, в США семьи, возглавляемые одинокими матерями, в пять раз чаще являются бедными, чем полные семьи [Martin, 2006]. Согласно расчётам по данным РМЭЗ-НИУ ВШЭ, в России также наблюдается определённая зависимость между типом домохозяйства и его материальным положением (Таблица 17). В наиболее трудном положении относительно дохода находятся домохозяйства, состоящие из неполных семей и домохозяйства супругов с несовершеннолетними детьми – более 80% домохозяйств каждого из этих типов имеют доход, не превышающий 1,5 прожиточного минимума (ПМ) на домохозяйство. Сложные и прочие домохозяйства находятся в чуть лучшем положении, чем домохозяйства неполных семей и супругов с детьми, однако чаще всего также имеют низкий уровень дохода. Относительно благополучное положение по уровню доходов наблюдается у домохозяйств одиночек – 49% среди одиночек старше трудоспособного возраста и 33% среди одиночек трудоспособного возраста имеют доход выше 2 ПМ; и у домохозяйств, состоящих из супружеской пары без детей (как у пожилых, так и у молодых) – 24% и 21% соответственно имеют доход выше 2 ПМ.

Таблица 17 – Распределение домохозяйств разного типа по уровню дохода относительно прожиточного минимума (ПМ), %

<i>Демографический тип домохозяйства</i>	<i>ниже 1 ПМ</i>	<i>между 1 и 1,5 ПМ</i>	<i>между 1,5 и 2 ПМ</i>	<i>между 2 и 3 ПМ</i>	<i>больше 3 ПМ</i>
одиночки трудоспособного возраста	12,1	47,9	6,9	13,6	19,5
одиночки старше трудоспособного возраста	0,7	36,0	14,3	28,1	21,0
неполные семьи с детьми до 18 лет	29,9	51,7	14,0	3,7	0,6
супруги без детей (глава трудоспособного возраста)	28,2	24,0	27,1	14,1	6,5
супруги без детей (глава старше трудоспособного)	5,4	20,4	49,9	19,3	5,0
супруги с детьми до 18 лет	19,0	63,1	16,8	0,6	0,5
сложные домохозяйства	15,6	63,8	20,6	0,0	0,1
прочие домохозяйства	20,1	60,7	18,6	0,2	0,4

Источник: РМЭЗ-НИК ВШЭ, 2013 г.

Если исходить из вышеописанной логики, которая состоит в том, что частные материальные межпоколенные трансферты перераспределяются от более обеспеченных к менее обеспеченным, то можно предположить, что потенциалом к донорству обладают одиночки обеих возрастных групп, а также домохозяйства супругов без детей обеих возрастных групп. Реципиентами частных материальных трансфертов чаще всего будут выступать домохозяйства, состоящие из неполных семей, а также домохозяйства супругов с несовершеннолетними детьми. Сложные и прочие домохозяйства также скорее чаще будут относиться к реципиентам частных материальных трансфертов.

Относительно инструментальных трансфертов, можно предположить, что каждый из выделяемых типов домохозяйства может выступать как донором, так и реципиентом инструментальных трансфертов, при этом инструментальная поддержка для каждого отдельного типа домохозяйства может носить разный характер. Например, супруги с детьми и неполные семьи, скорее всего, будут выступать реципиентами помощи в уходе за

детьми, а пожилые супруги и пожилые одиночки акцепторами ухода за пожилыми.

3.2.1 Основные результаты количественного исследования

1. Вовлечённость российских домохозяйств в систему частных трансфертов

Оценки масштабов включённости населения в систему частных трансфертов разнятся в зависимости от того, какой подход выбирает исследователь. Авторы, которые используют количественные методы анализа [Градосельская, 1999; Овчарова, Прокофьева, 2000; Гладникова, 2009], как правило, получают более низкие показатели вовлечённости, чем те авторы, которые используют качественные методы [Фадеева, 1999; Лылова, 2002; Барсукова, 2004].

В целом можно заключить, что в России неформальные обмены являются распространённой практикой. Так, согласно расчётам по данным РМЭЗ-ВШЭ, в 2013 году в обменах материальными трансфертами (деньгами или товарами) участвовало 45% домохозяйств. При этом 54,5% домохозяйств среди участвовавших в материальных обменах только оказывали помощь, 34,3% только получали помощь и 11,2% выступали одновременно в роли донора и реципиента помощи. Перевес в пользу тех, кто только оказывал помощь, может быть связан с тем, что люди склонны лучше запоминать ситуации, когда они помогали, чем ситуации, когда помощь оказывалась им.

Как показывают данные ВНДН - 2012 года неформальную денежную и натуральную помощь получали 20,2% российских домохозяйств (за год). Согласно РМЭЗ-НИУ ВШЭ, помощь от родственников, друзей, знакомых, а также от различных организаций в 2013 году получали 27,7% домохозяйств (за последние 30 дней до момента опроса).

Данные обследования РМЭЗ-ВШЭ за несколько лет дают возможность проследить динамику частоты межсемейных обменов. Доля домохозяйств,

получающих материальную помощь (деньгами и в натуральной форме), в период 2004-2013гг. немного уменьшилась, как и доля домохозяйств, оказывающих такую помощь (Таблица 18). Однако снижение незначительно и составляет не многим более 2п.п.

Регулярность оказываемой помощи зависит от социально-экономической обстановки в стране – в период кризиса (2008 г.) учащаются случаи частых и регулярных трансфертов, а в период относительной экономической стабильности растет доля редких случаев оказания помощи (несколько раз в год) или когда в этом возникает необходимость («когда попросят»).

Таблица 18 - Динамика масштабов частных материальных трансфертов, %

Виды материальной поддержки	2004	2008	2013
Получали материальную помощь	25,4	25,3	22,8
Оказывали материальную помощь, в т.ч. с частотой помощи:	33,0	27,9	30,8
каждый месяц	100,0	100,0	100,0
несколько раз в год	36,2	40,8	34,2
раз в год	33,2	32,8	37,5
когда попросят	11,1	6,1	4,8
	19,4	20,4	23,5

Источник: РМЭЗ – НИУ ВШЭ

Важнейшей характеристикой вовлечённости населения в частные межпоколенные обмены является частота контактов (как персональных, так и дистанционных (например, по телефону). Этот показатель свидетельствует о том, насколько активно члены семьи взаимодействуют друг с другом, в том числе обмениваются эмоциями и оказывают друг другу психологическую поддержку [Motonishi, 2012]. В России частота контактов между родственниками высока, о чём свидетельствует доля респондентов, выбравших из возможных вариантов ответ, соответствующий наиболее частым контактам. По данным Исследования Ценностей, в 2012 году более половины опрошенных взрослых детей (родителей), проживающих в отдельном домохозяйстве, встречались со своими родителями (взрослыми детьми) 3 и более раз за последний месяц (Таблица 19). Безусловно, наиболее

интенсивны контакты между родителями и детьми, однако и встречи с другими категориями родственников нельзя назвать редкими. О значительной тесноте контактов в России между родителями и их взрослыми детьми свидетельствуют также данные других исследований [Синявская, Гладникова, 2007].

Таблица 19 - Частота контактов между родственниками, проживающими раздельно, % от числа опрошенных

Направление связи	Частота контактов			
	Нет (нет в живых) данной категории родственников	Ни разу за последний месяц	1-2 раза за последний месяц	3 и более раз за последний месяц
Родители – дети	21,2	11,3	11,7	55,8
Дети – родители	20,6	6,9	11,5	61
Родные братья и сёстры	15,9	15,7	23,5	44,9
Кузины и кузены	10,7	34,7	29,9	24,7
Племянники/племянницы – дяди/тёти	14,8	33,5	27,6	24,1
С другими родственниками	12,7	33,2	30,3	23,8

Источник: Исследование ценностей в двух округах РФ, 2012 г.

Согласно расчётам по данным РМЭЗ-ВШЭ 2013 г., большинство опрошенных видятся со своими отдельно живущими родственниками практически каждый день (26%) или несколько раз в неделю (18%) и только менее 4% видятся с ними крайне редко (реже, чем раз в год) или не имеют никаких контактов. Главной причиной отсутствия контактов в большинстве случаев является удаленность проживания (60% ответов). Частые контакты с родственниками, живущими отдельно, способствуют поддержанию тесных родственных отношений, обеспечивают членам родственной группы чувство принадлежности и значимости. Включенность в жизнь семьи выступает не только залогом материальной поддержки, но и препятствует социальной

экслюзии её членов. Исключенность из неформальных сетей взаимопомощи является одним из основных факторов, которые резко увеличивают риск социальной экслюзии [Тихонова, 2002, с.11].

2. Материальные трансферты

Согласно расчётам по данным РМЭЗ-НИУ ВШЭ, в 2013 году 45% домохозяйств были вовлечены в сеть частных трансфертов. В селе практика неформальных материальных обменов распространена несколько больше, чем в городе (47,0% сельских и 44,2% городских домохозяйств, участвовавших в частных обменах), что может быть связано с особенностями уклада сельской жизни. При этом в селе наблюдается больше тех домохозяйств, которые только оказывали помощь и меньше тех, кто только получал её.

Участие в системе частных материальных трансфертов меняется в зависимости от демографического типа домохозяйства. Наиболее активно в частных обменах участвуют супруги без детей (глава трудоспособного возраста), одиночки в трудоспособном возрасте, а также неполные семьи. Менее всего в систему частных обменов включены сложные и прочие домохозяйства. При этом в роли чистых доноров (тех, кто только помогает) материальных трансфертов чаще всего выступают домохозяйства супругов без детей (глава семьи старше трудоспособного), супруги без детей в трудоспособном возрасте, а также прочие домохозяйства. Довольно часто в роли чистого донора также выступают одиноко проживающие пенсионеры и одиночки в трудоспособном возрасте. Чистыми акцепторами (те, кто только получают помощь) материальных трансфертов чаще всего выступают неполные семьи и семьи с детьми. Сложные домохозяйства примерно с одинаковой частотой выступают как чистыми донорами, так и чистыми акцепторами частных трансфертов. Категория тех, кто выступает одновременно и донором и акцептором помощи малочисленна среди всех типов домохозяйств (Таблица 20).

Таким образом, предположение о роли домохозяйств различного демографического типа в системе частных материальных обменов, сделанное на основе распределения по уровню дохода, по большей части подтвердилось. Низкодоходная группа домохозяйств – неполные семьи и семьи с детьми – чаще являются получателями материальных трансфертов, а домохозяйства с относительно более высокими доходами – одиночки и супруги без детей – чаще играют роль доноров. Сложные домохозяйства, как мы и предполагали, чаще, хотя и совсем не намного, являются получателями материальных трансфертов, и в то же время меньше других типов домохозяйств вовлечены в частные обмены. Относительно прочих домохозяйств наше предположение не подтвердилось. Вопреки нашей гипотезе, прочие домохозяйства чаще выступают в роли доноров материальных трансфертов. Анализ роли прочих домохозяйств в системе частных трансфертов, связан с некоторым затруднением, обусловленным тем, что к прочим домохозяйствам относят достаточно разнородные группы домохозяйств, что затрудняет однозначную интерпретацию их поведения. К прочим домохозяйствам, как правило, относятся домохозяйства, не имеющие в своём составе семейного ядра, но состоящие из родственников – например, брат и сестра (без родителей), тётя/дядя с племянниками, бабушка/дедушка с внуками. Как показал анализ половозрастного состава прочих домохозяйств, описанный нами во второй главе, в рамках прочих домохозяйств в качестве наиболее масштабных выделяются возрастные группы «до 20 лет» и «70+», что даёт основания предполагать, что значительную часть прочих домохозяйств составляют прародители с внуками, а также другие типы домохозяйств, включающие детей и пожилых людей. В то же время эти многочисленные возрастные группы не обязательно объединены в одном домохозяйстве. Ввиду отсутствия чёткого представления о демографическом портрете прочих домохозяйств мы не имеем возможности убедительного объяснения роли прочих домохозяйств в системе частных обменов.

Таблица 20 – Участие в частных трансфертах в зависимости от типа домохозяйства, % от соответствующего типа домохозяйств

Группы домохозяйств	Участвовали в трансфертах	В т.ч. (% от участвовавших в трансфертах):			Не участвовали
		только помогли	только получали	и помогли и получали	
По типу поселения:					
Городские	44,2	53,4	35,8	10,8	55,8
Сельские	47,0	57,0	31,3	11,7	53,0
По типу домохозяйства					
Одиночка трудоспособного возраста	64,3	47,2	37,6	15,2	35,7
Одиночка старше трудоспособного возраста	47,2	54,8	33,0	12,2	52,8
Супруги без детей (молодые)	54,4	67,2	19,7	13,1	45,6
Супруги без детей (старший возраст)	48,1	75,1	12,9	12	51,9
Супруги с детьми	47,6	22,1	66,8	11,1	52,5
Неполные семьи	51,4	21,5	69,8	8,7	48,6
Сложные домохозяйства	31,5	42,0	45,3	12,7	68,5
Прочие домохозяйства	39,7	62,3	28,5	9,2	60,3

Источник: РМЭЗ – НИУ ВШЭ, 2013 г.

Степень включённости домохозяйств разного демографического типа в частные материальные обмены является довольно устойчивым показателем, однако есть и динамические изменения (Таблица 21). С 2004 по 2013 год отмечается рост включённости в частные материальные обмены среди домохозяйств одиночек трудоспособного возраста; некоторое снижение включённости в частные материальные обмены продемонстрировали домохозяйства одиночек старше трудоспособного возраста, супруги без детей старшего возраста, супруги с детьми и сложные домохозяйства. Колебательный характер изменений вовлечённости в частные материальные обмены характерен для домохозяйств супругов без детей (трудоспособного возраста), домохозяйств, состоящих из неполных семей и для прочих домохозяйств.

Вероятно, динамика вовлечённости домохозяйств разного демографического типа в частные материальные трансферты связана с проводимой социальной политикой. Так, например, усиление социальной поддержки семей с детьми может снижать потребность домохозяйств, имеющих в составе детей, в материальной поддержке со стороны родственников.

Таблица 21 - Динамика участия домохозяйств разного типа в частных материальных обменах

Тип домохозяйства	Участвовали в частных материальных обменах		
	2004	2008	2013
Одиночка трудоспособного возраста	58,5	59,6	64,3
Одиночка старше трудоспособного возраста	53,0	45,1	47,2
Супруги без детей (трудоспособные)	56,9	58,8	54,4
Супруги без детей (старший возраст)	59,4	52,8	48,1
Супруги с детьми	53,1	48,2	47,6
Неполные семьи	53,7	54,8	51,4
Сложные домохозяйства	38,4	31,6	31,5
Прочие домохозяйства	36,2	33,6	39,7

Источник: РМЭЗ-НИУ ВШЭ

Наиболее активно обмен материальными трансфертами происходит между родственниками, при этом преобладает поток от родителей к детям. Среди выделяемых типов домохозяйств материальную помощь от родителей чаще всего получают супруги без детей (молодые), супруги с детьми, а также одиночки трудоспособного возраста. Акцепторами помощи от детей чаще всего выступают супруги без детей (старший возраст), одиночки старшего возраста и сложные домохозяйства. Помощь от прародителей чаще всего получают те же типы домохозяйств, которые получают помощь от родителей. Прародители материальную помощь от внуков получают очень

редко. Достаточно распространена помощь от других родственников и от друзей: её чаще всего получают прочие и сложные домохозяйства, а также неполные семьи с детьми (Таблица 22).

Таблица 22 - Распределение домохозяйств-получателей материальных трансфертов по ее источнику (получение помощи в последние 30 дней), %*

Тип домохозяйств получателей помощи	От родителей	От детей	От бабушек/дедушек	От внуков	От других родственников	От друзей
Все домохозяйства, из них	47,4	27,4	6,7	2,2	15,3	11,0
Одиночки трудоспособного возраста	85,2	5,2	20,2	-	10,1	9,9
Одиночки старшего возраста	-	82,1	-	9,3	10,1	4,2
Супруги без детей (молодые)	93,5	-	17,3	-	6,5	5,1
Супруги без детей (старший возраст)	-	86,5	-	3,7	12,9	2,4
Супруги с детьми	91,2	-	13,1	-	15,1	7,1
Неполные семьи с детьми	68,0	8,6	9,4	-	21,9	18,8
Сложные домохозяйства с детьми	69,7	5,6	11,8	-	24,2	18,0
Прочие домохозяйства	41,8	25,8	7,2	1,5	27,8	22,4

* помощь могла приходиться из нескольких источников, поэтому сумма по строке не равна 100%.

Источник: РМЭЗ-НИУ ВШЭ, 2013 г.

Таким образом, материальная помощь в виде денег и продуктов чаще всего оказывается детям, родителям материально помогают реже. Однако это не значит, что дети безучастны к своим родителям. Всё дело в том, что структура восходящего и нисходящего потоков частных межпоколенных трансфертов различна. К сожалению, данные РМЭЗ-ВШЭ не позволяют полноценно оценить структуру нисходящего и восходящего межпоколенных потоков по типу помощи. Однако, как показывают оценки на основе данных другого обследования - КОУЖ-2014 (Комплексное наблюдение условий

жизни населения, 2014 г.), в структуре нисходящего потока преобладают материальные трансферты, а в структуре восходящего – инструментальные [Миронова, 2014], что согласуется с данными других исследований [Денисенко, 1999; Овчарова, Прокофьева, 2000; Иванова, 2003, Гладникова, 2007]. Так, наиболее распространённые виды трансфертов от родителей к детям – это денежная помощь и помощь в воспитании внуков. Часто родители помогают своим детям в обеспечении продуктами и покупке вещей. Также родители ухаживают за своими детьми во время болезни, помогают им по хозяйству, оплачивают жильё и оказывают другую помощь. В отличие от потока родительской помощи наиболее распространённым видом поддержки со стороны детей является помощь по хозяйству и уход за родителями во время болезни. Значительно реже дети покупают продукты и вещи для своих родителей и оказывают денежную помощь (Рисунок 14).

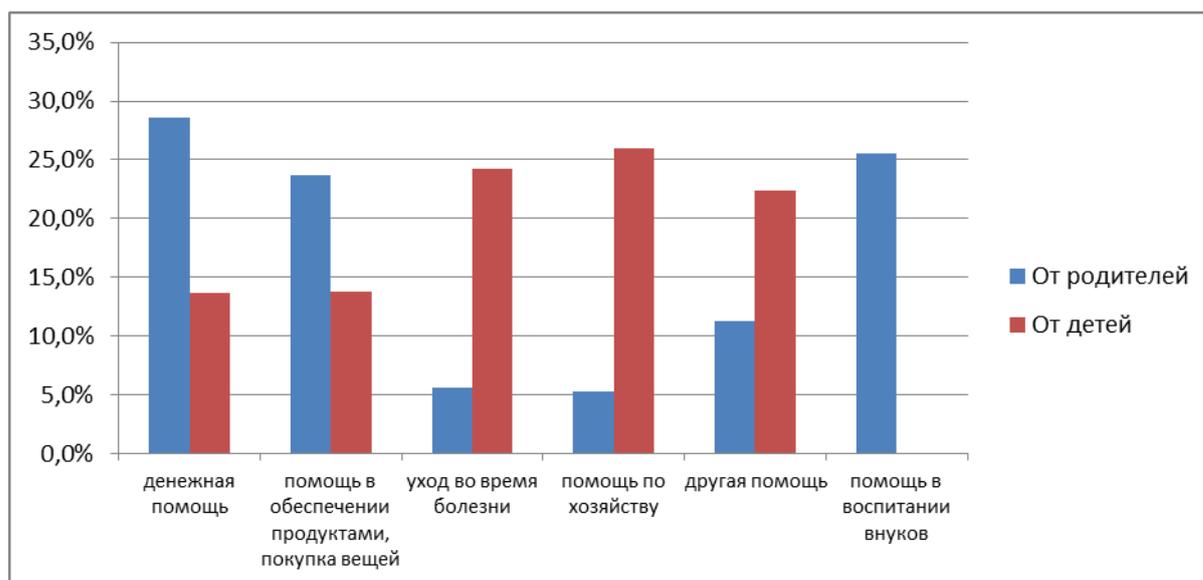

Рисунок 14 - Распределение помощи от детей и от родителей по типу, %

Источник: КОУЖ, 2014 г.

Согласно расчётам по данным КОУЖ – 2012, 2014 гг., в структуре нисходящего потока (от родителей к детям) существенно возросла доля «другой помощи», несколько сократилась доля помощи в виде обеспечения продуктами и покупки вещей, доля остальных видов помощи существенно не

изменилась. В структуре восходящего (от детей к родителям) межпоколенного потока существенных изменений не произошло (Таблица 23).

Таблица 23 – Изменение в структуре нисходящего и восходящего межпоколенных потоков, 2012, 2014 гг., %

Тип помощи	От родителей		От детей	
	2012	2014	2012	2014
денежная помощь	29,3	28,6	12,5	13,7
помощь в обеспечении продуктами, покупка вещей	27,5	23,6	12,8	13,7
уход во время болезни	6,3	5,6	24,5	24,2
помощь по хозяйству	6,0	5,2	26,5	26,0
другая помощь	4,4	11,3	23,7	22,4
помощь в воспитании внуков	26,4	25,6	-	-

Источник: КОУЖ, 2012, 2014 гг.

Как показывают исследования по европейским странам, вероятность того, что родители будут выступать донорами финансовой поддержки для своих детей значительно выше, чем вероятность того, что родители окажутся реципиентами финансовых трансфертов от детей. При этом данная закономерность практически не зависит от возраста родителей [Albertini et al., 2007].

Преобладание нисходящего направления материальных трансфертов является общей закономерностью развитых стран. Так, согласно расчётам по данным SHARE (Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe) в Европе 21% родителей оказывали финансовую поддержку своим отдельно живущим детям, и лишь 3% получали аналогичную помощь от своих детей [Albertini et al., 2007].

В России оказание денежной помощи также является прерогативой родителей практически во всех возрастах. Согласно расчётам по данным КОУЖ, в каждой возрастной группе доля тех родителей, кто помогает своим отдельно живущим детям выше, чем доля родителей, получающих денежную помощь от детей. И лишь в возрастной группе 70+ доля тех родителей, кто

получает от детей денежную помощь (32,2%), начинает превышать долю родителей, поддерживающих своих детей деньгами (31,6%) (Рисунок 15). Как показывают исследования, в России «критической» точкой в жизненном цикле выступает возраст 70 лет – до 70 лет пожилые люди больше дают, чем получают от своих младших родственников [Денисенко, 2001]. Для сравнения, например, в Японии, стране с самой высокой ожидаемой продолжительностью жизни в мире, пожилые люди больше помогают своим детям и внукам вплоть до достижения возраста 80 лет [Beard et al., 2012]. В Германии и Израиле переломный момент также наступает в 80 лет: в этом возрасте люди перестают быть чистыми донорами межпоколенных трансфертов и начинают больше получать, чем отдавать [Litwin et al., 2008]. В рассматриваемых примерах речь идёт об общем балансе трансфертов разного типа – как материальных, так и инструментальных.

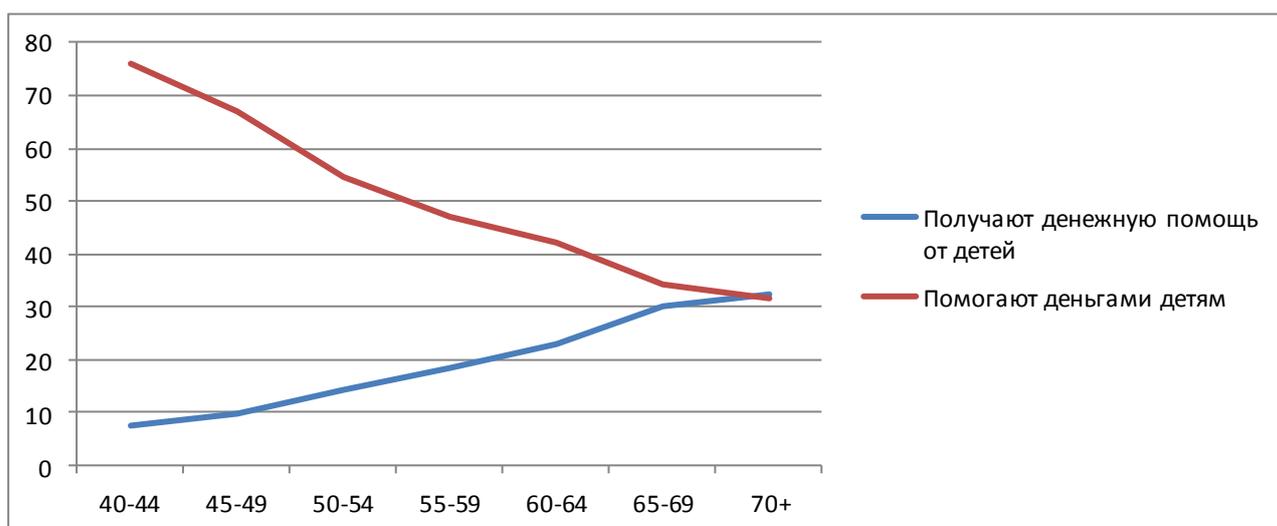

Рисунок 15 – Доля родителей, получающих денежную помощь от детей/помогающих детям, в каждой возрастной группе, 2011 г.

Источник: КОУЖ, 2011 г.

Прослеживается определённая зависимость между субъективным финансовым положением домохозяйств и поддержкой, которую оказывают им родственники и знакомые: чем хуже финансовая обеспеченность, тем чаще домохозяйство получает помощь. Это согласуется с результатами

имеющихся исследований, согласно которым, частные безвозмездные потоки, как правило, направлены в пользу малообеспеченных [Якубович, 1999] и уязвимых групп населения (многодетные семьи, неполные семьи, семьи, затронутые безработицей) [Кокс, 1998, с. 252]. Однако даже для наиболее обеспеченных домохозяйств поддержка со стороны родственников продолжает поступать (Рисунок 16).

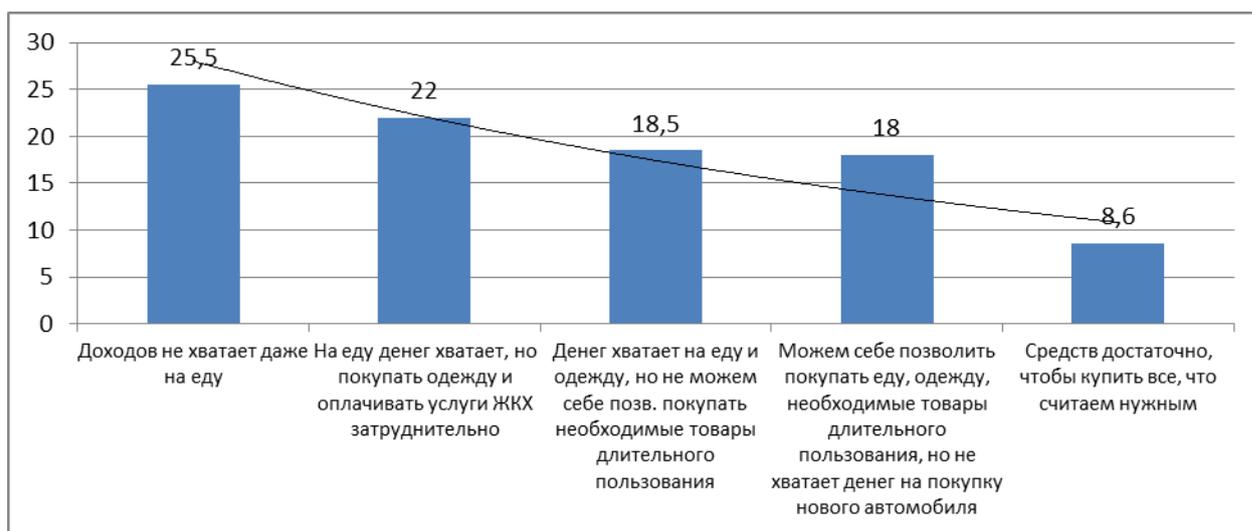

Рисунок 16 - Доля получателей межсемейной поддержки в зависимости от субъективной оценки финансового положения, 2012 г., % (ВНДН)

Источник: ВНДН, 2012 г.

Материальная помощь от родственников и друзей может приобретать различную форму. Согласно расчётам по данным ВНДН, материальные трансферты в виде денег наиболее часто получают молодые семейные пары без детей, а также сложные и прочие домохозяйства. Домохозяйства пожилых одиночек и пожилые супружеские пары чаще других получают помощь в виде оплаты лечения и иных услуг. Чаще всего реципиентами другой помощи со стороны родственников, а также помощи в виде приобретения вещей выступают супружеские пары с детьми, сложные домохозяйства и неполные семьи (Таблица 24).

Таблица 24 – Материальные трансферты от родственников и друзей по типу помощи, %

Получали помощь <i>от родственников и знакомых</i>				
Тип домохозяйства	Материальная (денежная) помощь	Оплата лечения, отдыха, доп. обучения и участия в соревнованиях	Приобретение вещей и другая помощь	Итого
Одиночка трудоспособного возраста	67,7	6,2	26,1	100
Одиночка старше трудоспособного возраста	61,1	17,4	21,5	100
Неполные семьи	59,4	11,2	29,4	100
Супруги без детей (молодые)	70,7	5,4	23,9	100
Супруги без детей (старший возраст)	61,6	11,6	26,8	100
Супруги с детьми	63,7	4,3	32	100
Сложные домохозяйства	63,7	5,7	30,6	100
Прочие домохозяйства	70,7	7	22,3	100
Итого	64,3	8	27,7	100

Источник: ВНДН-2012

Форма материальной поддержки, которую получает домохозяйство, также меняется в зависимости от материальной обеспеченности (в данном случае речь идёт о субъективных оценках материального положения домохозяйства). Деньгами чаще всего помогают самым бедным и самым богатым домохозяйствам. В то же время для тех, кто может себе позволить всё, кроме дорогостоящих новых приобретений (например, автомобиля), родственная поддержка реже всего носит денежный характер. Им и наиболее обеспеченным домохозяйствам чаще, чем другим, помогают в приобретении вещей, а также оказывают другую помощь (Таблица 25).

Таблица 25 – Распределение материальных трансфертов по типу помощи в зависимости от субъективной оценки финансового благополучия, %

Тип получаемой помощи от родственников и знакомых				
	Материальная (денежная) помощь	Оплата лечения, отдыха, обучения и участия в соревнованиях	Приобретение вещей и другая помощь	Итого
Доходов не хватает даже на еду	71,4	5,7	22,9	100
На еду денег хватает, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно	64,1	9	26,9	100
Денег хватает на еду и одежду, но не можем себе позв. покупать необходимые товары длительного пользования	64,1	8	27,9	100
Можем себе позволить покупать еду, одежду, необходимые товары длительного пользования, но не хватает денег на покупку -нового автомобиля,	63,1	6	30,9	100
Средств достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным (+квартира и дача)	65,6	5,7	28,7	100
Всего	69,9	8,6	30,1	100

Источник: ВНДН-2012

3.Инструментальные трансферты

Что касается инструментальных трансфертов, то, по данным РМЭЗ-ВШЭ 2013 года, среди тех, кому нужна практическая поддержка, неформальную помощь в виде услуг получили 16,5% домохозяйств. Наиболее распространённым видом получаемых инструментальных трансфертов оказалась помощь в работе по дому и на приусадебном хозяйстве (54% ответов), также имела место помощь в виде ухода за детьми (30% ответов) и за престарелыми и больными (16% ответов). Ввиду специфики образа жизни в сельской местности самым популярным видом инструментальной поддержки выступает помощь в работе по дому и на приусадебном хозяйстве (65% ответов). В городе помощь в работе по дому также распространена (48%), однако при этом городские жители чаще, чем сельчане, получают помощь в уходе за детьми (35% ответов – в городе, 21% ответов в селе).

Среди выделенных демографических типов домохозяйств помощь по дому и в личном подсобном хозяйстве чаще всего получают пожилые одинокие люди и супруги (41 и 33% соответственно). Семьи с детьми реже нуждаются в такого рода помощи, но ее получают 15-17% семей с детьми. Внимание к ним со стороны родственников и друзей выражается чаще всего в поддержке по уходу и воспитанию детей – эту помощь получают 50% семей с детьми (Таблица 26).

Таблица 26 - Доля домохозяйств, получавших помощь в виде тех или иных услуг, % от

Группы домохозяйств	Получали помощь в работе по дому и в личном подсобном хозяйстве	Уход за детьми	Уход за больными и престарелыми
Все домохозяйства	19,6	13,9	7,5
из них по типу домохозяйства:			
Одиночки трудоспособного возраста	4,9	-	0,0
Одиночки старше трудоспособного возраста	40,3	-	23,0
Супруги без детей (молодые)	3,1	-	1,1
Супруги без детей (старший возраст)	32,5	-	15,4
Супруги с детьми	15,1	50,1	0,3
Неполные семьи	16,5	45,5	0,7
Сложные домохозяйства	8,2	16,1	1,8
Прочие домохозяйства	12,5	4,4	5,7

Источник: расчет на данных РМЭЗ-ВШЭ 2013г.

Помощь в виде ухода во время болезни направлена в основном в пользу пожилых людей. Роль пожилых в системе частных трансфертов заслуживает особого внимания. С одной стороны, пожилые являются одной из наиболее уязвимых категорий населения, так как зачастую государство не обеспечивает достаточного уровня финансовых ресурсов и социального обслуживания, поэтому поддержка семьи играет важную роль в их жизни. Поскольку в результате роста продолжительности жизни стариков

становится больше, то поддержание их прежнего уровня жизни в условиях действия социальных институтов, сформировавшихся в молодом обществе, становится невозможным. Не случайно, реформы социального и пенсионного обеспечения находятся на повестке дня во многих странах мира. В данной ситуации семья выступает важным источником поддержки. С другой стороны, пожилые могут сами быть активными донорами помощи своим детям и внукам.

В России семья играет ключевую роль в инструментальной и функциональной поддержке пожилых людей. Согласно расчётам по данным КОУЖ, 81,4% пожилых людей (в возрасте старше 65 лет), имеющих отдельно проживающих детей, в той или иной форме получали от них помощь, 12% пожилых не получали никакой помощи, 6,6% либо затруднялись ответить, либо утверждали, что в помощи нет необходимости. Чаще всего дети ухаживают за своими пожилыми родителями во время болезни, помогают по хозяйству или оказывают другую помощь; помощь от детей в виде денег и покупки продуктов пожилые люди получают значительно реже (Рисунок 17).

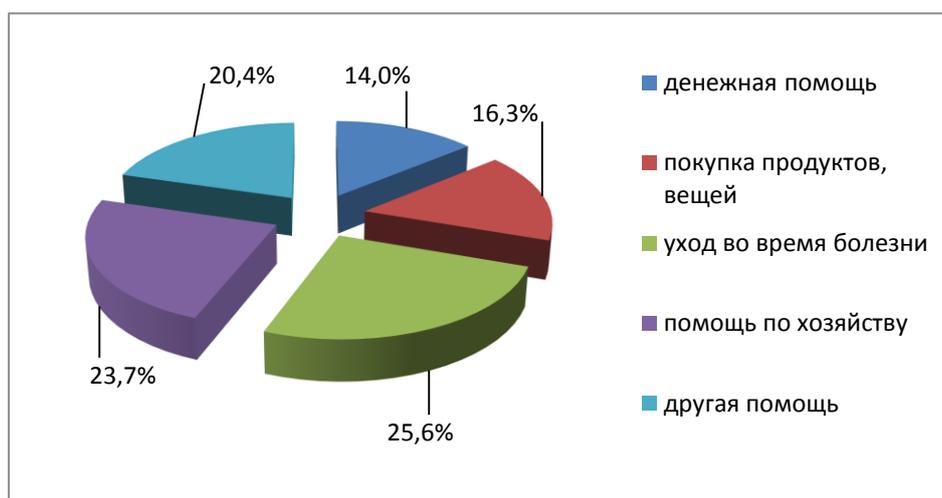

Рисунок 17 - Тип помощи, которую пожилые получают от детей

Источник: КОУЖ, 2011 г.

Доля родителей, за которыми дети ухаживают во время болезни, растёт по мере перехода к более старшим возрастным группам и для родителей в возрасте от 70 лет и старше составляет 44,7% (Рисунок 18).

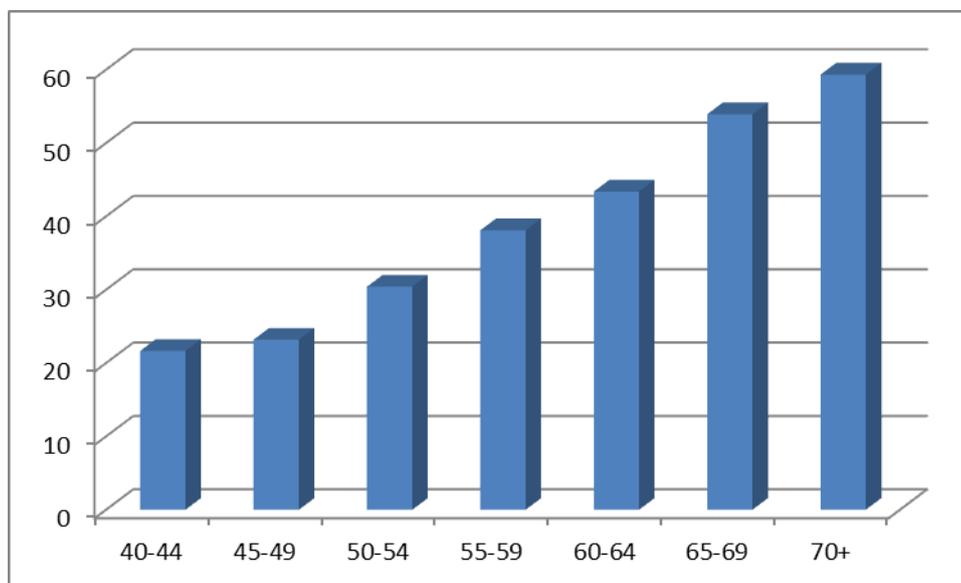

Рисунок 18 – Доля родителей, получающих от детей уход во время болезни, в каждой возрастной группе, 2011 г.

Источник: КОУЖ, 2011 г.

Согласно расчётам по данным КОУЖ, 14,2% пожилых прибегают к чьей-либо помощи для самообслуживания и другой ежедневной деятельности. Из них 23% состоит на социальном обслуживании в органах социальной защиты населения, 58,3% получают помощь от детей. Из тех пожилых людей, кто испытывает потребность в медицинской помощи (в том числе в длительном медицинском наблюдении, помощи и уходе вследствие хронического заболевания или инвалидности; в восстановительном лечении в период реабилитации, в медицинской помощи при обострении хронических заболеваний, в медицинской помощи при недомоганиях, простудных заболеваниях), 18,3% получают её от родных или знакомых и лишь 2,2% от социальных работников (Таблица 27).

Таблица 27 – Доноры медицинской помощи для пожилых людей, 2011 г.

<i>Из тех, кто испытывает потребность в медицинской помощи, получают её от</i>	<i>%</i>
лечащего врача	62,7
родных, знакомых	18,3
медицинской (патронажной) сестры	6,3
справляется самостоятельно	6,2
никто не оказывает медицинскую помощь	2,4
социального работника	2,2
знакомого врача или знакомого медицинского работника	1,7
специально нанятого человека	0,2
Итого	100

Источник: КОУЖ, 2011 г.

В целом в России всё ещё сохраняются традиционные взгляды относительно заботы о пожилых людях. Большинство россиян (52%) считают, что забота о престарелых, которым нужен уход на дому, является обязанностью семьи, а 36% - что ответственность за пожилых должна быть в равной степени разделена между семьёй и обществом [Корчагина, Прокофьева, 2007, с.314]. Согласно расчётам по данным РМЭЗ (2013г.), если пожилой человек нуждается в уходе в связи с возрастом или болезнью, то его чаще всего осуществляет кто-то из членов семьи (3/4 случаев) или родственники, живущие отдельно, знакомые (16%), очень редко (4% случаев) приглашаются специальные люди, услуги которых оплачиваются. При этом на вопрос анкеты: «Хотели бы Вы нанять человека для ухода за больным или престарелым членом семьи?» 80% домохозяйств ответили отказом. Из тех, кто хотел бы пригласить специального человека главным препятствием является недостаток средств в семье, а также отсутствия предложения соответствующих услуг («хотели бы, но не можем найти»).

Таким образом, для описания взаимосвязи между участием семьи и государства в уходе за пожилыми в России наиболее подходящей является «комплементарная модель». Согласно ей, к поддержке государства прибегают в основном тогда, когда потребности пожилого человека превышают возможности семьи в обеспечении поддержки. Поэтому активное участие семьи в уходе за пожилыми родственниками позволяет государству

экономить на расходах [Keefe et al., 2012]. При этом все издержки, в том числе альтернативные (например, когда ухаживающий за больным родственником член семьи вынужден уйти с работы или сократить рабочее время), несёт семья. Как показывают исследования по Европе [Chiatti, 2013], среди тех, кто оказывает функциональную поддержку престарелым родственникам, больше неработающих (59%) и меньше занятых (41%). Кроме того, значительная доля занятых (15,3 %) сообщает, что им приходится сокращать рабочее время в связи с необходимостью заботы о престарелом родственнике. К тому же люди, которые оказывают полноценную ежедневную функциональную поддержку, подвержены психологической нестабильности, стрессовым состояниям. Особенно это касается тех, кто ухаживает за психически нездоровыми людьми. Те, кто заняты постоянным уходом за больным родственником, в 3 раза чаще признают себя нездоровыми, чем те, кто в это не вовлечён. В Европе созданы специализированные службы, оказывающие психологическую поддержку тем, кто ухаживает за престарелыми и больными родственниками.

В то же время сами пожилые зачастую продолжают играть роль доноров для своих детей. Пожилые люди зачастую принимают активное участие в воспитании внуков, делятся своим опытом, оказывают материальную поддержку своим детям и внукам. Так, в России 64,3% пожилых людей помогают своим детям, живущим отдельно, 34,9% - не помогают, 0,8% затруднились ответить. 67,6% из тех, кто не помогает своим детям, объясняют это тем, что дети не нуждаются в их поддержке. Наиболее распространённым типом поддержки со стороны пожилых родителей является помощь в воспитании внуков, а также помощь в виде денег и продуктов. Реже всего пожилые родители оплачивают своим детям жильё и покупают вещи (Рисунок 19).

Рисунок 19 - Тип помощи, которую пожилые оказывают детям

Источник: КОУЖ, 2011 г.

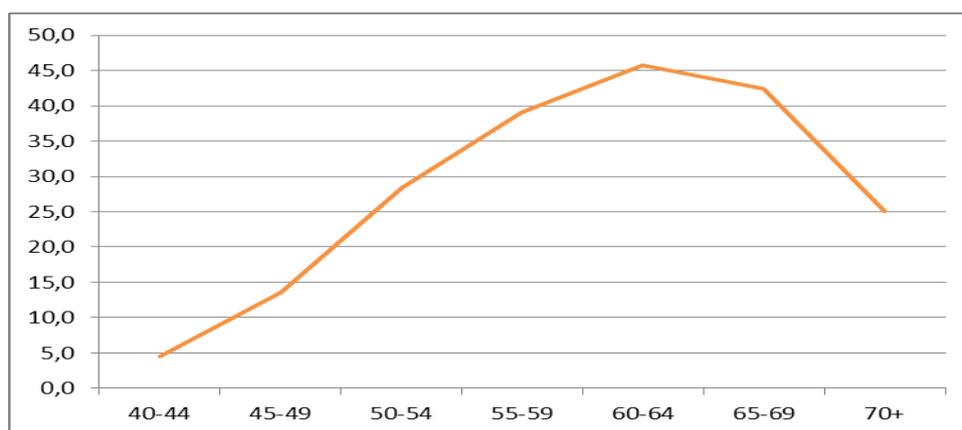

Рисунок 20 – Доля бабушек/дедушек, помогающих в воспитании внуков, 2011 г.

Источник: КОУЖ, 2011 г.

В наибольшей степени в воспитание внуков вовлечены бабушки/дедушки в возрасте от 60 до 64 лет. Возраст 60-64 года является переломным с точки зрения участия в воспитании внуков: до этого возраста доля неуклонно растёт, а после начинается стремительное снижение (Рисунок 20).

3. Роль частных трансфертов в изменении благосостояния домохозяйств

Частные трансферты вносят значительный вклад в повышение благосостояния россиян. Согласно расчётам по данным РМЭЗ – НИУ ВШЭ в 2013 году средний месячный размер получаемых частных материальных трансфертов, оказался равным 7854 руб., что составляет около 22% от общего бюджета домохозяйств, получающих частные трансферты. Вклад частных трансфертов в доход домохозяйства оказался выше, чем, например, вклад пособия по безработице (13,6%), пособия на детей (7,6%), вклад государственных субсидий и доплат (6,9%). Получение помощи от родственников является второй по популярности формой адаптации домохозяйства к трудному материальному положению после различных форм экономии (экономии на покупках одежды и обуви, экономии на развлечениях, экономии на питании). Поддержка со стороны неформальной сети в сложной жизненной ситуации является намного более распространённой практикой (10,6% ответов), чем получение помощи от органов социальной защиты или других государственных организаций (2% ответов). Таким образом, частные трансферты расцениваются россиянами как важный страховой механизм. В сложной жизненной ситуации на помощь со стороны неформального окружения, в первую очередь на помощь родственников, в России рассчитывают значительно больше, чем на помощь со стороны государства.

Состав домохозяйства выступает важным фактором, дифференцирующим вклад частных материальных трансфертов в бюджет домохозяйства. Согласно расчётам по данным РМЭЗ - НИУ ВШЭ, родственная поддержка вносит наибольший вклад в формирование бюджета домохозяйств-одиночек, состоящих из лиц в трудоспособном возрасте (43,6%) и неполных семей (33,2%); наименьший – для домохозяйств пожилых супругов (5,4%), сложных домохозяйств (11,4%) (Таблица 28). При

этом поддержка от родственников и друзей является одним из трёх основных источников средств к существованию для 18% неполных семей и 14% супругов с детьми (Таблица 29). Это согласуется с данными переписи, приведёнными нами во второй главе, в соответствии с которыми, «иждивение, помощь других лиц, алименты» является наиболее распространённым по сравнению с другими источниками для домохозяйств, состоящих из *супружеской пары с несовершеннолетними детьми* (48,1% домохозяйств) и для *неполных семей* (54,4% домохозяйств).

Таблица 28 - Доля частных трансфертов в располагаемом денежном доходе домохозяйства по типам домохозяйств, %

<i>Тип домохозяйства</i>	<i>Доля частных трансфертов в доходе домохозяйств-получателей</i>
Одиночки трудоспособного возраста	43,6
Одиночки старше трудоспособного возраста	28,3
Супруги без детей (молодые)	21,4
Супруги без детей (старший возраст)	26,4
Супруги с детьми	16,7
Неполные семьи	33,2
Сложные домохозяйства с детьми	11,4
Прочие домохозяйства	16,9
Все домохозяйства	21,3

Источник: РМЭЗ, 2013 г.

Таблица 29 - Домохозяйства, указавшие помощь родственников как один из 3-х основных источников средств к существованию, %

<i>Тип домохозяйства</i>	<i>Доля домохозяйств в общем числе домохозяйств соответствующего типа</i>
Неполные семьи	17,9
Супруги с детьми	13,7
Прочие домохозяйства	7
Сложные домохозяйства	6,7
Одиночка старше трудоспособного возраста	5,3
Супруги без детей (старший возраст)	5,2
Супруги без детей (молодые)	4,3
Одиночка в трудоспособном возрасте	4
Все домохозяйства	7,6

Источник: ВНДН, 2012 г.

Частные трансферты являются одним из трёх основных источников дохода для домохозяйства наряду с рынком и с государством. Зачастую ресурсы, которые получают домохозяйства в процессе частных обменов, аналогичны тем, которые обеспечивает социальная поддержка: материальная поддержка малоимущих, уход за престарелыми и т.д. Как соотносятся государственные и частные трансферты? Являются ли частные трансферты субститутами по отношению к государственным трансфертам?

Согласно расчётам по данным ВНДН-2012, среди тех, кто не получал государственные трансферты, материальную поддержку от родственников имели 74,5% домохозяйств, в то время как среди получателей государственных трансфертов лишь 16,4% получали частные трансферты. Это говорит о том, что частные трансферты могут восполнять провалы социальной поддержки.

Безусловно, система социальных трансфертов в России охватывает значительное число домохозяйств. Однако, как показывают исследования, даже в обществах с развитой системой социального обеспечения, значимость внутрисемейной поддержки не снижается. Более низкая материальная взаимозависимость поколений в семье компенсируется усилением интимности и психологической наполненности межпоколенных взаимодействий. В зарубежной литературе данная концепция получила название «crowding in» в отличие от противоположной концепции «crowding out» [Künemund, 2003; Künemund, Harald, 2003]. Суть её состоит в том, что по мере развития государства всеобщего благосостояния наблюдается процесс субституции частных материальных трансфертов частными инструментальными (куда входит в том числе и эмоциональная поддержка). Это связано с тем, что предметом внутрисемейного обмена часто выступают уникальные блага, которые не имеют явных альтернативных субститутов: любовь, забота, привязанность [Laferrere, Wolff, 2006]. Поэтому развитие системы государственного обеспечения скорее создаёт условия для развития семейной солидарности, а не вытесняет её.

Как отмечал А.Г. Вишневский [Вишневский, 1979] появление и распространение государственных институтов, берущих на себя выполнение тех или иных функций, традиционно выполняемых семьей, не может полностью заменить поддержку семьи. Другими словами, государственные трансферты не могут быть полными субститутами для частных. Вишневский отмечает, что «История пока не создала института, который хотя бы отдаленно мог сравняться с семьей по многообразию выполняемых функций...» [Вишневский, 1979].

Частные материальные трансферты вносят более существенный вклад в формирование бюджетов российских домохозяйств, чем социальные трансферты. Если под социальными трансфертами понимать пособия, субсидии и доплаты, а также стипендии для студентов, то их доля в доходах семей-получателей в среднем составляет менее 10%, что в 2 раза меньше доли помощи родных и друзей (Таблица 30).

Таблица 30 - Доля социальных трансфертов* в доходах домохозяйств-получателей (за последние 30 дней), %

Тип домохозяйства	Социальные трансферты	В т.ч.:		
		Пособия**	Стипендии	Субсидии и доплаты***
Все домохозяйства	8,7	8,9	8,0	7,0
из них по типу домохозяйства:				
Одиночки трудоспособного возраста	24,4	-	25,3	22,5
Одиночки старше трудоспособного возраста	10,0	-	-	10,0
Супруги без детей (молодые)	7,0	5,0	6,3	8,4
Супруги без детей (старший возраст)	6,1	-	-	6,1
Супруги с детьми	7,9	8,4	3,0	8,3
Неполные семьи	12,3	11,4	6,0	13,0
Сложные домохозяйства	5,0	6,0	3,2	4,7

* без учета пенсий

** пособие по безработице и все пособия на детей

***субсидии и доплаты на топливо, на жилье и коммунальные услуги, налоговые вычеты, льготы на оплату жилья и ЖКУ
 Источник: расчет на данных РМЭЗ-ВШЭ 2013г.

Доля получателей социальных и частных трансфертов различается в зависимости от типа домохозяйства. Частота оказания социальной помощи намного выше у пожилых, именно они значительно чаще получают различного рода пособия, субсидии и доплаты, чем семьи с детьми (Рисунок 21). Сложные многопоколенные домохозяйства, в состав которых зачастую входят пожилые родственники, также часто получают социальную поддержку. Проводимая с 2007 года социальная политика поддержки семей с детьми дает результат с точки зрения частоты получения пособий семьями – более трети из них являются получателями разного вида пособий на детей, что отразилось на соотношении частоты получения частных и социальных трансфертов в пользу последних. Вместе с тем, роль социальных пособий менее значима для доходов домохозяйств с детьми, чем помощь родственников (таблица 28 и таблица 30).

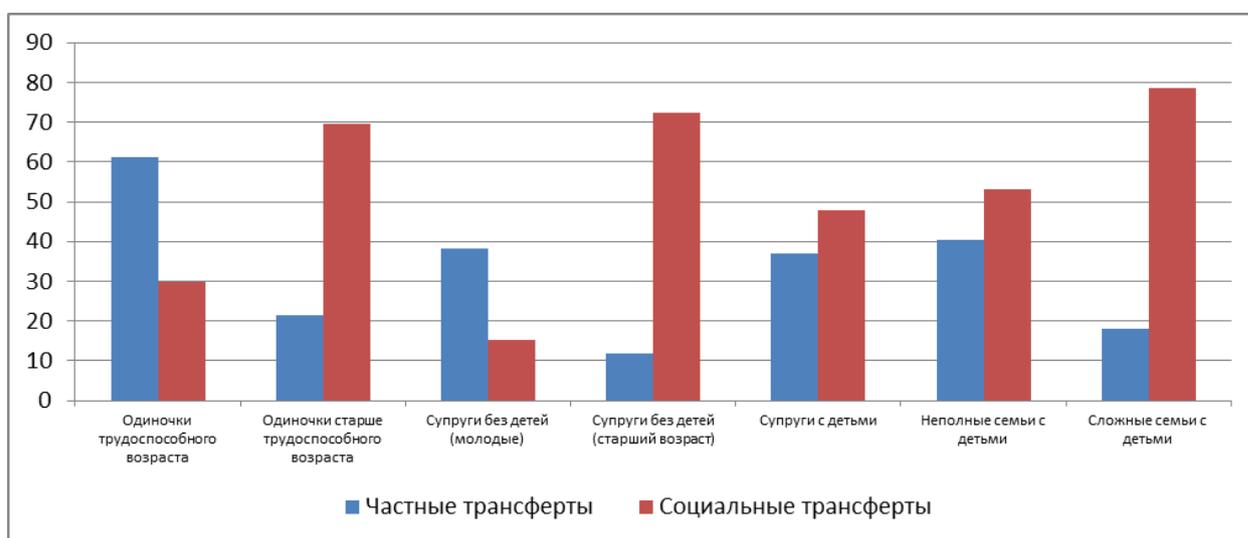

Рисунок 21 – Доля получателей социальных и частных трансфертов в разных типах домохозяйств, %.

Источник: расчет на данных РМЭЗ-ВШЭ 2013г.

К группам домохозяйств, для которых частота получения помощи от родственников заметно превышает социальную поддержку, относятся молодые одиночки, выделившиеся из семьи родителей, и молодые супруги без детей. Именно эти домохозяйства, находящиеся на начальных этапах жизненного цикла, и чей доход не позволяет пока обеспечивать свои даже минимальные потребности, нуждаются в поддержке, но социальная политика в отношении этих групп в России развита слабо.

На основе проведенного количественного анализа выделим основные типы стратегий участия домохозяйств разного демографического типа в частных межпоколенных трансфертах. Перечислим критерии, лежащие в основе предлагаемой типологии:

- степень вовлечённости домохозяйств разного демографического типа в частные материальные («50% домохозяйств и более» - высокая, «40-49%» – средняя, «менее 40%» - низкая) и инструментальные обмены («30% и более» по одному из типов помощи – высокая; «10% и более» по одному из типов помощи – средняя; «менее 10%» по каждому типу помощи - низкая);
- роль домохозяйств разного демографического типа в материальных обменах (донор/реципиент) («свыше 50% домохозяйств только помогает/ только получает» – чистый донор/реципиент; «50% и меньше» – средняя позиция);
- доля получаемых частных материальных трансфертов в бюджете домохозяйств разного демографического типа: «30% и выше» – высокая, «15-29» - средняя, «менее 15» – низкая.
- тип получаемой инструментальной помощи домохозяйствами разного демографического типа (функциональная/ помощь в работе по дому/ помощь в уходе за детьми).

На основе оценки участия домохозяйств разного типа в частных обменах по выделяемым критериям мы выделяем четыре основных типа

стратегий участия домохозяйств в частных обменах: 1) акцептор материальных и инструментальных трансфертов, 2) донор материальных и акцептор инструментальных трансфертов, 3) активный участник материальных обменов, инструментальные трансферты получает редко, 4) участник, слабо вовлечённый в частные обмены. Первый тип стратегии реализуют домохозяйства супругов с детьми и домохозяйства, состоящие из неполных семей; второй тип стратегии - пожилые супруги, пожилые одиночки; третий тип стратегии - супруги трудоспособного возраста, одиночки трудоспособного возраста; четвёртый тип стратегии – прочие и сложные домохозяйства (Таблица 31).

Таблица 31 - Оценка участия домохозяйств разного типа в частных обменах по выделяемым критериям

Тип домохозяйства	Степень вовлечённости домохозяйства в...		Роль в материальных обменах	Тип получаемой инструментальной помощи	Доля получаемых материальных трансфертов в бюджете домохозяйства
	материальные трансферты	инструментальные трансферты			
Супруги с детьми	средняя	высокая	реципиент	уход за детьми, помощь в работе по дому	средняя
Неполные семьи	высокая	высокая	реципиент	уход за детьми, помощь в работе по дому	высокая
Супруги без детей (пожилые)	средняя	высокая	донор	помощь в работе по дому, функциональная помощь	средняя
Одиночки (пожилые)	средняя	высокая	донор	помощь в работе по дому, функциональная помощь	средняя
Одиночки (трудоспособные)	высокая	низкая	и получают и помогают	помощь в работе по дому	высокая
Супруги без детей (трудоспособные)	высокая	низкая	донор	помощь в работе по дому	средняя

Сложные домохозяйства	низкая	средняя	и получают и помогают	уход за детьми	низкая
Прочие домохозяйства	низкая	средняя	донор	помощь в работе по дому	средняя

Обобщая результаты количественного этапа исследования, подведём некоторые итоги.

1. Неформальные обмены в России являются распространённой практикой. Так, в 2013 году, согласно расчётам по данным РМЭЗ, в обменах материальными трансфертами (деньгами или товарами) участвовало 45% домохозяйств, помощь в виде услуг получили 16,5% домохозяйств.
2. Роль домохозяйства в системе частных трансфертов во многом определяется его типом. Чистыми донорами материальных трансфертов чаще всего выступают домохозяйства супругов без детей (старший возраст) (75,1% от участвующих в частных трансфертах домохозяйств соответствующего типа), супруги без детей (молодые) (67,2% от участвующих домохозяйств соответствующего типа), а также прочие домохозяйства (62,3% от участвующих домохозяйств соответствующего типа). Чистыми акцепторами (те, кто только получают помощь) материальных трансфертов являются неполные семьи (69,8% от участвующих домохозяйств соответствующего типа) и семьи с детьми (66,8% от участвующих домохозяйств соответствующего типа).
3. Наиболее активно обмен частными материальными трансфертами происходит между родственниками, при этом преобладает поток от родителей к детям. Материальную помощь от родителей чаще всего получают супруги без детей (молодые), супруги с детьми, а также одиночки трудоспособного возраста. Акцепторами помощи от детей чаще всего выступают супруги без детей (старший возраст), одиночки старшего возраста и сложные домохозяйства.
4. Несмотря на то, что родители практически любого возраста чаще отдают, чем получают материальные трансферты от своих взрослых детей, с

возрастом сокращается доля родителей, оказывающих материальную поддержку своим взрослым детям, и в возрастной группе 70+ доля тех родителей, кто получает от детей денежную помощь, начинает превышать долю родителей, поддерживающих своих детей деньгами.

5. Помощь по дому и в личном подсобном хозяйстве чаще всего получают пожилые одиночки и пожилые супруги. Они же являются основными реципиентами ухода во время болезни. Доля родителей, за которыми дети ухаживают во время болезни, растёт по мере перехода к более старшим возрастным группам и для родителей в возрасте от 70 лет и старше составляет 44,7%.
6. Домохозяйства, состоящие из пожилых людей, часто являются донорами помощи в воспитании внуков. В наибольшей степени в воспитании внуков участвуют бабушки/дедушки в возрасте от 60 до 64 лет. Возраст 60-64 года является переломным с точки зрения заботы о внуках: до этого возраста доля неуклонно растёт, а после снижется.
7. Одиночки трудоспособного возраста и супружеские пары, где глава семьи в трудоспособном возрасте, чаще получают материальную поддержку от родственников, чем от государства. При этом для всех выделяемых типов домохозяйств материальная поддержка от родственников вносит более весомый вклад в бюджет домохозяйства, чем социальные трансферты (под социальными трансфертами понимаются пособия, субсидии, доплаты и стипендии для студентов).
8. Частные материальные трансферты существенно повышают экономическое благосостояние получателей помощи. Доля частных материальных трансфертов составляет в среднем около 22% от общего бюджета домохозяйств-получателей. Частные материальные трансферты вносят наибольший вклад в бюджет домохозяйств-одиночек, состоящих из лиц в трудоспособном возрасте и неполных семей; наименьший – для сложных домохозяйств. При этом поддержка от родственников и друзей

является одним из трёх основных источников средств к существованию для 18% неполных семей и 14% супругов с детьми.

3.2.2 Основные результаты качественного исследования

На втором этапе исследования мы пытались дополнить результаты количественного этапа исследования анализом субъективных оценки роли частных трансфертов; особенностей восприятия частных трансфертов; мотивов неформальной родственной поддержки. Результаты качественного этапа исследования дополняют полученные нами количественные оценки, позволяя создать контекст интерпретации количественных результатов.

В целом можно отметить, что в ответах информантов о том, какую роль в их жизни играют частные обмены, прослеживались одновременно две противоречивые тенденции. С одной стороны, наблюдались индивидуалистические настроения, выражающиеся в ориентации исключительно на собственные силы:

- А какую роль помощь от родственников, друзей, знакомых играет для Вас? Большую роль или незначительную?

- Да нет, незначительную. Ну, я, как бы это, привык справляться сам (муж., 47 лет, живёт один).

А с другой стороны практически все информанты оценивали поддержку со стороны родственников, друзей и знакомых как первый и наиважнейший «спасательный круг» в трудной жизненной ситуации:

- Скажите, а в сложной жизненной ситуации, вы к кому первому обращаетесь?

- К бабушке (жен., 21 год, сирота, живет с мужем и сыном).

- А вот в сложной жизненной ситуации к кому первым Вы обратитесь за помощью?

- К матери. к кому?! (муж., 56 лет, живёт с женой и несовершеннолетним ребёнком).

При этом деревенские жители отмечали, что поддержка со стороны родственников и друзей особенно важна именно в сельской местности:

- Скажите, а в настоящее время можно жить обособленно от родственников, смогли бы Вы так?

- Ну, я думаю, было бы сложнее намного. Может, в городе и можно было бы, потому что в городе нет подсобного хозяйства, огорода, ягод, а в деревне сложнее. Нужно заниматься помимо хозяйства, помимо ребенка нужно чем-то заниматься, поэтому в деревне сложно без помощи (жен., 21 год, сирота, живет с мужем и сыном).

Следует отметить, что в процессе исследования была замечена склонность информантов приуменьшать собственную потребность в посторонней помощи:

- А Вам они как-то помогают, дети?

- Ну, особо я... я в основном справляюсь сама. Так что... (жен., 63 года, живёт с мужем пенсионного возраста).

И в то же время информанты подчёркивали высокую значимость своей поддержки для других людей:

- А как Вы считаете, та помощь, которую Вы оказываете своим родственникам – например, помощь дочери, когда внуки росли, - это значимая помощь для них или они бы могли без неё обойтись?

- Я считаю, значимая (жен., 63 года, живёт с мужем пенсионного возраста).

Это может быть связано с тем, что указание на получение помощи от родственников, друзей, соседей могло восприниматься информантами как признание в собственной несостоятельности, несамостоятельности, зависимости. Вероятно, с этим были связаны противоречия в ответах информантов (респондентов), которые одновременно указывали на то, что помощь со стороны близких людей не всегда для них важна:

- Вообще, какую роль помощь от близких играет для вас? Большую или незначительную?

- *Когда как. Когда большую, когда и не особо* (муж, 56 лет, живёт с женой и несовершеннолетним ребёнком).

И в то же время отмечали, что без неё невозможно прожить:

- *А вот как Вы думаете, можно ли сейчас человеку жить одному, чтобы ему никто не оказывал помощь, и чтобы он сам никому не помогал?*

- *Нет.*

- *Почему?*

- *Потому, что не выживешь у нас* (муж., 56 лет, живёт с женой и несовершеннолетним ребёнком).

Роль частных трансфертов не ограничивается страхованием от трудных времён. Обмены между родственниками, друзьями не прекращаются и в благополучные времена, когда нет острой необходимости в помощи. Например, сельчане снабжают своих родственников, друзей продуктами с собственного участка:

- *А вот за последний год оказывали ли Вы помощь братьям какую-нибудь?*

- *Ягод посылаю им каждый год. Это помощь?* (45 лет, живёт с женой)

Также помощь по хозяйству со стороны детей не только снижает нагрузку на родителей, но и служит дополнительным поводом вместе провести время. Помощь внукам и взрослым детям может выступать для пожилых людей как способ избежать социальной изоляции, почувствовать свою значимость, свою причастность к делам семьи. Таким образом, трансферты играют роль поддержания социального статуса семьи или проявления дружеского отношения между людьми.

Обмены помощью между родственниками, друзьями и знакомыми настолько сильно вплетены в полотно повседневной жизни россиян, что не воспринимаются как нечто особое, из ряда вон выходящее. В то же время отмеченная обыденность феномена частных трансфертов затрудняла получение информации, так как выделить отдельные акты помощи и оценить их для самих респондентов иногда представлялось

затруднительным. В связи с этим возникали некоторые противоречия в ответах. Например, сначала информант утверждает, что помощь со стороны родственников для него незначима.

- А какую роль помощь от родственников, друзей, знакомых играет для Вас? Большую роль или незначительную?

- Да нет, незначительную. Ну, я как бы это привык справляться сам (муж., 47 лет, живёт один).

Однако затем признаётся, что он обращается за помощью по хозяйству к детям.

- Вот как Вы думаете, можно ли в настоящее время прожить обособленно? То есть никому не помогая, и чтобы Вам никто не помогал?

- Да нет. Это сложновато. Я, конечно, детей подключаю. Вот мёд вместе достаём (муж., 47 лет, живёт один).

Восприятие помощи от родственников как обыденности способствовало в некоторых случаях преуменьшению её значимости. Например, в одном из интервью информант при ответе на вопрос о помощи со стороны родителей отмечала:

- Ну, мама помогала, конечно. Она очень любила детей. Даже когда я Катерину отправляла в пионерский лагерь от Союза Художников, она приезжала туда, снимала в деревне комнату, чтобы с ней видеться. Ей это было необходимо (жен., 87 лет, проживает одна).

Однако позже при неформальной беседе, которая состоялась после интервью, случайно выяснилось, что в молодости информантка была очень увлечена своей карьерой, поэтому на ребёнка у неё совсем не оставалось времени. И, если бы не мама, которая фактически взяла на себя воспитание внучки, она бы отдала своего ребёнка в детский дом. В процессе интервью информантка не указала на столь значимую роль поддержки от матери, вероятно, считая ее естественной.

Таким образом, помощь со стороны неформального окружения, в первую очередь родственников, воспринимается как само собой

разумеющееся явление. Аналогичные противоречия, обусловленные обыденностью частных обменов, обнаруживались и при проведении других обследований [Белокрылова, 2013].

Родственная сеть воспринимается как безусловная опора – семья поможет, даже если сама находится в трудном положении:

- А когда Вы помогаете своим детям, или, когда раньше помогали, Вы рассчитывали на то, что когда Вы станете пожилым человеком, и Вам нужна будет помощь, то они будут Вам помогать?

- Я что-то даже об этом даже не задумывалась. Я считаю, что меня мои дочери никогда не бросят. Как бы им плохо не было, но меня я думаю, что никогда не бросят (жен., 63 года, живёт с мужем пенсионного возраста).

Некоторые информанты отмечали, что помощь от родителей не прекращается, даже если отношения между родителями и детьми являются напряжёнными:

- ...мама, конечно, всегда старается помочь. На нее хоть кричи, хоть не кричи, она всегда заворачивает банок, погружает на машину... (жен., 39 лет, живёт с несовершеннолетней дочкой).

И действительно, как показывают результаты других исследований [Барсукова, 2004], ни нищета, ни богатство не приводят к выходу из мира частных обменов.

Семья воспринимается как более надёжный источник поддержки, чем государство: *- А как Вы считаете, могут ли люди в нашей стране жить обособленно или положиться на государство, или семья – это более надёжная опора?*

- Я считаю, что семья – конечно! (жен., 63 года, живёт с мужем пенсионного возраста)

Кроме того, никто из информантов не указал, что в сложных жизненных ситуациях полагался или рассчитывает полагаться на поддержку со стороны формальных институтов: государственных (муниципальных) органов и учреждений, различных организаций. Как показывают

исследования [Никулин, 1998], чем сильнее ослабевает патронажная функция государства, чем меньше груз социальных обязательств, которые берут на себя крупные экономические агенты, тем более организована и широкомасштабна межсемейная кооперация как объединение усилий в целях выживания. Эта логика вполне справедлива и для ситуации, которая наблюдается в данном обследовании. В условиях недостаточности мер государственной социальной поддержки усиливается роль помощи со стороны родственников.

В своих сравнительных оценках относительно надёжности государственной и родственной поддержки респонденты часто ссылались на присущую России неустойчивость формальных институтов:

-...Вы знаете, я считаю, что для нашей страны неформальная система поддержки значит больше, чем система государственных институтов... - Почему? - ...Если в большинстве стран мира человек зависит от системы построенных законов, то в России закон зависит от человека... (жен., 58 лет, живёт с мужем).

Помимо того, что частные трансферты воспринимаются как важнейший источник поддержки, они также наделяются определённым сакральным значением. Это хорошо прослеживается, когда речь идёт об уходе за пожилыми людьми, нуждающимися в функциональной поддержке. Никто из сельчан не приемлет ситуацию, когда пожилых родителей, нуждающихся в уходе, размещают в специализированные учреждения:

- А как Вы относитесь к тому, что некоторые люди своих родителей отправляют в специализированные учреждения?

- Очень отрицательно. Мне кажется, что так нельзя. Если нас родили, нас подняли, то мы должны, как сказать, ну не долг, а ну человеческое должно быть отношение к родителям в первую очередь (жен., 56 лет, живёт с мужем).

И дело тут вовсе не в материальной стороне вопроса. Уход за пожилыми родителями воспринимается как моральный долг младшего

поколения. Хотя не только младшие поколения в семье «должны» старшим, но и забота о младших оценивается как природная необходимость:

- А когда Ваш сын был маленький, мать помогала в воспитании?

- Конечно, конечно! Пока не поженятся, пока замуж не повыходят, это в порядке вещей.

- Получается, она сидела с внуком?

- Да, и сидела, и в садик водила. Как обычно, как и должно быть по природе» (жен., 56 года, живёт с мужем).

Определённая сакральность проявляется и в том, что, чтобы оказать помощь близкому человеку, попавшему в трудное положение, родственники готовы пойти на значительные жертвы:

- Ну а если в случае болезни, кто-то матери помогает?

- Да-да. Конечно. Вот в прошлом году она заболела, ей операцию делали. Я была вынуждена уехать, всё бросить. Не отходила от неё три месяца. Потом-то, когда она уже оклемалась, всё встало на свои места. А так-то, конечно. Естественно, как мать? Мать никак не бросить (жен., 56 года, живёт с мужем).

Именно мотив, основанный на чувстве долга, зачастую выступал одним из доминирующих в оказании поддержки родственникам.

В связи с тем, что пожилые люди не зависят от неустойчивости на рынке труда, они зачастую оказываются в более стабильном финансовом положении, чем молодое поколение. В селе пожилые люди регулярно получают пенсию, размеры которой сопоставимы или даже превосходят средний заработок:

- У меня 12 тыс. По деревне это нормально (про пенсию)...

- Скажите, как живут взрослые люди без пенсии? Ведь у вас зарплаты небольшие.

- Ой, кошмар, вот представьте. Семья 4 человека – двое детей и муж с женой. Получают на всех 20 тыс.... Молодым вообще кошмар... Я смотрю

Якубовича «Поле чудес». И там спрашивают: «Какая у вас зарплата?... В неделю? - Нет, в месяц... (жен., 73 года, живет одна).

По оценкам информантов средний размер пенсии у местных сельчан составляет около 10 тысяч рублей. Положение тех, кто ещё не достиг пенсионного возраста значительно сложнее:

- А вот в целом как бы оценили своё материальное положение?

- Ну, материальное положение... Ниже нищего (смеется). Какое может быть материальное положение? Жена работает на почте, получает 2 тысячи. В месяц (муж., 45 лет, безработный, живёт с женой).

- Ну, вот в среднем в месяц у вас сколько выходит?

- Ну, тысяч 13-15.

- Вам хватает? Как бы вы оценили?

- Совсем, нет (жен., 21 год, живет с мужем и сыном).

Поэтому поток финансовых трансфертов в сельских семьях чаще всего направлен от старшего поколения к младшему:

- Внуков-то мне надо учить. Поэтому я пенсию, естественно делю на троих – себе, сыну и дочери (жен., 73 года, живет одна).

- А сын помогает деньгами?

- Мне своей пенсии-то хватает. Я ему ещё помогаю наоборот. Если я чего подкоплю – то делюсь (жен., 75 лет, живёт одна).

Хотя, как показали результаты количественного этапа исследования, в городе поток материальных частных трансфертов также направлен от родителей к детям. Младшее поколение, как правило, помогает трудовым участием:

- Ну а в чем это (помощь родителям) проявляется? По хозяйству или как?

- По хозяйству, там, например, что-то по дому. Например, там у них крыша, трубу переложить - вот такое. В бане, вот у меня муж тоже ходил, у бани перекрывали крышу у них. Вот. Вот такие вот работы.

- А финансовая помощь бывает?

- Финансово... У них хватает в принципе своих... У них пенсия (жен., 40 лет, живёт с мужем и несовершеннолетней дочерью).

Если есть близкие люди (например, дети), которые могут помочь в хозяйственных делах, то альтернатива найма вообще не рассматривается. Те, кто получают помощь по хозяйству от родственников или знакомых, отмечают, что даже примерно не представляют, сколько бы это стоило, если нанимать посторонних людей:

- Дети приезжают, помогают с огородами, потому что картошки много садим, огород большой. Надо копать, сажать.

- А вы могли бы как-то перевести эту помощь в денежное выражение?

- Как я могу это сделать?!

- Ну, если бы вы нанимали помощника за деньги, а не родственники вам помогали.

- Я даже не знаю. Я никогда не нанимала, даже не знаю, сколько это стоит. Всегда своей семьей справляемся (жен., 55 лет, живет с мужем).

Однако старшее поколение также помогает младшему трудовым участием, только выражается оно несколько в другом, а именно – в заботе о внуках:

- Ну, например, даже вот допустим, если мне нужно куда-то отлучиться, я всегда отдаю ребенка бабушке, ну допустим, если мне не с кем его оставить, в первую очередь я ребенка отдаю либо бабушке моей, либо маме, то есть свекрови. В любом случае, они в первую очередь, мама и бабушка (жен., 21 год, сирота, живет с мужем и сыном).

При этом зачастую уход за внуками становится ключевой деятельностью старшего поколения в семье. Прародители «подстраивают» свою жизнь под уход за внуками:

- А чем Вы обычно занимаетесь здесь (в деревне)?

- Ну, вот у меня есть Юля (внучка), есть дом этот, в котором всегда полно гостей, и есть огород. Но Юлю я выношу за скобки, Юля-это главное

действующее лицо в моей жизни, поэтому, на что там еще времени хватает или на огород, или на дом. Так что бы это было в таком порядке, в каком положено (жен., 70-75 лет, живёт с дочкой и внучкой).

Помощь со стороны дедушек и бабушек в уходе за внуками позволяет родителям выйти на работу в условиях больших трудностей с устройством ребёнка в детский сад, а также экономить на продуктах питания, так как вопрос о компенсации затрат в связи с пребыванием внуков, как правило, не ставится. В условиях сельской жизни возможность оставить ребёнка с родственниками практически не имеет альтернатив. Поэтому помощь бабушек и дедушек играет колоссальную роль в жизни молодой семьи.

Результаты качественного этапа исследования подтверждают результаты количественного этапа исследования. Как следует из приводимых выше цитат из ответов информантов, домохозяйства неполных семей и семей с детьми указывают на получение материальной поддержки и помощи в воспитании внуков от старшего поколения. В то время как супруги и одиночки старшего трудоспособного возраста отмечают в основном получение инструментальной помощи от представителей младшего поколения (детей, племянников).

По результатам качественного этапа исследования можно сделать следующие выводы.

Мотивы частных межпоколенных трансфертов:

– обмены между родственниками наделяются сакральным смыслом, оказание помощи родственникам воспринимается как **моральный долг**. При этом не только взрослые дети «должны» помогать своим престарелым родителям, но и родители «должны» помогать своим взрослым детям - в воспитании внуков, в материальном обеспечении в случае финансовых трудностей и т.д.

Субъективные оценки роли частных трансфертов:

– неформальное окружение расценивается как первый источник помощи в сложной жизненной ситуации, более надёжный, чем государство. Государство сравнительно с неформальным окружением воспринимается как более неустойчивая структура. На родственников рассчитывают как на безусловную опору: семья (в значении семейная группа) поможет, даже если сама находится в трудном положении.

– Значимость частных трансфертов не ограничивается выполнением страховой функции. Так обмены между родственниками, друзьями не прекращаются и в благополучные времена, когда нет острой необходимости в помощи. В этом случае трансферты играют роль поддержания социального статуса семьи, позволяют членам семьи ощутить свою общность.

Особенности восприятия частных трансфертов:

– люди склонны преуменьшать важность родственной поддержки, оказываемой им, и преувеличивать важность поддержки, которую оказывали они.

– Помощь со стороны родственников чаще всего воспринимается как обыденное и естественное явление.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на полемику о трансформации института семьи в современном обществе, важность родственных связей остаётся неоспоримой.

Как показало наше исследование, частные межпоколенные трансферты являются важным элементом экономики домохозяйств, источником моральной поддержки и помощи услугами. Родственная поддержка воспринимается как безусловная и основная опора в трудной жизненной ситуации. Особенности участия домохозяйств различного демографического типа в частных обменах в некоторой степени подтверждают, что интенсивность получения помощи связана с материальными трудностями домохозяйства, однако, можно говорить о более сложной системе отношений, чем просто помощь бедным.

Проведённое исследование позволило условно выделить четыре основных типа стратегий участия домохозяйств в частных обменах: акцептор материальных и инструментальных трансфертов, донор материальных и акцептор инструментальных трансфертов, активный участник материальных обменов, инструментальные трансферты получает редко, участник, слабо вовлечённый в частные обмены. Первый тип стратегии реализуют домохозяйства супругов с детьми и домохозяйства, состоящие из неполных семей; второй тип стратегии - пожилые супруги, пожилые одиночки; третий тип стратегии - супруги трудоспособного возраста, одиночки трудоспособного возраста; четвёртый тип стратегии – прочие и сложные домохозяйства.

Таким образом, логика материальных потоков скорее сводится к потоку помощи от старших к младшим. В то же время роль детей чаще сводится к инструментальной поддержке родителей (уход во время болезни, помощь по хозяйству), хотя старшее поколение тоже активно передаёт инструментальные трансферты младшему в виде ухода за внуками. Обмены между родственниками, друзьями не прекращаются и в благополучные времена, когда нет острой необходимости в помощи. В этом случае

трансферты играют роль поддержания социального статуса семьи, позволяют родственникам ощутить свою общность.

Происходящие демографические изменения влияют на особенности межпоколенных взаимодействий между родственными домохозяйствами. Трансформация демографического контекста межпоколенных отношений открывает новые возможности и ставит новые вызовы перед обществом. С одной стороны в результате роста ожидаемой продолжительности жизни удлиняется периода совместного проживания разных поколений в одном историческом пространстве, что расширяет возможности межпоколенных обменов.

В то же время новая демографическая реальность ставит новые вызовы перед системой межпоколенных трансфертов. Изменение в возрастной структуре населения способствует вертикальному расширению и горизонтальному сужению родственной группы, что означает рост доли пожилых членов семьи и снижение доли молодых родственников, способных оказать поддержку. В условиях роста продолжительности жизни изменяется структура жизненного цикла человека: при прочих равных условиях сокращается удельный вес периода трудовой активности и растёт удельный вес периода жизни на пенсии и периода обучения, а, значит, удлиняется этап жизни, когда индивид нуждается в поддержке. Распространение разводов, повторных браков и незарегистрированных союзов ведёт к усложнению семейной структуры и снижению прочности семейных связей. Повышение миграционной активности населения и нуклеаризация способствует территориальному разделению членов родственной группы, что сокращает возможности для взаимной поддержки.

Происходящие демографические изменения наряду с другими изменениями в обществе (социальными, культурными и пр.) оказывают влияние на состав домохозяйств, образующих родственную группу. Под влиянием этих изменений возрастает доля домохозяйств, которые без подпитки извне (частными или государственными трансфертами), скорее

всего, не смогут поддерживать уровень благосостояния на приемлемом уровне. К таким домохозяйствам в первую очередь относятся неполные семьи и одиночки, доля которых увеличивается. Как показало наше исследование, домохозяйства одиночек и неполных семей являются активными участниками системы частных обменов. Одновременно среди долговременных тенденций в трансформации структуры домохозяйств отмечается снижение доли супругов с детьми до 18 лет, что в перспективе ведёт к сокращению потенциала восходящего направления межпоколенной поддержки.

Новая демографическая реальность заставляет задуматься о перспективах межпоколенной солидарности, а также о готовности социальной системы государственного обеспечения взять на себя решение тех проблем, которые до сих пор решались за счёт родственной поддержки. Некоторые исследователи полагают, что полное осознание вклада частных трансфертов в поддержание благосостояния населения может произойти лишь в том случае, если «родственники и друзья скажут «нет»» ["What if we said no?": family and friends care, 2010].

Список литературы:

1. Барсукова С.Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02. Серия WP4. Социология рынков. – М.: ГУ-ВШЭ. 2004.
2. Барсукова С.Ю. Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 34-45.
3. Белокрылова О. С., Филоненко С. Ю., Фурса Е. В. Неформальное сетевое взаимодействие в снижении рисков бедности и социальной уязвимости (на примере Ростовской области) / Вопросы регулирования экономики. том 4. номер 4. 2013г.
4. Валентей Д. И., Кваша А. Я. Основы демографии: Учебник. – Мысль, 1989.
5. Виноградский В. Природные и социальные контексты неформальной экономики крестьянской России // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М: Логос, 1999. С.173—182.
6. Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России 1900–2000 // М.: Новое издательство, 2006.
7. Вишневский А.Г. Извечная ценность семьи // Правда. 1979. 2 апреля.
8. Вишневский А.Г. Похвала старению / Отечественные записки. № 3 (24). 2005.
9. Вишневский А.Г. Эволюция российской семьи. // Экология и жизнь. №7. М., 2008.
10. Волков А. Семейная структура населения России: факторы и тенденции / Российский демографический журнал. №1. 1996.
11. Волков А.Г. Избранные демографические труды: сб. науч. Ст. / сост. и науч. Ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 567 с.

12. Всероссийская перепись населения 2002 г. // URL: www.gks.ru (дата обращения: 12.04.2016)
13. Всероссийская перепись населения 2010 года // URL: www.gks.ru (дата обращения: 12.04.2016)
14. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах - 2012 // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/USP/survey0/data/description.pdf (дата обращения: 01.02.2016)
15. Выборочное обследование репродуктивных планов населения-2012 // URL: www.gks.ru (дата обращения: 20.12.2015)
16. Герасимова И.А. Структура семьи. М., 1976.
17. Гладникова Е.В. Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие. // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры (SPERO). №7. осень-зима 2007 // URL: http://spero.socpol.ru/docs/N7_2007-125-148.pdf (дата обращения: 15.03.2015)
18. Гладникова Е.В. Ключевые стратегии участия и типология российских домохозяйств в межсемейных обменах. // Препринт WP4/2009/05// – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ – 2009 (а). - С. 18.
19. Гладникова Е.В. Обзор подходов к исследованию частных межпоколенных трансфертов // Экономическая социология. 2009 (б). Т. 10. № 5. С. 93-110.
20. Градосельская Г.В. Сетевой анализ как метод исследования современных трансформаций // Социально-экономическая трансформация в России: научные доклады / Московский общественный научный фонд. М., 2001. С. 43-76.
21. Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии / Учебное пособие / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. — 248 с.].

22. Градосельская Г.В. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 156-163.
23. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1998.
24. Денисенко М.Б. Благополучие и трансферты пожилых людей в городах России (по материалам обследований в Нижнем Новгороде, Орле и Твери) // Демографические и социально-экономические аспекты старения населения: Вторые Валентеевские чтения: В 2 кн., кн.1: Москва, МГУ, 18-19 нояб. 1999: Тез. докл. / Науч. ред. В.М. Моисеенко. – М.: Диалог-МГУ, 1999. С.150-161.
25. Денисенко М.Б. Межпоколенные трансферты / «Экономика народонаселения» Под ред. В. А. Ионцева, А.А. Саградова. М., 2007.
26. Денисенко М.Б. Роль государства и семьи в экономической поддержке пожилых людей в России / «Население и доход» Под ред. А. А. Саградова. М., 2001.
27. Денисенко М.Б. Тихая революция. // Отечественные записки. №3(23). 2005.
28. Домохозяйство, семья и семейная политика / под ред. В.В. Елизарова, Н.В. Зверевой, М.: Издательство МГУ, 1997.
29. Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №. 2 2002.
30. Елисеева И.И., Прокофьева Л.М., Фести П. Влияние развода на межпоколенные контакты // Демографические и социально-экономические аспекты старения населения: Вторые Валентеевские чтения: В 2 кн. Кн. 1: М.: МГУ, 18–19 нояб. 1999: Тез. докл. / Науч. ред. В.М. Моисеенко. М.: Диалог – МГУ, 1999. С.171–188.
31. Захаров С.В. 2013 Куда движется супружество в России? // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema06.php> (дата обращения: 14.09.2015)

32. Захаров С.В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. №3(24). 2005.
33. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец 18-20 вв.). М., 1997.
34. Иванова Е.И. Межпоколенные трансферты и их роль в решении социальных проблем пожилых людей в сельской местности. The Fifth International Conference on “Public Sector Transition”. Association for Studies in Public Economics. 24-25 May 2002, St. Petersburg. // URL: http://www.aspe.spb.ru/Papers/24_6.pdf (дата обращения: 03.08.2014)
35. Иванова Е.И. Пожилой человек в сельской местности: родственные связи и межпоколенные трансферты. - Социальная политика: реалии XXI века. Выпуск 1. М., НИСП, 2003. с.135-164.
36. Кабалина В., Кларк С. Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России. М., 1999.
37. Кокс Д., Эзер З., Хименес Э. Экономическая поддержка семьи со стороны частных лиц в период перехода к рыночной экономике // Бедность в России. Государственная политика и реакция населения / Под ред. Д. Кругмана. Вашингтон: Институт экономического развития Всемирного банка, 1998.
38. Комплексное обследование условий жизни населения -2011, 2014 // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html (дата обращения: 03.05.2016)
39. Корчагина И., Прокофьева Л. Население России: о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых / Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе, М., 2007, с.314.
40. Котликофф Л., Бёрнс С. Пенсионная система перед бурей. Москва. 2005.
41. Краснова О.В. Пожилые женщины в семье в условиях большого города // Психология зрелости и старения. 1999(а). № 3. С. 41-69.
42. Краснова О.В. Роль пожилых людей в семье и обществе // Демографические и социально-экономические аспекты старения

- населения: Вторые Валентеевские чтения: В 2 кн., кн.1: Москва, МГУ, 18-19 нояб. 1999: Тез. докл. / Науч. ред. В.М. Моисеенко. – М.: Диалог-МГУ, 1999(б). С.189-202.
- 43.Критический словарь психоанализа. Санкт-Петербург: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1995.
- 44.Ламзина Е., Чеченева П. // Уход из родительского дома: to be or not to be? // Отв. редактор-составитель И.Е.Калабихина. М.2012.
- 45.Лежнина, Ю. П. Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности / Ю. П. Лежнина // Социологические исследования. 2010. № 3
- 46.Лефевр С., Прокофьева Л., Корчагина И., Станкуниене В., Гедвилайте М., Бадурашвили И., Сирбиладзе М. Роль семьи и общества в межпоколенной солидарности: мнение населения во Франции, Грузии, Литве и России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1 / Под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С.353–387.
- 47.Ли Р., Мэйсон Э. Цена зрелости / Финансы и развитие, Июнь 2011.
- 48.Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. Спб., 2010.
- 49.Лылова О.В. Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе. // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 83-86.
- 50.Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47.
- 51.Микроперепись России, 1994 г.
- 52.Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.), 2 том, СПб., "Дмитрий Буланин", 583 стр.
- 53.Миронова А.А. Магистерская диссертация: «Демографические факторы межпоколенных трансфертов в России». 2012 г.

54. Миронова А.А. Родственная межпоколенная солидарность в России // СоцИс. 2014. № 6.
55. Миронова А. А. Источники статистических данных о частных межпоколенных трансфертах в России: ограничения и перспективы // Вопросы статистики. 2015. № 3
56. Неформальная экономика / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос. 1999.
57. Никитенко В.В. Демографический анализ поколений. М., 1979. 80 С.
58. Никулин А. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Дело, 1998.
59. Овчарова П., Прокофьева Л. Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // Мониторинг общественного мнения. Июль-август, 2000. N 4(48). С. 23
60. Прокофьева Л. М., Миронова А. А. (2014). Многопоколенность семей в России: масштабы и глубина // В кн.: Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши / Под общ. ред.: М. Б. Денисенко, В. В. Елизаров. Вып. 23. М.: МАКС Пресс.
61. Прокофьева Л. Домохозяйство и семья: особенности семейной структуры населения России / SPERO / №6 Весна-Лето, 2007.
62. Распределение малоимущего населения по основным группам по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // URL: gks.ru (дата обращения: 10.10.2015)
63. Римашевская Н.М. Семейное благосостояние и здоровье // "Таганрог - три с половиной". М. Т.1-Т.2. 1997.
64. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе // URL: <http://www.socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml> (дата обращения: 13.07.2014).
65. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения – НИУ ВШЭ, 2013 г.

- 66.Рощина Я. М. Основы моделирования экономического поведения домохозяйств на базе данных RLMS-HSE. – М., Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.
- 67.Ружже В.Л., Кадибур Т.С., Елисеева И.И. Структура и функции семейных групп. М., 1976.
- 68.Синявская О. В., Гладникова Е. В. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1 / Под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 517–544.
- 69.Сови А. Общая теория населения. Том второй «Жизнь населения». Перевод с французского Ф.Р. Окуневой. М: Прогресс. 1977.
- 70.Средний возраст матери при рождении первого ребенка, 1950-2012 / URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40acb1.php> (дата обращения: 24.10.2015)
- 71.Тихонова Е. Социальная эксклюзия в российском обществе / Общественные науки и современность, №6. 2002.
- 72.Толковый словарь обществоведческих терминов. Н. Е. Яценко. 1999.
- 73.Тындик А.О. Москва на фоне России: результаты новейших исследований репродуктивного поведения населения // В кн.: XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015.
- 74.Уход из родительского дома / Отв. редактор-составитель И.Е.Калабихина. М.2012.
- 75.Фадеева О. Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе. // Неформальная экономика: Россия и мир. Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 183-218.

- 76.Фрейка Т., Захаров С. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. Том 1. №1. 2014
- 77.Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство, М.: «Экономика», 1989 Гл.1 Крестьянская семья и влияние её развития на хозяйственную деятельность.
- 78.Штенберг И. Сетевые ресурсы в реальной практике стратегий выживания сельской местности // Неформальная экономика в постсоветском пространстве: проблемы исследования и регулирования. Спб., 2003.
- 79.Экономическая активность населения России – 2014 г. // URL: gks.ru (дата обращения: 03.03.2013)
- 80.Экономический глоссарий Всемирного банка // URL:worldbank.org (дата обращения: 03.03.2013)
- 81.Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика: Россия и мир / Под. ред. Т.Шанина. М.: Логос, 1999.
- 82.Этнография русского крестьянства Сибири, XVII — середина XIX в. М.: Наука, 1981.
- 83.Якубович В. Социальные возможности и экономическая необходимость включения городских домохозяйств в сети неформальной взаимопомощи. // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России. – М.,1999. С. 254-288.
- 84.Agree E.M., Ann E. Biddlecom and Thomas W. Valente Intergenerational Transfers of Resources between Older Persons and Extended Kin in Taiwan and the Philippines / Population Studies, Vol. 59, No. 2 (Jul., 2005), pp. 181-195
- 85.Albertini, Kohli M. The Generational Contract in the Family: An Analysis of Transfer Regimes in Europe Marco European Sociological Review VOLUME 29 NUMBER 4 2013 828–840 828, DOI:10.1093/esr/jcs061,

available online at www.esr.oxfordjournals.org, Online publication 6 July 2012

86. Albertini M., Kohli M., Vogel C. Intergenerational transfers of time and money in European families: common patterns—different regimes? // *Journal of European Social Policy*. – 2007. – T. 17. – №. 4. – C. 319-334.
87. Albuquerque P. C. The interaction of private intergenerational transfers types. 2014.
88. Auerbach A. J., Kotlikoff L. J., Leibfritz W. Introduction to "Generational Accounting around the World" // *Generational Accounting around the World*. – University of Chicago Press, 1999. – C. 1-8.
89. Bongaarts J., Burch T., Wachter K. W. Family demography: methods and their application. 1987.
90. Beard, J., Biggs, S., Bloom, D. E., Fried, L. P., Hogan, P. R., Kalache, A., & Olshansky, S. J. (2012). Global population ageing: Peril or promise? (No. 8912). Program on the Global Demography of Aging
91. Becker G. S. «A Treatise on the Family» // Harvard University Press. 1991.
92. Becker, G. (1974). A theory of social interactions. *The Journal of Political Economy*, 82, 1063-1093.
93. Becker, G. (1991). A treatise on the family (Enlarged ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press.
94. Becker, G. S., Tomes, N. (1976). Child endowments and the quantity and quality of children. *Journal of Political Economy*, 84, S142-163.
95. Bengtson V. L., Roberts R. E. L. Intergenerational solidarity in aging families: An example of formal theory construction // *Journal of Marriage and the Family*. 1991. p. 856-870.
96. Bengtson, Vern L. "Beyond the Nuclear Family: The Increasing Importance of Multigenerational Bonds" // *Journal of Marriage and Family*. 2001. Vol. 63. №1, p. 1–16.
97. Bernheim B. D., Shleifer A., Summers L. H. The strategic bequest motive. // *Journal of Political Economy*. 1985. Vol. 93. N 6. p. 1045-1076.

98. Bonsang E (2007) How do middle-aged children allocate time and money transfers to their older parents in Europe? // *Empirica*. 2007. № 34. P. 171–188.
99. Brandt M., Haberkern K., Szdlík M. Intergenerational Help and Care in Europe // *European Sociological Review*. 2009. Vol. 25. P. 585-601.
100. Caldwell J. C. *Theory of Fertility Decline*. London: Academic Press. 1982.
101. Caldwell J.C. A theory of fertility: from high plateau to destabilization // *Population and Development Review*. 1978. Vol. 4, №4.
102. Caldwell J.C. Mass education as a determinant of timing of fertility decline // *Population and Development Review*. 1980. Vol. 6, №2.
103. Caldwell J.C. On net intergenerational wealth flows: an update // *Population and development review*. 2005. Vol. 31. No 4. P.721-740.
104. Caldwell J.C. The mechanisms of demographic transition theory // *Population Studies*, 1981. Vol. 35, №1.
105. Caldwell J.C. Toward a restatement of demographic transition theory // *Population and Development Review*, 1976. Vol. 2, №3-4.
106. Census Bureau-2010 // URL: <http://www.census.gov/2010census/>
(дата обращения 10.01.2016)
107. Cheal, D. J. Intergenerational family transfers. *Journal of Marriage and the Family*. 1983. P. 805-813.
108. Chiatti C., Melchiorre M., Mirko Di Rosa, Principi A., Santini S., Döhner H., Lamura G. *Family Networks and Supports in Older Age* // *Aging in European society*: Springer, 2013.
109. Cicirelli V. G. Adult children's attachment and helping behavior to elderly parents: A path model // *Journal of Marriage and the Family*. 1983. P. 815-825.
110. Coward R. T., Dwyer J. The association of gender, sibling network composition, and patterns of parent care by adult children // *Research on Aging*. 1990. Vol. 12. P. 158-181.

111. Cowgill D., Holmes L. (1972). Aging and modernization. New York: Appleton-Century-Crofts
112. Cox D. Motives for private transfers // Journal for political Economy. 1987. Vol.95. №3. P. 509-46.
113. Cox D., Jimenez E. (1990). Achieving social objectives through private transfers: A review. The World Bank Research Observer, 5(2), 205-218.
114. De Santis, G. (2012). The Family, the Market Or the State?: Intergenerational Support Under Pressure in Ageing Societies (Vol. 100). Springer Science & Business Media.
115. Dwyer J., Coward, R. T. (1991). A multivariate comparison of the involvement of adult sons versus daughters in the care of impaired parents. Journal of Gerontology: Social Sciences. 46. P. 259-269.
116. Eurostat - Lifelong learning // URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&plugin=1&language=en&pcode=tsdsc440> (дата обращения 13.09.2014)
117. Eurostat (Census-2011) // URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/population-and-housing-census/census-data/2011-census> (дата обращения: 05.01.2016)
118. Frankenberg E., Lee Lillard and Robert J. Willis Patterns of Intergenerational Transfers in Southeast Asia // Journal of Marriage and Family. Vol. 64.№3 (Aug., 2002). P 627-641
119. Furstenberg F. F., Hoffman S. D., Shrestha L. The effect of divorce on intergenerational transfers: new evidence // Demography. 1995. Vol. 32. №3. Vol. 319-333.
120. Gaymu J., Festy P., Poulain M., Beets G. Future elderly living conditions in Europe (Les cahiers de l'INED, no. 162). Paris: INED. 2008.
121. Glaser K, Montserrat E R, Waginger U (et al) ; Grandparents Plus; Institute of Gerontology, King's College London; Beth Johnson Foundation - BJJ (2010) Grandparenting in Europe, London: Grandparents Plus : 89 pp.

122. Goode, W. (1963). *World revolution and family patterns*. Glencoe, IL: Free Press.
123. Grandparents Plus (2010) "What if we said no?": family and friends care, London: Grandparents Plus : 25 pp (Survey findings report)
124. Grundy E. Co-residence of mid-life children with their elderly parents in England and Wales: Changes between 1981 and 1991. *Population Studies*. 2000. Vol. 54. P. 193-206.
125. Hagestad G. O., Herlofson K. Micro and macro perspectives on intergenerational relations and transfers in Europe //United Nations expert group meeting on social and economic implications of changing population age structures. 2007. P. 3393-3457.
126. Hermalin, A. (1997). Drawing policy lessons for Asia from research on aging. *Asia-Pacific // Population Journal*. Vol. 12. P. 5-16.
127. Hogan D.P., David J. Eggebeen and Clifford C. Clogg *The Structure of Intergenerational Exchanges in American Families // American Journal of Sociology*, Vol. 98, No. 6 (May, 1993), P. 1428-1458.
128. Horwitz, A. Sons and daughters as caregivers to older parents: Differences in role performance and consequences // *The Gerontologist*. 1985. Vol. 25. P. 612-617.
129. Kaneko R. Population prospects of the lowest fertility with the longest life: The new official population projections for Japan and their life course approaches. In: *Work session on demographic projections, Bucharest, Luxembourg: EUROSTAT Methodology and working papers, Office for Official Publications of the European Communities*. 2007.
130. Keefe A., Le'gare' J., Charbonneau P., and De'carie Y. *Intergenerational Support to Older Canadians by Their Adult Children: Implications for the Future Janice. The Family, the Market or the State? Intergenerational Support Under Pressure in Ageing Societies international Studies in Population*, Vol. 10 De Santis, Gustavo (Ed.). 2012.

131. Keilman N., Christiansen S. Norwegian elderly less likely to live alone in the future // *European Journal of Population*. Vol. 26. №1. 2010.
132. Khan H. T. Factors associated with intergenerational social support among older adults across the world // *Ageing International*. 2014. Vol.39.№4. P.289-326.
133. Kinsella K. Demographic dimensions of global aging // *Journal of Family Issues*. 2000. Vol. 21. P. 541- 558.
134. Klinenberg's E. (2012). *Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*.
135. Knodel J., Friedman J, Anh, T., Cuong, B. Intergenerational changes in Vietnam: Family size, sex composition, and the location of children // *Population Studies*. 2000. Vol. 54. P. 89-104.
136. Knodel J., Debavalya N. (1997). Living arrangements and support among the elderly in South-east Asia: An introduction *Asia-Pacific Population Journal*.
137. Knodel J., Friedman J., SI ANH, Cuong B. T. Intergenerational exchanges in Vietnam: Family size, sex composition, and the location of children // *Population studies*. 2000. Vol. 54. №. 1. Vol. 89-104.
138. Kotlikoff J. L. *Generational Accounting*. The Free Press. 1992.
139. Kotlikoff L. J. Intergenerational transfers and savings. National Bureau of Economic Research. 1987. №.w2237.
140. Kotlikoff L. J., Spivak A. The family as an incomplete annuities market // *Journal of Political Economy*. 1981. Vol 89. P. 372-391.
141. Künemund, Harald (2003). Theoretical arguments and empirical explorations of crowding in and crowding out. Paper presented at the 6th Conference of the European Sociological Association 'Ageing Societies, New Sociology' in Murcia, Spain, September 23-26, 2003
142. Laferrere A., Wolff F. *Microeconomic Models of Family Transfers* // Version 2.3 for chapter 11, *Handbook on the Economic on Giving, Reciprocity and Altruism*, S.C.Kolm and J.Mecier-Ytier (ed),

- NorthHolland. 2006. // URL: <http://www.sc-eco.univ-nantes.fr/~fcwolff/wolff/> ch (дата посещения: 13.12.2012)
143. Laslett P., *A Fresh Map of Life: the Emergence of the Third Age*. London. 1990.
144. Laslett P., *What is Old Age? Variation over the Time and between Cultures*. In: G.Caselli and A.Lopez (eds.), *Health and Mortality among Elderly Populations*. Oxford, 1996.
145. Lee R. D. *Population aging, old age support systems, and wealth: cross-national comparisons* // Paper for Session 80: The economic aspects of population ageing Tuesday, September 29, 3:30 PM - 5:00 PM Ministres. August 14, 2009.
146. Lee R. D., Mason A. (ed.). *Population aging and the generational economy: A global perspective*. Edward Elgar Publishing, 2011.
147. Lee R.D. *Cross-cultural perspective on intergenerational transfers and the economic life cycle*. In: A. Mason, Tapinos G. (Eds.) *Sharing the wealth: demographic change and economic transfers between generations*. Oxford University Press, Oxford. 2000.
148. Lee R.D. *The formal demography of population aging, transfers and the Economic Life Cycle* // *Demography of Aging*. Eds.. L. G. Martin and S. H. Preston. Washington, D.C., National Academy Press: 8-49. 1994.
149. Lee Y.J., Parish W.L., Willis R.J. *Sons, daughters, and intergenerational support in Taiwan* // *American Journal of Sociology*. 1994. Vol. 99. P. 1010-1041.
150. Leopold T. *The legacy of leaving home: Long-term effects of coresidence on parent–child relationships* // *Journal of Marriage and Family*. 2012. Vol. 74. №. 3. P. 399-412.
151. Leopold T., Raab M. *Short-Term Reciprocity in Late Parent-Child Relationships* // *Journal of Marriage and Family*. 2011. Vol. 73. P. 105-119.

152. Liliana E. Pezzin and Barbara Steinberg Schone Parental Marital Disruption and Intergenerational Transfers: An Analysis of Lone Elderly Parents and Their Children // *Demography*. Aug., 1999. Vol. 36. №3. P. 287-297.
153. Litwak E. (1960). Occupational mobility and extended family cohesion // *American Sociological Review*. P.385-394.
154. Litwin H., Vogel C., Künemund H., Kohli M. The balance of intergenerational exchange: correlates of net transfers in Germany and Israel // *European journal of ageing*. 2008. Vol.5. №2. P. 91-102.
155. Litwin H. Social networks and well-being: A comparison of older people in Mediterranean and non-Mediterranean countries // *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2010. Vol. 65. №5. P. 599-608.
156. Martin L. G. Living arrangements of the elderly in Fiji, Korea, Malaysia, and the Philippines // *Demography*. 1989. Vol. 26. №. 4. P. 627-643.
157. Martin M.A. Family Structure and Income Inequality in Families with Children, 1976 to 2000 // *Demography*. 2006. Vol. 43. №3. P. 421-445.
158. Massey DS. 2007. *Categorically Unequal: The American Stratification System*. New York: Russell Sage Found, Western B. *Punishment and Inequality in America*. New York: Russell Sage Found.
159. Matthews S. H., Rosner, T T (1988). Shared filial responsibility: The family as the primary caregiver // *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 50. 1988. P. 185-195.
160. Mesle F., Vallin J. Mortality in Europe: The divergence between east and west // *Population*. 2002. Vol.57. P.171–212.
161. Modigliani F. The life cycle hypothesis of saving, the demand for wealth and the supply of capital // *Social Research*. 1966. Vol.160-217

162. Modigliani F. (1970). The life cycle hypothesis of saving and intercountry differences in the saving ratio. *Induction, growth and trade*, 197-225.
163. Modigliani, F. (1988). The role of intergenerational transfers and life cycle saving in the accumulation of wealth. *The Journal of Economic Perspectives*, 15-40;
164. Montgomery R., Kamo Y. (1989). Parent care by sons and daughters. In J. Mancini (Ed.), *Aging parents and adult children* (pp. 213-230). Lexington, MA: Lexington Books of Coresidence on Parent – Child Relationships / *Journal of Marriage and Family* 74 (June 2012): 399 – 412
165. Motonishi T. 2012. Heterogeneous Elderly Parents and Intergenerational Transfers in Japan. *The Family, the Market or the State? Intergenerational Support Under Pressure in Ageing Societies international Studies in Population*, Vol. 10 De Santis, Gustavo (Ed.): 127-128.
166. Murphy M. Long-Term Effects of the Demographic Transition on Family and Kinship Networks in Britain // *Population and development review*. 2011. Vol. 37. №1. P. 55-80.
167. Neugarten B. L., Age groups in American Society and the Rise of the Young Old. *Political Consequences of Aging // The Annals of the American Academy of Social and Political Science*. 1974. Vol. 415. P.187-198.
168. Parsons T. *The American Family: Its Relation to Personality and to the Social Structure* // Parsons T., Bales R. *Family, Socialization and Interaction Process*. Glencoe: Free Press, 1955. P. 10–26.
169. Pezzin L. E., Schone B. S. Parental marital disruption and intergenerational transfers: An analysis of lone elderly parents and their children // *Demography*. 1999. Vol. 36. №. 3. P. 287-297.
170. Pickard L. A growing care gap? The supply of unpaid care for older people by their adult children in England to 2032 // *Ageing and Society*. 2015. Vol. 35. №1. Vol. 96-123.

171. Pickard L., Wittenberg R., Comas-Herrera A., Davies B., Darton R. Relying on informal care in the new century? Informal care for elderly people in England to 2031 // *Ageing and Society*. 2000. Vol. 20. P. 745-772.
172. Riley M.W. Social Gerontology and the Age Stratification of Society // *Gerontologist*. 1971. Spring. Part 1. P. 79-87
173. Ritzer G., Introduction in sociology. University of Maryland. 2013
174. Rossi A. S., Rossi P. H. (1990) *Of human bonding*. New York: Aldinede Gruyter.
175. Rozenzweig M. R. Transfers from parents to their adult children in the developed and the developing countries // *Ageing and the family*. New York, 1994. P. 195
176. Ruggles, S. (1987). *Prolonged connections: The rise of the extended family in nineteenth century England and America*. Madison, WI: University of Wisconsin.
177. Seelbach W. C. Gender differences in expectations for filial responsibility // *The Gerontologist*. 1977. Vol. 17. №5. Part 1. P. 421-425.
178. Shuey K., Hardy M. Assistance to Aging Parents and Parents-in-Law: Does Lineage Affect Family Allocation Decisions? // *Journal of Marriage and Family*. 2003. Vol. 65. №2. P. 418-431.
179. Silverstein M., Parrott T. M., Bengtson V. L. Factors that predispose middle-aged sons and daughters to provide social support to older parents // *Journal of Marriage and the Family*. 1995. P. 465-475.
180. Sloan F. A., Zhang H. H., Wang J. Upstream intergenerational transfers // *Southern Economic Journal*. 2002. P. 363-380.
181. Stoller E. P. Males as helpers: The role of sons, relatives and friends // *The Gerontologist*. 1990. Vol. 30. P. 228-235.
182. Stoller E. P., Earl L. L. Help with activities of everyday life: sources of support for the noninsti-tutionalized elderly // *The Gerontologist*. 1983. Vol. 23. P. 64-70.

183. Susan A. McDaniel Intergenerational Transfers, Social Solidarity, and Social Policy: Unanswered Questions and Policy Challenges Canadian Public Policy / Analyse de Politiques, Vol. 23, Special Joint Issue: Aging / Vieillesse (Spring, 1997). P. 1-21.
184. Sussman M., Cates J., Smith J. The family and inheritance // Russell Sage Foundation, 1970.
185. Szinovacz M. E., Davey A. Changes in adult children's participation in parent care // Ageing and society. 2013. Vol. 33. №04. P. 667-697.
186. Szydlik M. Inheritance and Inequality: Theoretical Reasoning and Empirical Evidence // European Sociological Review. 2004. Vol.20. №1. P. 31-45.
187. Uhlenberg P. International handbook of population aging. Vol. 1. Dordrecht: Springer, 2009. 772 p.
188. Van der Pas S., Van Tilburg T. G. The influence of family structure on the contact between older parents and their adult biological children and stepchildren in the Netherlands //The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 2010. Vol. 65. № 2. P. 236-245.
189. Villanueva E. Inter vivos transfers and bequest in the three OECD countries // Economic policy. 2005. Vol. 20. №43. P.506-565.
190. Watkins S. C., Menken J.A., Bongaarts J. Demographic Foundations of Family Change // American Sociological Review. 1987. Vol. 52. №3. P. 346-358.
191. Willis R. J. The direction of intergenerational transfers and demographic transition: the Caldwell hypothesis reexamined // Population and Development Review. 1982. P. 207-234.
192. World Health Organization // URL: <http://www.who.int/en/> (дата обращения: 28.08.2015)
193. World Population Prospects. The 2010 Revision // URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/trends/W>

[PP2010/WPP2010_Volume-I_Comprehensive-Tables.pdf](#) (дата обращения 17.06.2015)

194. Zimmer Z., Kwong J. Family size and support of older adults in urban and rural China // Demography. 2003. Vol.40. №1. P. 23-44.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица 1 – Структура российских домохозяйств, %

Тип домохозяйства	2002 г.	2010 г.
Одиночки	22,3	25,7
в том числе		
Трудоспособные	9,5	11,7
Старше трудоспособного	12,7	13,9
Супруги без детей	16,1	16,6
в том числе		
Простые	14,8	15,3
Сложные	1,3	1,3
Супруги с детьми	39,7	34,9
в том числе		
Простые	27,8	23,4
Сложные	11,9	11,5
из них		
Супруги с детьми до 18 лет	30,0	23,8
в том числе		
Простые	21,1	15,9
Сложные	8,9	7,9
Матери/отцы с детьми	16,8	15,6
в том числе		
Простые	11,9	11,5
Сложные	4,9	4,1
из них		
Матери/отцы с детьми до 18 лет	9,3	6,9
в том числе		
Простые	5,6	4,2
Сложные	3,7	2,7
Прочие домохозяйства	5,1	7,2
в том числе		
С детьми до 18 лет	0,9	2,0
Все домохозяйства	100	100
в том числе		
С детьми до 18 лет	40,2	32,8

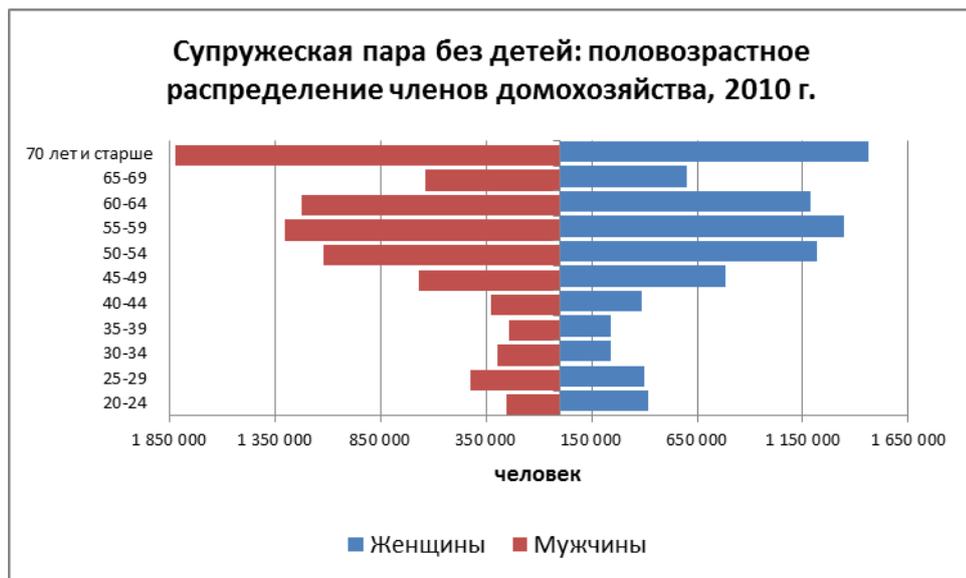
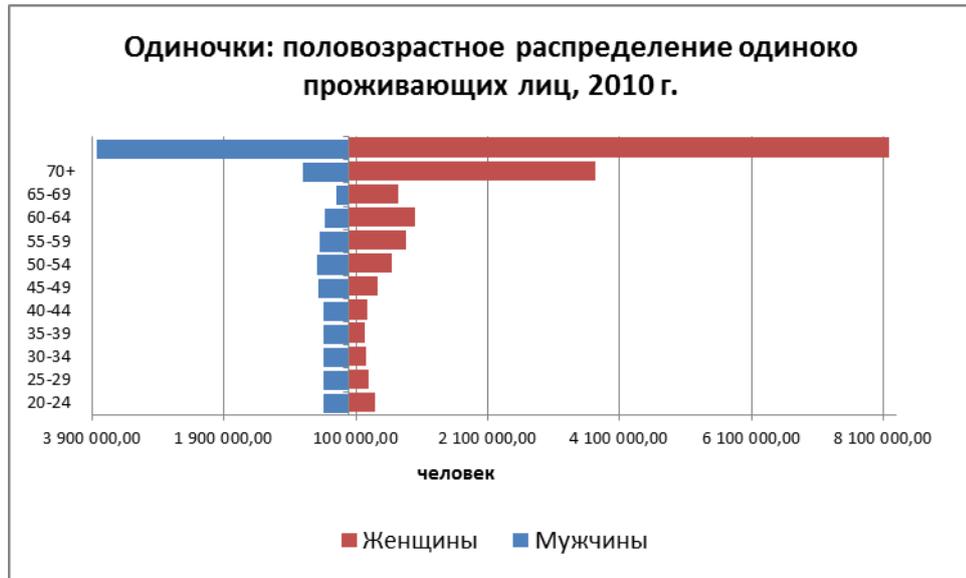
Приложение 2

Таблица 2 – Структура российских домохозяйств, город/ село %

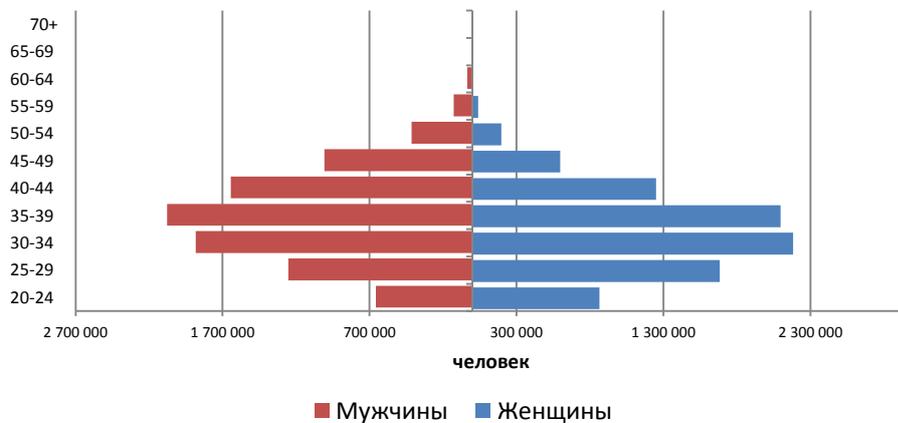
Тип домохозяйства	город		село	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Одиночки	22,3	26,2	22,1	24,1
в том числе				
Трудоспособные	10,5	12,7	6,4	8,6
Старше трудоспособного	11,7	13,4	15,6	15,4
Супруги без детей	15,1	15,9	19,1	18,7
в том числе				
Простые	13,8	14,6	17,7	17,3
Сложные	1,3	1,3	1,4	1,4
Супруги с детьми	38,9	33,6	42,1	39,1
в том числе				
Простые	27,1	22,9	29,9	25,2
Сложные	11,8	10,7	12,2	13,9
из них				
Супруги с детьми до 18 лет	28,6	22,5	34,1	28
Простые	20,1	15,3	24,1	17,7
Сложные	8,5	7,2	10	10,3
Матери/отцы с детьми	18	16,3	13,2	13,4
в том числе				
Простые	12,6	11,9	9,6	10
Сложные	5,4	4,4	3,6	3,4
из них				
Матери/отцы с детьми до 18 лет	10,1	7,2	7,2	6
в том числе				
Простые	6,1	4,4	4,3	3,7
Сложные	4	2,8	2,9	2,3
Прочие домохозяйства	5,7	8	3,5	4,7
в том числе				
С детьми до 18 лет	1	2,2	0,5	1,5
Все домохозяйства	100 (39236582)	100 (41240276)	100 (13474793)	100 (13320351)
в том числе				
С детьми до 18 лет	39,7	31,9	41,8	35,5

Приложение 3

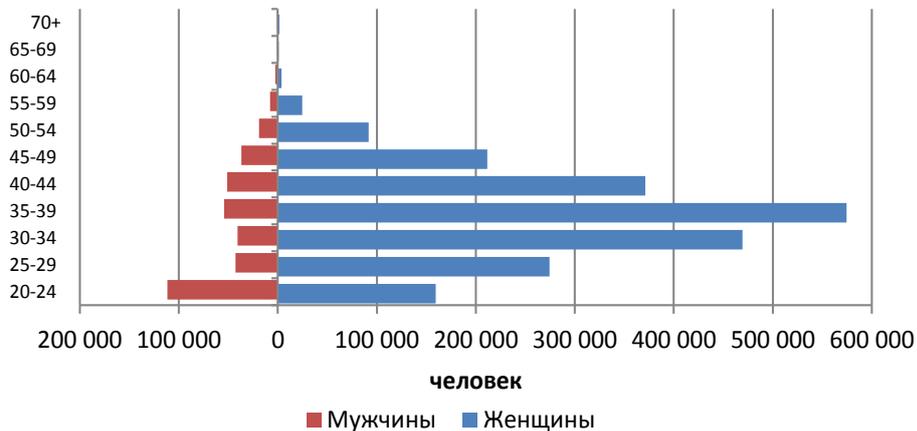
Половозрастные распределения членов домохозяйств различных типов

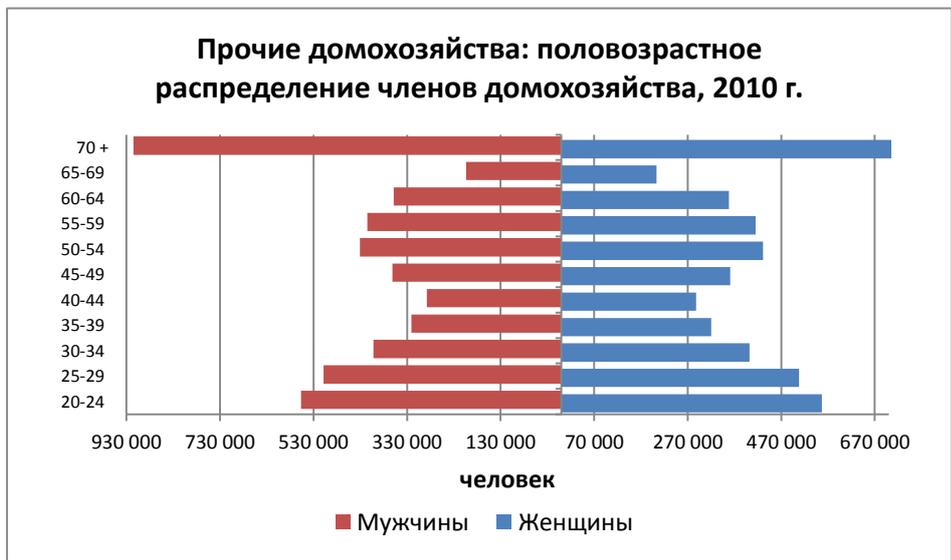
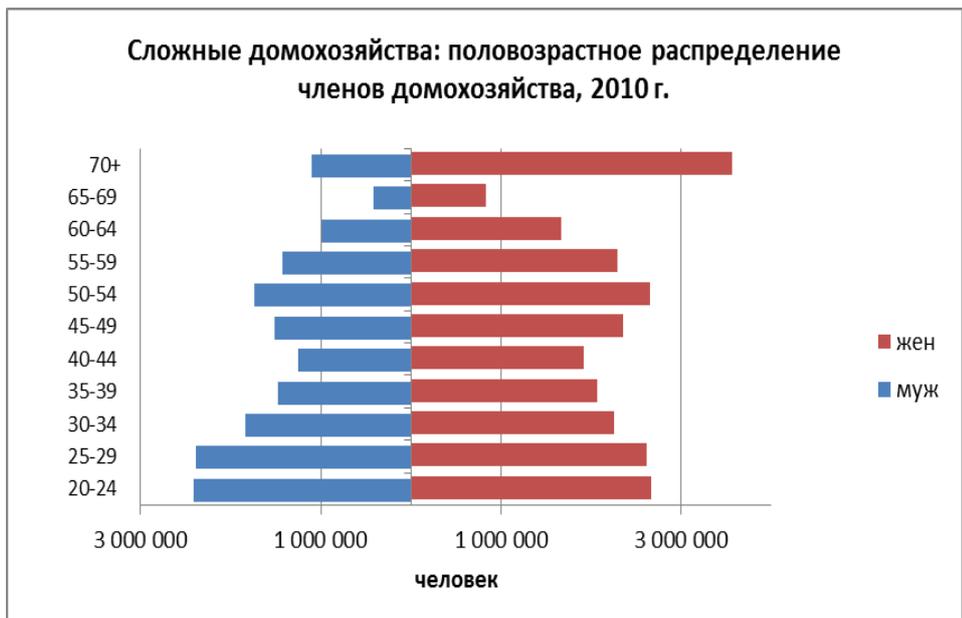

**Супружеская пара с несовершеннолетними детьми:
половозрастное распределение членов домохозяйства,
2010 г.**

**Неполные семьи с несовершеннолетними детьми:
половозрастное распределение членов
домохозяйства, 2010 г.**

Приложение 4

Гид интервью с дачниками и местными жителями в Костромской области (блок вопросов о частных трансфертах)

У Вас есть близкие родственники, которые проживают отдельно от Вас? Где они проживают? Как часто вы с ними общаетесь (лично или по телефону, по почте или интернету и т.д.)? Помогаете ли вы им или они вам? Как часто? Виды помощи? В сложной жизненной ситуации к кому первому Вы обычно обращаетесь за помощью? Приведите пример. За последний год оказывали ли Вы помощь родственникам, живущим отдельно от Вас (детям, родителям...), друзьям, соседям? Какую именно: денежную, материальную (продуктами, вещами), инструментальную (работой по дому, в огороде и пр.), моральную (советы и пр.)? Кому именно Вы помогали? На Ваш взгляд, насколько важна была Ваша помощь для тех, кому Вы помогали? Поясните свой ответ. Какого вида помощь в повседневной жизни самая необходимая для Вас? Опишите ее (продуктами, деньгами, трудом и пр.). Кто ее оказывает и в каких объемах? Постарайтесь указать денежное или временное выражение этой помощи (как часто, и пр.). Какую роль помощь от родственников, друзей, знакомых играет для Вас (без этого не могли бы прожить; существенную роль; незначительную роль; никакой роли, просто традиция)? Поясните свой ответ. Как Вы считаете, равноценна ли помощь, которую Вы оказываете той, которую предоставляют Вам? Если нет, считаете ли Вы существующее положение дел справедливым? Как вы считаете, можно ли в настоящее время жить обособлено, не оказывая никому помощи и не получая ее? Почему?

Приложение 5

Список информантов - дачников

№	Место временного проживания	Имя	Пол	Возраст	Тип домохозяйства информанта
1.	Медведево	Алексей	м	44	Супружеская пара с несовершеннолетними детьми
2.	Аносово	Аня	ж	34	Супружеская пара с несовершеннолетними детьми
3.	Мантурово	Антонина	ж	39	Неполная семья
4.	Родилась в Москве, живет в Медведево	-	ж	63	Сложное домохозяйство
5.	Полома	Евгения	ж	68	Домохозяйство прочего типа (проживает с престарелой мамой)
6.	Полома	Наталья Юрьевна	ж	58	Супружеская пара пенсионного возраста
7.	Угоры	Александр	м	50	Супружеская пара с несовершеннолетними детьми
8.	Никитино	Валентина Андреевна и муж Володя	ж	70	Супружеская пара пенсионного возраста
9.	Полома	Марина	ж	66	Одиночка пенсионного возраста
10.	Аносово	Татьяна	ж	50	-
11.	Шилово	Ольга Аскольдовна	ж	-	-
12.	Полома	Мария Терентьевна	ж	66	Одиночка пенсионного возраста
13.	Дмитриево	Анна	ж	51	Супружеская пара пенсионного возраста
14.	Угоры	Наталья Михайловна	ж	70	Сложное домохозяйство
15.	Давыдово	Ольга Матвиенко	ж	61	Супружеская пара пенсионного возраста
16.	Угоры	Светлана	ж	40-50	Супружеская пара трудоспособного возраста
17.	Угоры	Яков Истомин	м	68	Супружеская пара пенсионного возраста
18.	Шилово	Наталья	ж	54	Супружеская пара трудоспособного возраста
19.	Полома	Ирина	ж	87	Одиночка пенсионного возраста
20.	Медведево	Никита Евгеньевич	м	63	Супружеская пара с несовершеннолетними детьми

Список информантов - местных жителей

№	Место проживания	Имя	Пол	Возраст	Профессия	Тип домохозяйства
1.	Угоры	Зоя Кораблёва	ж	55	продавец в ларьке	Супружеская пара пенсионного возраста
2.	Угоры	Алексей	м	35	механизатор	Домохозяйство прочего типа (проживает с престарелыми родителями)
3.	Угоры / Вологда	Максим Смирнов	м	20	студент	Одиночка трудоспособного возраста
4.	Угоры	Дмитрий	м	17	учащийся (11 класс)	Супружеская пара с несовершеннолетними детьми
5.	Давыдово	Александр	м	25	разнорабочий	Домохозяйство прочего типа (проживает с родителями)
6.	Угоры	Александр Смирнов	м	39	тракторист	Супружеская пара с несовершеннолетними детьми
7.	Угоры	Екатерина Смирнова	ж	40	начальник почтового отделения связи	Супружеская пара с несовершеннолетними детьми
8.	Угоры	Ольга Борисовна	ж	41	фельдшер	-
9.	Мантурово	Наталья Леонидовна	ж	-	фельдшер	-
10.	Угоры	Настя Виноградова	ж	21	Менеджер по продажам (в декрете)	Супружеская пара с несовершеннолетними детьми
11.	Угоры	Марина	ж	16	учащаяся	Супружеская пара с несовершеннолетними детьми
12.	Угоры	Вячеслав	м	17	учащийся	Супружеская пара с несовершеннолетними детьми
13.	Угоры	Сергей	м	45	тракторист	Супружеская пара трудоспособного возраста
14.	Угоры	Нина Николаевна	ж	73	староста храма	Одиночка пенсионного возраста
15.	Угоры	Борис Александрович	м	65	учитель физики	Супружеская пара пенсионного возраста
16.	Давыдово	Неизвестная бабушка	ж	76	доярка на пенсии	Одиночка пенсионного возраста
17.	Полома	Валентина	м	56	пенсионерка	Супружеская пара пенсионного возраста
18.	Угоры	Леонид Михайлович	м	47	строитель	Супружеская пара трудоспособного возраста
19.	Давыдово	Леонид	м	56	тракторист на пенсии	Супружеская пара с несовершеннолетними детьми
20.	Угоры	-	ж	-	директор школы	-
21.	Угоры	Отец Антоний	м	-	настоятель Храма	Супружеская пара с несовершеннолетними детьми
22.	Угоры	Николай	м	63	агроном	Супружеская пара пенсионного возраста
23.	Угоры	Мария	ж	75	рукодельница	Одиночка пенсионного возраста
24.	Давыдово	Настя	ж	19	в декрете	-